АЗІЯТСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ

избранныя сочиненія и переводы по части Наукъ, Искуствъ и Словесности странъ Восточныхъ, равно Путешествія по симъ странамъ и разныя новѣйшія свѣдѣнія;

ИЗДАВАЕМЫЙ

Григоріемъ Спасскимъ.

С Ъ ЯНВАРЯ по ІЮЛЬ, 1826.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпу
изъ Типографіи, представлены были въ С.
тербургскій Ценсурный Комитетъ семь
земпляровъ сей книги, для препровожденія
слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Пет
бургъ, Декабря 12 дня 1825 года.

Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кава
Александръ Красовск

АЗІЯТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЯНВАРЬ, 1826.

НАУКИ и ИСКУСТВА.

О древнемъ Христіанскомъ Памятникѣ, открытомъ въ Китаѣ 1625 года.

Сколь ни отдалено Китайское Государство отъ Европы, и даже отъ мѣстъ, ознаменованныхъ началомъ Христіанской Вѣры въ Азіи, и сколько, по видимому, ни чуждались Китайцы сношенія съ иноземцами, по приверженности къ древнимъ обычаямъ предковъ своихъ, донынѣ у нихъ сохранившимся; но есть доказательства, что Христіанская Вѣра проникла гораздо прежде въ сію страну, нежели въ нѣкоторыя изъ западныхъ Государствъ, изъ коихъ однѣ, какъ извѣстно, просвѣщены самими Апостолами, а другія ближайшими, иныя же отдаленнѣйшими ихъ преемниками.

Главнымъ и достойнымъ особеннаго вниманія между сими доказательствами, можетъ служить древній Христіанскій памятникъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Европѣ чрезъ сочиненія Аѳанасія *Кирхера*. Сей ученый Езуитъ, въ книгѣ своей: *Объясненный Китай* (China illustrata), напечатанной въ Амстердамѣ 1667 года, говоритъ, что онъ изъ числа многихъ своихъ сочиненій, въ одномъ, подъ названіемъ: Prodromus Copticus (изд. 1636 въ Римѣ, въ 4), описалъ уже сей памятникъ; и хотя оный по новости своей заслужилъ общее вниманіе, однако же многіе считали его за выдумку Езуитовъ, въ чемъ старались увѣрить и другихъ, особливо же одинъ изъ новѣйшихъ писателей силился доказать, что Езуиты хотѣли посредствомъ сего памятника выманить у Китайцевъ денегъ; между тѣмъ какъ достовѣрность онаго подтверждаютъ многіе очевидные свидѣтели изъ Китайцевъ, и обращенные изъ нихъ же въ Христіанство *Леонъ* (*Левъ*) и *Павелъ*, равно какъ и самый снимокъ съ высѣченныхъ наономъ надписей, доставленный изъ Китая въ Римъ и хранящійся въ тамошнемъ музеумѣ.

Для большаго еще убѣжденія въ истинѣ сего О. *Кирхеръ* предлагаетъ пространнѣйшее опи-

саніе памятника съ изображеніемъ онаго, почерпнутымъ изъ одной Китайской книги и съ показаніемъ произношенія Китайскихъ словъ и буквальнымъ переводомъ, сдѣланнымъ искуснѣйшимъ въ Китайскомъ языкѣ О. Михаиломъ *Боймомъ*, коего приведено при томъ и собственное письмо. Послѣ краткаго описанія Китая и введенія въономъ Христіанства еще въ первыхъ вѣкахъ Св. Апостоломъ Ѳомою, онъ говоритъ о семъ памятникѣ слѣдующее: „1625 года въ предмѣстіи города Сиганфу (Сиань-фу), принадлежащаго къ области Шеньси, при рытіи рва для основанія нѣкотораго строенія, открыли каменную доску съ высѣченною на оной Китайскою надписью. По измѣренію оказалась длина оной 9 Голландскихъ пальмовъ, ширина 5, толщина же около 1 пальма. Верхъ ея оканчивается пирамидообразно и имѣетъ явственное изображеніе Креста. Тѣ, которые внимательно разсматривали оный Крестъ, говорятъ, что концы его образуютъ видъ лилій, подобно тому, какъ въ Міліанпурѣ (въ Индіи) надъ гробомъ Св. Апостола Ѳомы, и какой носятъ Мальтійскіе Кавалеры Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, на своихъ одѣяніяхъ. Подъ симъ Крестомъ слѣдуетъ надпись на Ки,

тайскомъ языкѣ, покрывающая всю поверхность камня. Сія находка привлекла отвсюду множество любопытныхъ отъ природы Китайцевъ, простыхъ и ученыхъ. Мѣстный начальникъ для лучшаго сохраненія сего камня и осмотра всякому велѣлъ поставить оный въ Бонзовскомъ храмѣ за перегородкою и на возвышеніи. Но какъ по краямъ его изображены письменные знаки неизвѣстные Китайцамъ, то для удовлетворенія и въ семъ любопытства ихъ, оныя объяснены были стараніемъ Езуитовъ. *Левъ Мандаринъ*, обращенный уже въ Христіанскую вѣру, для пользы оной, первый списавъ съ точностію сей памятникъ, издалъ объ немъ извѣстіе. Послѣдуя ему одинъ изъ Езуитовъ О. Альваръ *Самеда*, родомъ Португалецъ, списокъ съ онаго помѣстилъ въ своей Исторіи о Китаѣ, изданной на Италіянскомъ языкѣ. При всемъ томъ никто не зналъ значенія оныхъ словъ, по доставленіи же съ нихъ списка въ Римъ и по порученіи мнѣ для разсмотрѣнія, я, если не ошибаюсь, первый предложилъ переводъ оной надписи въ своемъ: Prodromus Copticus; однако же не могъ тогда получить всѣхъ вообще начертаній; ибо только нѣкоторыя изъ нихъ сняты были *Мандари-*

номъ Львомъ съ подлинника на особыхъ листахъ для образца. Вскорѣ потомъ доставленъ мнѣ былъ полный списокъ, донынѣ хранящійся въ Римской Езуитской Коллегіи. Тогда я объяснилъ оный вмѣстѣ съ пространнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ переводомъ Китайскихъ и Халдейскихъ словъ. О. *Мартини*, прибывъ въ Римъ послѣ О. *Самеда*, не только изустно расказалъ мнѣ объ ономъ камнѣ, но и описалъ его пространно въ своемъ *Атласѣ* на стр. 44." Въ семъ послѣднемъ описаніи Си-ань-фу, близь коего камень найденъ, названъ Шансіемъ и сдѣлана ссылка на описаніе *Кирхера*. Наконецъ оный же камень еще точнѣе описанъ О. Михайломъ *Боймомъ*, который исправя всѣ ошибки сдѣланныя другими описателями, съ помощію природнаго Китайца Андрея *Донсины*, весьма свѣдущаго въ своемъ языкѣ, какъ видно изъ предувѣдомленія его къ читателю, писаннаго 4 Ноября 1653 въ Римѣ.

Нѣкоторые изъ писателей 18 столѣтія, ополчавшихся, подобно враждебнымъ духамъ, противъ Христіанства, старались также поколебать довѣренность и къ сему памятнику, столь разительно противорѣчущему ихъ лжеумствованіямъ. Сомнѣнія ихъ и ничтожныя

догадки, оставаясь долгое время безъ возраженій, могли склонить многихъ на свою сторону, принявшихъ оныя безъ должнаго размышленія, не говоря уже о легкомысленныхъ поборникахъ сихъ мнимыхъ философовъ.

Напослѣдокъ въ наше время одинъ изъ перволасныхъ знатоковъ Словесности и Исторіи Китайской, принялъ справедливую сторону Христіанства. Нужно ли упоминать, что сто *Абель-Ремюза*, столь извѣстный изысканіями своими о Восточныхъ древностяхъ и по другимъ не менѣе важнымъ его трудамъ? Вотъ, что говоритъ онъ (1) въ разборѣ сочиненія Вильгельма *Мильна* о Протестантской Миссіи въ Китаѣ (2): „Г. Мильнъ конечно предостерегъ бы себя отъ сомнѣній, если бы уз-

(1) Journal des Savans; Octobre 1816, p. 594.

(2) A Retrospect of the first ten years of the protestant Mission to China now in connection with the Malay denominated the ultra Ganges Missions, accompanied with miscellaneous remarks on the literature, history and mithologie of China etc. by William Milne. Malacca print, at the Anglochines press, 1820 in 8, 376 p. (Взглядъ на первое десятилѣтіе Протестантской Миссіи, отправленной въ Китай; нынѣ, по связи ея съ Малайскою, названной Миссіею по ту сторону рѣки Гангеса, съ присовокупленіемъ разныхъ замѣчаній о Словесности, Исторіи и Баснословіи Китайцевъ и проч. Соч. Вильяма Мильна, печат. въ Малакѣ въ Англокитайской Типографіи 1820 г. въ 8. 376 стр.

налъ о семъ памятникѣ другимъ путемъ, а не по одному только сказанію объ немъ нѣкоторыхъ Римско-Католическихъ Миссіонеровъ, и именно *О. Лекомта* (P. Le Comte Nouv. mémoires T. II. 197), котораго, кажется, одного онъ лишь и читалъ по сему предмету. Нѣкоторые писатели оспоривали достовѣрность надписи и даже отвергали существованіе оной, объявляя о Миссіонерахъ, писавшихъ объ ней, что они подложили сей памятникъ изъ одной лишь набожности (1). Если бы такой подлогъ возможно было сдѣлать посреди недовѣрчиваго и подозрительнаго народа, въ странѣ, въ коей частные и должностные люди, равно расположены худо къ иноземцамъ, а особливо къ Миссіонерамъ, гдѣ смотрятъ внимательно на каждый ихъ поступокъ и мѣстное начальство наблюдаетъ съ крайнею заботливостію надъ всѣмъ, что относится до народныхъ преданій и древнихъ памятниковъ; то трудно изъяснить, какъ Миссіонеры отважились напечатать и обнародовать въ Китаѣ и на Китайскомъ языкѣ надпись, состоящую изъ 1800

---

(1) Essai sur les moeurs ed. De Desoer (Волтера опытъ о нравахъ изд. Дезоера Т. IV, Гл. II, с. 136). D' Argens lettres Chinoisis (Даржана Китайскія письма Т. VIII, с. 745.)

словъ, и будто никогда небывалую; какъ могли они подражать Китайскому слогу, поддѣлаться подъ почеркъ писцовъ Тангской (Thang) династіи, припомнить мало извѣстные обычаи, мѣстныя обстоятельства, означеніе времени, состоящее въ таинственныхъ знакахъ Китайской Астрологіи—и все сіе сдѣлать безъ малѣйшей ошибки для взыскательности искуснѣйшихъ и ученыхъ Китайцевъ, по самой уже необыкновенности сего открытія, обратившихъ вниманіе на изслѣдованіе достовѣрности онаго. И такъ надлежало бы предположить, что одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ въ наукахъ, ученый Китаецъ, согласился съ Миссіонерами, для пріобрѣтенія довѣрія отъ своихъ соотечественниковъ. Но єто еще не все: края надписи покрыты именами Сирійскими и состоятъ изъ красиваго письма, называемаго Странгело; а потому поддѣльщику надобно было знать по Сирійски, и имѣть возможность заставить подъ своимъ надзоромъ сдѣлать надпись, состоящую изъ 80 строкъ Сирійскаго письма, бывшаго нѣкогда въ употребленіи, а послѣ уже почти забытаго. Въ росписи же вѣропроповѣдниковъ Сирійскихъ, находящейся на семъ памятникѣ, многія имена мало извѣстны

были и въ то время, къ которому относятъ открытіе сего памятника, бывшее до изданія еще въ свѣтъ извлеченій изъ *Ассеманія* (Assemani), каковы на пр. *Ахад-Гуснасфъ* (Ahad-Gusnasph), *Атдасфа* (Atdaspha), *Іешуададъ* (Ieschouadad), *Издбузидъ* (Izdbousid) и проч. (China illustr. p. 41.—Prodr. Copt. p. 83.—Müller Monum. Sinic—Coment. Onomast. p. 29); а по сему поддѣлыцикъ долженъ быть и человѣкомъ глубоко свѣдущимъ въ Сирійскихъ древностяхъ. Впрочемъ недостаточно былобъ изъяснить подлогъ надписи въ изданіи Китайскомъ и въ спискахъ приводимыхъ Отцами *Самедомъ* (Samedo Relatio della grande Monarchia della China p. 194), *Мартиномъ* (Martini Atlas Chinois p. 55.) и *Боймомъ* (Boym Gloria Regni Sinensii crux ad Calcem floræ Sinensis, въ Collection de Thevenot p. 29 и въ Bref. Relation de la Chine), надобно еще дать отчетъ въ поддѣлкѣ памятника. Ибо камень сей существуетъ. Оный имѣетъ 10 футовъ въ длину и 5 въ ширину. Одинъ изъ списковъ, сдѣланныхъ съ него посредствомъ прозрачной бумаги и обведенный черниламн, находится въ *Королевской Библіотекѣ* въ Парижѣ. При томъ же не Миссіонеры нашли сей памятникъ въ

земль, но Китайскіе работники, рывшіе яму для основанія частнаго дома. Само Китайское Правительство приказало вынуть оный и поставить на піедесталь въ сосѣднемъ идольскомъ храмѣ, нимало не подозрѣвая, чтобы тутъ былъ какой нибудь обманъ для его уловленія (1). И такъ надобно было сочинить сію надпись по Китайски, чрезъ подкупленнаго ученаго Китайца, прибавить къ ней Сирійскія строки, съ помощію искуснаго въ Странгельскомъ письмѣ, все то заказать тщательно вырѣзать на камнѣ, зарыть оный такъ, чтобы никто о томъ не зналъ и расположить работы городскихъ каменщиковъ такимъ образомъ, чтобы могли найти оный. Сколько надобно было бы происковъ, стараній, затрудненій и даже опасности, посреди такого народа, каковы Китайцы, и съ какимъ намѣреніемъ? чтобы

(1) Еслибъ не было другихъ убѣжденій, то и одно сіе обстоятельство могло бы уже ручаться въ достовѣрности сего памятника; ибо согласились ли бы Китайцы выставить всенародно памятникъ, свидѣтельствующій, что нѣкоторые изъ Государей ихъ 7 и 8 вѣка покровительствовали вѣропроповѣдникамъ и содѣйствовали распространенію Христіанства, созданію и благолѣпію церквей, когда бы сіе противорѣчило Исторіи ихъ, которая, какъ извѣстно, сохраняетъ для потомства всякія дѣянія Китайскихъ Государей. С.

достовѣрно доказать, впрочемъ и безъ того уже извѣстное событіе, что въ 7 и 8 вѣкѣ по Р. Х. Сиріяне создали нѣкоторыя церкви въ Си-ань-фу, и что нѣкоторое число Китайцевъ приняло-было Несторіанскую или Яковитскую ересь.—Таковая цѣль весьма мало достойна употребленныхъ средствъ. Не льзя отгадать, что могъ бы чрезъ все сію выиграть Католицизмъ, и могли ли Езуиты вознаграждены быть за свои труды, видя свою надпись, поставленною въ идольскомъ храмѣ Шень-сиской области" (1)?

Если послѣ всѣхъ таковыхъ убѣжденій найдутся еще люди, увлеченные ложными умствованіями противъ достовѣрности сего знаменитаго памятника Христіанства: то они или не могутъ, или не хотятъ внимать истинѣ.

Для поданія соотечественникамъ моимъ точнѣйшаго понятія о семъ памятникѣ, о которомъ, сколько извѣстно, не было ничего

---

(1) Область Шень-си, Шен-зе граничитъ къ востоку съ рѣкою Хуанъ-хо (Гоангомъ), отдѣляющею ее отъ Шанси, къ югу съ областями Сы-чуанскою и Ху-гуангскою, къ сѣверу съ Татаріею и великою стѣною, а къ западу съ Монгольскими владѣніями. Она раздѣлена на двѣ части и управляется двумя намѣстниками. Въ ней 8 городовъ первой степени, 106 второй и 3 мил. жителей; главный городъ Си-ань-фу. С.

донынѣ писано на Русскомъ языкѣ, но большею частію на Латинскомъ, не многимъ у насъ знакомомъ, а притомъ и упомянутыя здѣсь сочиненія О. *Кирхера* и другихъ, сдѣлались уже нынѣ очень рѣдкими—я рѣшился присовокупить здѣсь изображеніе *надписей* памятника, заимствованное мною изъ книги: *Объясненный Китай* (China illustrata), не имѣя въ виду другаго лучшаго, и вмѣсто буквальнаго и перефрастическаго Латинскихъ переводовъ Китайской надписи, напечатанныхъ О. *Кирхеромъ*, изъ коихъ первый слишкомъ теменъ, а вторый удаленъ отъ подлинника, сообщить слѣдующій Русскій переводъ, сдѣланный, по просьбѣ моей, почтеннымъ С. В. Липовцовымъ, прямо съ Китайскаго языка.

(*Продолженіе впредь.*)

Мынъ-дзы, Китайскій Философъ.

Мынъ-дзы, называемый современниками своими Мынъ-ко, а Французскими Миссіонерами Менсіемъ, считается между Китайскими Философами на ряду съ Конфуціемъ. Онъ родился въ исходѣ 4 вѣка до Р. Х. въ городѣ Дзеу, который теперь состоитъ въ области Шаньдунъ. Отецъ его Цзи-гунъ, потомокъ того славнаго Менъ-суня, котораго пустую боярскую спесь осуждалъ Конфуцій, жилъ безвыѣздно въ землицѣ Джень, хотя и родился въ землицѣ Джу. Но какъ онъ умеръ вскорѣ по рожденіи сына, то вдова его Джанъ-ши приняла на себя попеченіе о немъ. Сія умная женщина, такъ старалась о воспитаніи своего сына, что Китайскіе писатели всегда приводятъ ее въ примѣръ доброй матери.

Какъ домъ ея стоялъ подлѣ бойни, то маленькій Мынъ-ко, всякой разъ когда слышалъ ревъ убиваемой скотины, бѣгалъ туда смотрѣть на это позорище, а возвратясь домой старался подражать тому, что видѣлъ. Когда же мать узнала о семъ, то опасаясь, что-

бы ребенокъ, привыкнувъ смотрѣть на кровопролитіе, не истребилъ въ себѣ чувство человѣчества, перешла въ другой домъ, стоявшій близь кладбища. А какъ въ етомъ мѣстѣ часто совершались печальные обряды погребенія; то Мынъ-ко не только находилъ удовольствіе смотрѣть на оные, но и самъ началъ подражать имъ въ своихъ дѣтскихъ играхъ. Мать также симъ встревожилась, ибо боялась, что ежели сынъ ея будетъ превращать въ игрушку то, что между людьми почитается важнѣйшимъ, отъ чего уваженія достойнѣйшіе обычаи будетъ считать шуткою и пустяками. По етому она перешла въ другой домъ, стоявшій противъ училища, въ которомъ Мынъ-ко, подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ, вступилъ на поприще добродѣтели и шелъ по оному твердо. Отъ сего произшествія возникла въ Китаѣ пословица: *мать Мынъ-ко выбрала себѣ сосѣда.*

Мынъ-ко въ скоромъ времени усвоилъ себѣ преимущества, кои по обычаю его отечества, неразрывно сопрягаются съ изученіемъ Словесности. Почти съ самаго начала сталъ онъ заниматься чтеніемъ и разсмотрѣніемъ священныхъ Китайскихъ книгъ, называемыхъ

Кинъ, и разсужденіями своими объ оныхъ такъ прославился, что удостоенъ принятія въ число учениковъ Философа Изы-сы, достойнаго внука Конфуція. Ознакомясь довольно съ симъ философскимъ нравоученіемъ, которое, по своему превосходству, Китайцами называется просто *ученіемъ*, предложилъ онъ свои услуги Цисскому удѣльному Князю, называвшемуся Сюанъ-ваномъ. Когда же сей его не принялъ, то онъ пошелъ къ Хой-вану, удѣльному Князю Ляпскому или Вейскому; ибо въ то время нынѣшняя губернія Кай-фынъ-фу составляла удѣльное княжество, носившее оба вышесказанныя названія. Сей Князь хотя принялъ Философа честно и милостиво, но не старался, какъ бы хотѣлось послѣднему, согласовать дѣла свои съ его наставленіями; ибо то, что онъ находилъ хвалы достойнымъ въ прежнихъ Государяхъ, по видимому, никакъ не льзя было приспособить къ новѣйшему времени и къ настоящему положенію дѣлъ, поелику люди, владѣвшіе тогда разными частями Китайскаго Царства, не способны были примирить народы, возмущенные партіями, раздорами и междуусобною войною. Военное искуство считали они истинною мудростію и наукою.

Не смотря на то, что Мынъ-дзы чрезмѣрно выхвалялъ и поставлялъ въ образецъ Императоровъ Яо и Шуня, также какъ и основателей трехъ послѣдующихъ династій, за ихъ добродѣтель и отличное правленіе, войны однако же все продолжались, и куда ни приходилъ, снова свирѣпствовали, уничтожали его ученіе и противодѣйствовали его намѣреніямъ. Наконецъ увидя, что Князья сіи не могутъ слѣдовать политической его системѣ, и воспользоваться его наставленіями, возвратился на свою родину, гдѣ въ мирной бесѣдѣ съ Ванъ-джаномъ и прочими своими учениками старался объяснить имъ мысль и показать почитаемыя Китайцами высокія истины священныхъ книгъ Шу-кина и Ши-кина, руководствуясь во всемъ наставленіями и правилами предшественника его Конфуція. Извѣстная подъ его именемъ книга, раздѣленная на 7 частей и признанная отъ всѣхъ ученыхъ Китайцевъ классическою, есть плодъ сихъ мирныхъ его занятій. Онъ умеръ около 314 г. до Р. Х. на 84 году своей жизни.

Книгою своею заслужилъ онъ незабвенную память. Она причислена къ тремъ главнымъ сочиненіямъ, содержащимъ въ себѣ Конфуціево

нравоученіе и вмѣстѣ съ ними составляетъ Сы-шу или Китайское *четверокнижіе*. Сія книга занимательнѣе нежели три прочія и по етому всегда обращала на себя вниманіе ученыхъ. Каждый юный ученый долженъ знать ее наизусть, почему ни одна книга въ Китаѣ не печаталась и не обьяснялась чаще. Нѣкто изъ Китайскихъ ученыхъ говоритъ, что Мынъдзы объясня ученіе Конфуція, сдѣлался его наслѣдникомъ, такъ какъ Конфуцій сдѣлался наслѣдникомъ Государей Вынъ-вана, У-вана и Джеу-Гуна. Но по смерти его не нашлось еще человѣка, которой могъ бы принять высокое его ученіе и объяснить съ таковымъ же духомъ. По етому также прозванъ онъ Я-шенъ, т. е. мудрымъ мужемъ, вторымъ по Конфуціѣ, который считается первымъ. При чемъ всенародно дали ему Китайцы названіе святаго земли Цзею. Въ Словесности, считается онъ наровнѣ съ Конфуціемъ. Большая часть оказанной ему чести перешла, по Китайскому обычаю, на его потомство.

Душевныя дарованія, коими Мынъ-дзы прославился въ своемъ отечествѣ, хотя и не такого рода, чтобы могли заслужить въ Европѣ равное же удивленіе; однако же въ сочине-

ніяхъ его есть много такого, что съ приличнымъ объясненіемъ, можетъ понравиться и Европейцамъ. Слогъ его не такъ сжатъ и высокъ, какъ его предшественника; но выраженія его столько же блестящи и еще привлекательнѣе и лучше. Разговоры его, въ коихъ онъ заставляетъ разсуждать знаменитыхъ людей своего времени о философическихъ предметахъ, разнообразностію своею привлекаютъ къ себѣ болѣе, нежели краткія и отрывистыя изрѣченія Конфуція. Сверхъ того, оба они въ Философіи отличаются одинъ отъ другаго существенно. Въ Конфуціи замѣчается болѣе твердости и великости духа, посредствомъ коихъ благородныхъ людей, за заслуги ихъ превозносимыхъ до небесъ, дѣлаетъ онъ еще славнѣе и возвышеннѣе, а дурныхъ людей, какого бы они званія ни были, заставляетъ краснѣть и стыдиться самихъ себя. Мынъ-дзы напротивъ съ такимъ же жаромъ къ добродѣтели, кажется, смѣлѣе нападаетъ на порокъ, и нерѣдко въ пылу гнѣва своего поражаетъ оной силою человѣческаго разсудка и отдаетъ его на поруганіе. Способъ его разсуждать походитъ на Сократову иронію. Ни очемъ не споритъ онъ съ своими противниками; но

уступая имъ доводитъ до того, что изъ сужденій ихъ проистекаютъ такія глупыя слѣдствія, въ коихъ усмотрѣвъ свои заблужденія принуждены исправляться въ нихъ и краснѣть. Онъ не щадитъ также знатныхъ людей своего времени, кои приходили къ нему, какъ будто для совѣта, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы похвалиться своими дѣлами, или вынудить отъ него незаслуженную похвалу. Сіи его бесѣды исполнены остроты ума. Нигдѣ у него не видно и слѣда рабскаго пресмыканія, столь обыкновеннаго Восточнымъ народамъ и болѣе всего Китайцамъ. Мынъ-дзы можно сравнить съ *Діогеномъ*, но онъ превышаетъ его достоинствомъ твердаго выраженія. По видимому можнобъ было похулить въ немъ жесткость его выраженій и замѣтную въ нихъ желчь; но рвеніе къ общественному благу, коимъ онъ пламенѣлъ, освобождаютъ его и отъ сего упрека.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествіе по Непальскимъ горамъ въ 1817 году.

(Переводъ съ Франц. изъ Журнала: Nouvelles des Voyages, а въ оной съ Англійскаго изъ Annual Register de Calcutta.)

3. *Декабря.* Я оставилъ за собою прекрасную долину Тергупъ и вступилъ въ страну Торрей; она принадлежитъ къ Непальской области, отграниченной уже рядами столбовъ и другими знаками: на будущее время оные отвратятъ всѣ поводы къ распрямъ, подобнымъ тѣмъ, кои были причиною послѣдней войны. Съ етой стороны Торрей представляетъ землю ровную, голую и не имѣющую ничего занимательнаго; сарачинское пшено, какъ главное произведеніе ея, показываетъ родъ почвы оной, стада воловъ, разсѣянныя по поверхности сей страны, доказываютъ, что здѣсь занимаются болѣе скотоводствомъ нежели хлѣбопашествомъ. Селенія состоятъ изъ бѣдныхъ дерновыхъ хижинъ, въ коихъ обитаютъ существа слабые, бѣдные и большею частію

обезображенные огромными зобами; въ теплые мѣсяцы здѣсь много дичины, теперь же совсѣмъ нѣтъ; она удаляется отъ дождей и возвращается стаями, когда земля довольно просохнетъ. Такова страна сія до самыхъ лѣсистыхъ предѣловъ, откуда въ сію пору выходятъ слоны для опустошенія на окрестныхъ поляхъ зрѣлаго сарачинскаго пшена и возвращаются въ свои убѣжища до возхожденія солнца.

Картина Торрси, мною представленная, не плѣнительна, но обративъ взоры свои къ сѣверу насладишься прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ. Стоя на долинѣ наблюдатель видитъ передъ собою хребетъ горъ, вѣроятно высочайшихъ, изъ всѣхъ воздымающихся на поверхности Земнаго Шара, и кои можно бы почесть за рубежъ человѣческаго жилища, какъ изобразилъ оныя Мильтонъ въ своемъ *Потерянномъ раѣ*. Нѣсколько выше плоскости, большой лѣсъ окружаетъ подошву горъ и темнымъ цвѣтомъ своимъ образуетъ совершенную противоположность со снѣжными высотами надъ ними господствующими. Непалійцы часто называли сей лѣсъ своимъ покровомъ; но съ тѣхъ поръ какъ оной былъ расторгнутъ дерзостію

могущественнаго сосѣда, уваженіе ихъ къ горамъ значительно уменьшилось и безопасность свою не почитаютъ уже они ненарушимою. Надъ лѣсомъ возвышаются горы Черіагати, названіе сіе означаетъ ихъ маловажность; впрочемъ онѣ имѣютъ высоту общую многимъ горамъ Индіи; поверхность ихъ неровная, шероховатая, ямистая, утеснтая; лѣса покрывающіе часть оныхъ и бѣловатый цвѣтъ ихъ отвѣсныхъ боковъ придаетъ нѣкоторое разнообразіе виду горъ. За Черіагати слѣдуетъ другая гряда горъ. Єто суть Непальскія горы, кои показались бы удивительными, еслибъ не находились близь Гималайской цѣпи; съ долины имѣютъ онѣ видъ мрачный и не очень отдѣлены. Весь етотъ амфитеатръ возвышаютъ горы Гималайскія, воздымающія къ небесамъ свои вершины, блистающія бѣлизною снѣга; нѣкоторыя изъ оныхъ отличаются необъятною величиною своей массы. Лучшее время для наблюденія сего высокаго зрѣлища есть промежутокъ между разсвѣтомъ и возхожденіемъ солнца: ибо во время дневнаго зноя пары скрываютъ его отъ взоровъ. Солнце позлащаетъ бѣлые верхи снѣжныхъ горъ, за нѣсколько времени прежде нежели представится жителямъ долины, освѣ-

щая также оныя и въ концѣ дня, когда уже мракъ царствуетъ въ низшей части. Для путешественника, незнакомаго еще со всѣми подробностями сихъ горъ, видъ оныхъ производитъ нѣкоторый страхъ, возвышающій умы предприимчивые и отнимающій смѣлость у людей лѣнивыхъ и робкихъ.

4 *Декабря.* Сего дня я прошелъ 22 мили (Англ.) и послѣднія 12 по большому лѣсу; при входѣ въ оный и нѣсколько далѣе, часто встрѣчалъ я слѣды дикихъ слоновъ; съ обѣихъ сторонъ дороги трава была выше сего животнаго такъ, что навеличайшія чудовища могутъ въ ней укрываться, и въ коей слоны, носороги, буйволы, тигры и другія огромныя животныя имѣютъ свои логовища. Произведенія растительнаго Царства представляютъ обширное поприще изысканіямъ ботаниковъ: обыкновеннѣйшее дерево есть ива, выростающая весьма высоко, прямо и годная для строеній; кустарниковъ же мало. Путешествіе по сему лѣсу вселяетъ родъ меланхоліи: ибо вѣчное молчаніе царствующее въ глубинѣ онаго, прерывается только однообразнымъ крикомъ дятла или дуновеніемъ вѣтра, также ехомъ повторяющимъ голосъ путешественника; другое впечат-

лѣніе рождается отъ мысли, что находишься по близости дикихъ звѣрей. Почва сего лѣса каменисша и существенно различается отъ почвы Торреи.

При выходѣ изъ сихъ мрачныхъ сводовъ взоръ поражается видомъ горъЧсріагати, безпорядочно нагроможденныхъ и покрытыхъ зеленѣющимся лѣсомъ до береговъ Бечіако-Кола, широкаго и пѣнистаго потока, черезъ который мы перешли. На берегу, возвышающемся надъ его ложемъ, видно нѣсколько хижинъ, составляющихъ бѣдное селеніе Бечіако, въ коемъ есть большая дурумсала, или строеніе назначенное для успокоенія путешественниковъ; подобныя строенія встрѣчаются на всѣхъ мѣстахъ отдыха въ Непалѣ. Изъ оконъ дурумсалы можно наслаждаться прекраснымъ видомъ, поражающимъ того, кто приходя изъ долины, не знаетъ, что встрѣтитъ впереди. Черты жителей представляютъ первый образчикъ лицъ горныхъ жителей.

5 *Декабря.* Бечіако лежитъ при входѣ въ гористыя мѣста; а потому я сообразуясь съ похвальнымъ обычаемъ здѣшнихъ жителей, кои никогда не пускаются въ путь не позавтракавъ, принялъ столь же великую предосторож-

ность; они странствуютъ весь день не претерпѣвая голода. Сего дня я слѣдовалъ вверхъ по каменистому ложу Бечіако-Колы и пересѣкъ ущелье горъ Черіагати. Во все время возхожденія представляется видъ величественный, дикій и живописный; по обѣимъ сторонамъ возвышаются неправильныя горы, покрытыя лѣсомъ; часто находишься надъ ужасною пропастью, коей крутые бока угрожаютъ поглотить подъ обломками своими созерцающаго ихъ путника. Если можно сравнивать великіе предметы съ малыми: то сіи изрытыя и ямистыя горы очень походятъ на рытвины Джемны, Джумбуля и другихъ Индостанскихъ рѣкъ. Въ иныхъ мѣстахъ на ребрахъ и вершинахъ сихъ горъ ростутъ большія прямыя сосны вмѣстѣ съ мелкими ивами. Близь вершины ущелья видны остатки крѣпости съ палисадами, построенной Горкалями: ее искусно обошелъ одинъ изъ нашихъ Генераловъ по дорогѣ, которую могъ избрать только человѣкъ съ предприимчивымъ духомъ.

Ущелье весьма возвышенно, узко и имѣетъ видъ дикій; можно сказать, что тигры не моглибъ избрать лучшаго мѣста для того, чтобы устремляться на уединеннаго путешест-

венника. Здѣсь мало заботятся объ устроеніи дорогъ: два дождя изгладили слѣды трудовъ нашихъ піонеровъ. Спустившись немного на сѣверный бокъ ущелія путешествуешь по мѣсту довольно ровному, въ лѣсу прекрасныхъ ивъ, и достигаешь Гетунры, бѣднаго селенія съ хорошею дурумзалой; оно лежитъ на рѣкѣ Рапти, текущей по шероховатому ложу при подошвѣ высокой горы. До етого мѣста дорога удобна для перевоза тяжестей, далѣе все должно переносить на рукахъ. Такъ какъ часто бываетъ не возможно доставать себѣ съѣстныхъ припасовъ, продолжая путь далѣе, то путешественникъ долженъ носить съ собою запасъ на нѣсколько дней.

6 *Декабря*. Какое несчастіе! Сего дня поутру я узналъ въ Гетунрѣ, что не должно путешествовать съ обозомъ, хотя впрочемъ мой обозъ былъ очень невеликъ и даже безъ полатокъ. Чтобы увѣриться въ средствахъ къ переноскѣ, какимъ бы то ни было образомъ, я писалъ въ Катманду о присылкѣ носильщиковъ и уговорилъ бывшихъ со мною сопровождать меня по всему Непалу. Первые, прождавъ меня два дня возвратились назадъ; вторые же страдая отъ ходьбы по горамъ и

перехода черезъ Черіагати, жаловались, говоря, что они помрутъ вставши такъ рано. Если они почитали пройденный нами путь смертоносным, то необходимо долженствовали страшиться дальнѣйшаго: ибо оной въ десятеро хуже.

Наконецъ, заплативъ щедрою рукой, я успѣлъ достать довольно носильщиковъ, для продолженія пути. Должно отдать справедливость горцамъ, что они, давши слово, работаютъ неутомимо, нося каждый на спинѣ тяжесть, которая потребовала бы двухъ или трехъ обыкновенныхъ носильщиковъ; они идутъ весь день, съ удивительнымъ терпѣніемъ и постоянствомъ, по самымъ труднымъ дорогамъ; люди сіи имѣютъ сложеніе мускулистое, коренасты и весьма сильны.

Выше Гетунры, Рапти продолжаетъ свое теченіе по узкому каналу, сжатому между высокими и утесистыми горами, по бокамъ коихъ простираются каменныя пропасти; вершины ихъ увѣнчаны лѣсами, а подошвы украшены произрастѣніями. Онѣ имѣютъ разныя направленія. Рапти стремится по ложу усѣянному большими камнями и скалами, съ шумомъ заглушающимъ самый громкой голосъ; вода ея,

если не пѣнится, то блеститъ своею прозрачностію. Между сими-то лѣсистыми безднами и горами окружающими ложе потока возвышается дорога; она ведетъ въ Бимфедъ лежащій въ 14 миляхъ при подошвѣ горы Чазапаны. Въ сихъ ущельяхъ солнце видно только половину времени дневнаго теченія, но долго по захожденіи его, путешественникъ углубившійся въ сіи мѣста, поднявъ глаза вверхъ, тамъ гдѣ есть малое отверстіе, замѣчаетъ, что оно свѣтитъ еще на вершинѣ горъ.

Здѣсь нѣтъ инаго пути, кромѣ назначеннаго природою и проложеннаго стопами человѣческими. Вездѣ, гдѣ потокъ встрѣчается съ выдавшеюся горою, надобно бываетъ переходить черезъ оный, чтобы миновать сей утесъ; это повторяется двадцать девять разъ въ день и чрезвычайно утомляетъ, по причинѣ неровностей и большаго холода воды. Дорога сія всегда дурная, бываетъ особенно таковою во время дождей, что я испыталъ, сходя къ долинамъ; всякой разъ, когда надобно было переходить потокъ въ бродъ, воды было намъ по поясъ, сила и шумъ волнъ увеличивались вмѣстѣ съ глубиною ея. Къ симъ неудобствамъ надобно прибавить лихорадку, царствующую

въ епю время года въ глубокихъ и сжатыхъ долинахъ; ночуя въ оныхъ подвергаешься вѣрной смерти: лихорадка постигла насъ прежде прибытія въ Гетупру. Мы принуждены были лечь на каменистомъ мѣстѣ, выходя изъ потока, вымокшіе съ ногъ до пояса, отъ непрестанныхъ переправъ черезъ воду, а отъ головы до пояса, отъ дождя. Мы не имѣли ни пристанища, ни огня, ни съѣстныхъ припасовъ; бывъ погружены въ глубокой мракъ, оглушаемы глухимъ шумомъ потока, текшаго у нашихъ ногъ и ударами грома, гремѣвшаго надъ нашими головами, равно ослѣпляемы частымъ блистаніемъ молніи. При всемъ томъ я никогда не спалъ такъ хорошо. Усталость и труды доставили намъ удовольствіе успокоенія на жесткомъ ложѣ, точно такъ какъ бы на самомъ мягкомъ. Я прибылъ въ Бимфедъ уже ночью, хотя оставилъ Гетупру тотчасъ послѣ завтрака; большая часть моихъ провожатыхъ будетъ ночевать на бивакахъ.

7 *Декабря.* День сей былъ посвященъ отдыху, чтобы дать время отставшимъ догнать насъ. Солнце освѣтило Бимфедъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ разсвѣта, по причинѣ высоты окрестныхъ горъ; онѣ возвышаются со всѣхъ сто-

ронъ, будучи покрыты лѣсомъ; стоя на высотѣ, не смотря на то, что находишься только у подножія ихъ,—видишь передъ глазами прекрасное зрѣлище, вдоль по теченію Рапти къ низшимъ горамъ; изъ за вершинъ оныхъ представляются въ отдаленіи равнины, заходящее солнце чрезвычайно усиливаетъ дѣйствіе сей картины.

Я долженъ описать вамъ дурумсалу, наиболѣе посѣщаемую, какова та, въ который мы остановились; ее можно сравнить съ большею Европейскою гостинницею, или съ Азіятскимъ караванъ-сераемъ. Днемъ въ ней спокойно; путешественники, коимъ она посвящена тогда странствуютъ; но вечеромъ они стекаются толпами для ночлега. Строенія сіи располагаются обыкновенно четвероугольникомъ вокругъ двора и имѣютъ два жилья: нижнее составляетъ веранда или портикъ, открытый и поддерживаемый стойками; верхній же походитъ на четырехстороннюю свѣтлицу, въ которой хорошо спать. Въ обѣихъ жильяхъ представляется многочисленное и странное собраніе носильщиковъ съ ихъ ношами, странниковъ, купцовъ торгующихъ въ горахъ и долинахъ и иныхъ путешественниковъ, ѣздящихъ взадъ и впередъ подобно намъ. Это пестрое

сборище производитъ смутный шумъ изъ разныхъ нарѣчій, начиная съ горнаго и мусульманскаго до Бака, нарѣчія полуденной Индіи.

Здѣсь нѣтъ другой воды, кромѣ той, которая будучи проведена съ вершины сосѣдственной горы вытекаетъ изъ пасти дракона, поставленнаго на внутреннемъ дворѣ; поелику ее не слишкомъ много и жители селенія принуждены ею же пользоваться, то оная бываетъ всегда окружена толпою нетерпѣливыхъ людей, ссорящихся за очередь и производящихъ большой шумъ; тонкій голосъ женщинъ здѣсь, какъ и вездѣ, одерживаетъ верхъ надъ голосами мужчинъ. Потомъ, послѣ путешествія, чувствуя голодъ, усиливаемый дѣйствіемъ горнаго воздуха, всѣ разводятъ огни для варенія пищи; зданіе окружается дымомъ, который захватываетъ дыханіе и производитъ боль въ глазахъ, невольно извлекающую слезы. Черезъ нѣсколько времени всѣ предаются успокоенію, шумъ и дымъ прекращаются; тишина прерывается, развѣ только по временамъ, стонами какого-нибудь бѣдняка, которому холодъ мѣшаетъ спать.

Джемардарни, главная женщина въ селеніи, была у меня, неся въ одной рукѣ горшокъ мо-

лока и яица, а въ другой пукъ лучины; она оставила меня, возхитясь учтивостями, которыя я ей наговорилъ и за которыя завтра къ обѣду получу отъ нее курицу и козленка.

8 *Декабря.* Выходя изъ Бимфеда всбираются на крутую гору Чизапану (холодная вода), имѣющую 4000 футовъ вышины. Привыкнувъ къ сему роду ходьбы я взобрался на нее безъ труда и вспомнилъ басню объ зайцѣ и черепахѣ потому, что тѣ, которые при началѣ кажутся самыми проворными, опреживаются путешественниками идущими медленнѣе, но съ твердостію. Чизапана служитъ испытаніемъ терпѣнію пѣшеходцевъ; сами горцы, всходя на овую, часто останавливаются и свищутъ, чтобы перевести духъ.

На бокахъ Чизапаны ростутъ огромныя сосны, узловатые дубы усѣивающіе землю своими желудями и багульникъ любящій высоты, наконецъ другія деревья меньшей величины.

На возвышеніи видѣнъ лѣсъ Чизагорга, о которомъ слишкомъ много говорятъ и который стоилъ многихъ трудовъ и издержекъ, большею частію безполезныхъ: ибо ни одинъ благоразумный военачальникъ не будетъ пытаться проникнуть въ Непаль дорогою на

Рапти. Она можетъ быть удобна для уединенныхъ путешественниковъ, которымъ должно превозмогать однѣ естественныя препятствія; но войско, которое никогда не будетъ въ состояніи идти путемъ, коего мѣстныя неудобства могутъ быть еще увеличены дѣятельнымъ непріятелемъ, будучи обойдено, легко потерястъ крѣпость Чигагорга, чрезъ которую идетъ дорога; сюда въѣзжаютъ въ ворота укрѣпленныя желѣзными полосами; всѣ проходящіе осматриваются стражею; съ товаровъ собираются пошлины.

Получивъ привѣтствія (salutations) начальника замка, я продолжалъ восходить и достигъ источника свѣжей и чистой воды, отъ коего Чизапана получила свое названіе; вскорѣ послѣ того я взошелъ на вершину сей горы. Облака не покрываютъ оную въ сіе время года, и я свободно созерцалъ великолѣпное зрѣлище: къ югу взоръ мой низходилъ къ ущелію, гдѣ находится Бимфедъ, къ узкой долинѣ Рапти, къ высотамъ стѣсняющимъ оную со всѣхъ сторонъ и наконецъ къ отдаленнымъ равнинамъ; нѣкоторыя изъ лѣсистыхъ вершинъ были оживлены лучами восходящаго солнца, другія находились еще во мракѣ. Пурпуровый

цвѣтъ зари окрашивалъ все пространство зрѣлища. На сѣверѣ я видѣлъ подъ собою улыбающуюся долину, пересѣченную потокомъ, далѣе горы, и еще горы однѣ обнаженныя, другія представляющія смѣшеніе цвѣтовъ сѣраго, чернаго и зеленаго, иныя наконецъ покрытыя лѣсомъ; надъ вершинами оныхъ величественно воздымался рядъ огромныхъ скалъ, одѣтыхъ блестящими снѣгами. Надобно быть также хладнымъ, какъ самыя Гималайскія горы, чтобы спокойно видѣть столь высокое зрѣлище.

Наслаждаясь нѣсколько времени видомъ, представляющимся тотчасъ при всходѣ на вершину Чизапаны, я сошелъ къ подошвѣ по долгому, прямому и неровному скату; здѣсь посреди огромныхъ камней, низпавшихъ съ сосѣдственныхъ горъ, потокъ пролагаетъ себѣ путь и несетъ съ ужаснымъ шумомъ отъ одного водопада къ другимъ обильныя воды свои. При переправѣ возлѣ одного изъ сихъ водопадовъ у меня утонули двѣ лошади и были увлечены въ тотъ же мигъ; я переправился на нѣсколькихъ доскахъ безъ всякой опасности.

Потомъ восходя вдоль Колы достигаютъ горы Екдунты и взобравшись на вершину оной слѣдуютъ по узкой тропинкѣ, проложенной

по берегу столь крутой пропасти, что видъ оной ужасаетъ и производитъ кружение головы. Въ нѣкоторомъ разстояніи прекрасный водопадъ низпадаетъ съ высоты горъ на долину при подошвѣ лежащую.

Тутъ прелестная Читлонгская долина представляется взорамъ путешественника съ кирпичными селеніями, занимающими средоточіе оной и хижинами, разсѣянными по горамъ ее окружающимъ. Встрѣчая признаки страны болѣе населенной, ощущаешь нѣкоторое удовольствіе; селенія, хижины, плодородныя долины, обработанныя поля, постепенно открываются на скатѣ горъ; стада пасутся на вершинахъ оныхъ, покрытыхъ травою. Картина сія тѣмъ болѣе восхитительна, что доселѣ путешественникъ въ теченіи нѣсколькихъ дней слѣдуетъ мѣстами совершенно пустыми, имѣя передъ глазами природу самую грубую и самую дикую, которая здѣсь рѣзкою чертою означаетъ мѣста, раздѣляющія жителей долинъ Индіи отъ обитателей сѣвера оной; такъ что удивляешься тому, какъ они перешли за сіи предѣлы. Судя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они могли бы совершенно не знать другъ друга. Горный ли житель первый

устремился къ долинамъ, или житель долинъ почувствовалъ влеченіе взобраться на горы? вопросъ етотъ можетъ быть рѣшенъ первымъ предположеніемъ: ибо ничто не можетъ возбудить жителя долины къ нападенію на владѣнія жителя горъ, между тѣмъ какъ долина представляетъ ему последнему множество привлекательныхъ предметовъ. Наконецъ, по мнѣнію моему, можно навѣрное положить, что горный житель безпокойнымъ своимъ нравомъ и нападеніями выпуждаетъ жителя долины вторгаться въ его убѣжище. Въ надеждѣ на крѣпость своего природнаго пристанища, первый воображаетъ, что онъ можетъ безнаказанно оскорблять своего сосѣда, но послѣдній пробуждается и употребляетъ всѣ усилія къ наказанію или укрощенію людей безпрестанно его безпокоящихъ; ето трудно, но превосходство средствъ, коими обладаетъ житель долинъ, всегда одерживаетъ верхъ въ распряхъ, и горы переходятъ въ его зависимость. Такова будетъ участь сихъ горъ: ето я могу предсказать.

Отъ Бимфеда до Чиплонга считаютъ 16 миль, переходъ сей по мѣсту, гдѣ нѣтъ 300 футовъ ровныхъ, занимаетъ большую часть

дня. Я прошелъ все это пространство безъ ощутительной усталости, изъ чего вы можете заключить о бодрости, которую придаетъ горный климатъ. Путешественники болѣе лѣнивые и менѣе крѣпкіе, могутъ совершать сей путь въ койкахъ, если въ состояніи достать оныя, если же нѣтъ, то имъ остается нанять горнаго носильщика и помѣститься на его спинѣ въ корзину; такъ переносили моихъ женщинъ, дѣтей же помѣщаютъ надъ прочею кладжею въ плетенку. Признаюсь, что я очень забавлялся, глядя на одного изъ сихъ бѣдныхъ носильщиковъ, задыхающагося подъ тяжестью толстой и жирной мусульманки, изъ моей свиты.

9 *Декабря.* Сего дня рано по утру земля была покрыта инеемъ. Термометръ показывалъ 33°. Долина Чиплонгъ выше бо́льшей части окрестныхъ мѣстъ; въ ней мерзнетъ тогда, какъ въ Непалѣ, отъ коего она отдѣлена только горою, температура нѣсколькими градусами выше точки замерзанія. Теперь я восхожу на Чандрагиръ (Лунную гору), но съ меньшимъ трудомъ нежели на Чизапану. Съ возвышенной вершины оной видны съ одной стороны долина и высоты Чиплонгскія до Чизапаны; при

ясной погодѣ къ сѣверу взоръ блуждаетъ по обширной Непальской долинѣ, селеніямъ и хижинамъ, разсѣяннымъ на поверхности оной,— излучистымъ рѣкамъ, зеленѣющимся рощамъ: всѣмъ предметамъ сіи горы служатъ какъ бы рамами; видъ прелестнѣйшій, когда созерцаютъ его съ возвышенія, на которомъ я нахожусь. Къ несчастію въ сто время долина была закрыта облакомъ, но вершины горъ высились надъ онымъ, и я насладился зрѣлищемъ подобнымъ тому, которое видѣлъ съ Чизапаны. Въ настоящее время года густой туманъ, составившійся изъ ночныхъ испареній, обыкновенно простирается по долинѣ, пока сила солнечныхъ лучей не подниметъ его выше горъ.

Сходъ съ Чандрагира въ долину чрезвычайно крутъ и труденъ; растаявшій иней дѣлаетъ дорогу скользкою и весьма непріятною; человѣку, даже козѣ, трудно ходить по оной, но мы достигли подошвы безвредно; любопытно было видѣть, съ какою осторожностью горная лошадь моя (тангунъ) восходила и спускалась въ опасныхъ мѣстахъ.

Внизу ожидалъ меня слонъ; послѣ семи-часоваго путешествія по долинѣ, я благополучно прибылъ въ Катманду.

ВОСТОЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Взглядъ на древнее и нынѣшнее состоянiе Словесности и Искуствъ въ Персiи.

Еще со временъ *Елама*, сына Симова, страна, лежащая между Каспiйскимъ моремъ, Индiею и Персидскимъ заливомъ, была населяема различными народами. Въ царствованiе *Семирамиды* и преемниковъ ея называлась она царствомъ *Ассирiйскимъ*; а со временъ Кiаксара до Астiага *Мидiйскимъ*. При Кирѣ сдѣлалась извѣстною подъ именемъ *Персiи*, и донынѣ сохранила сiе названiе. Жители оной отличаются отъ Арабовъ, сосѣдей своихъ, гражданскими законами, нравами, характеромъ, обыкновенiями и самымъ языкомъ. Читая описанiя путешественниковъ, скитавшихся по песчанымъ степямъ Аравiи, опаляемой солнечнымъ зноемъ, мы чувствуемъ въ душѣ своей нѣкоторой родъ унынiя и скуки, которыя, вѣроятно, происходятъ отъ единообразiя предметовъ, поражающихъ воображенiе, но не восхи-

щающихъ сердца, привыкшаго любоваться болѣе пріятнымъ разнообразіемъ, нежели изумляться при созерцаніи безпредѣльнаго пустаго пространства. Отъ сего-то языкъ Арабскій имѣетъ болѣе силы и краткости, способнѣе къ изображенію страстей пылкихъ, мыслей высокихъ, понятій отвлеченныхъ; но стѣсняясь въ оборотахъ, онъ перерождается въ сухой, и лишается того сладкозвучія, которое составляетъ въ языкѣ главное достоинство.

Языкъ Персидскій отличается отъ Арабскаго тѣмъ, что посредствомъ онаго можно выражать съ бóльшею удобностію чувствованія тихія, исполненныя благородства и нѣжности. Онъ обладаетъ такою легкостію, къ какой весьма немногіе языки способны. Счастливое соединеніе звуковъ сообщаетъ пріятность слогу и дѣлаетъ сочиненіе плѣнительнымъ для слуха и трогательнымъ для сердца; но самое отличительное свойство сего языка есть употребленіе многосложныхъ рѣченій; что самое дѣлаетъ его способнымъ къ изображенію всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ красокъ описуемаго предмета. Сей способъ выраженія преимущественно употребляется сти-

хотворцами; часто случается, что цѣлое полустишіе состоитъ изъ одного слова. Слѣдующія два стиха весьма ясно представляютъ примѣръ составныхъ стиховъ. „Молодая дѣвушка-луноподобная-дышущая мускосовымъ запахомъ обворожила мое сердце.“ Такимъ образомъ искусное употребленіе сложныхъ словъ весьма много способствуетъ къ выраженію прибавочныхъ понятій, сообщающихъ языку обиліе и богатство. Въ языкѣ Персидскомъ находится много такихъ словъ, которымъ не льзя дать никакой пріятности на другихъ языкахъ, при всей ихъ выразительности и прелести. Впрочемъ излишнее и неумѣренное употребленіе многосложныхъ словъ, коему нѣкоторые писатели подвергаются, вредитъ силѣ и краткости слога, который чрезъ сіе дѣлается надутымъ, и тогда естественная пріятность и простота языка теряются и совершенно изчезаютъ.

Сіе самое подало поводъ къ различнымъ мнѣніямъ. Персидскую Словесность слишкомъ охуждали мало учившіеся оной, или читавшіе худыхъ писателей съ испорченнымъ вкусомъ, а чрезмѣрно превозносили посвятившіе всѣ дни свои для изслѣдованія оной. Сіе кажется

происходитъ отъ того, что человѣкъ склоненъ отъ природы презирать то, чего не знаетъ, и хвалитъ безъ мѣры тѣ познанія, которыя стоили ему многихъ усилій и великихъ трудовъ. Въ семъ случаѣ весьма трудно произнести рѣшительный приговоръ, чтобы не подвергнуться осужденію людей ученыхъ. Безъ сомнѣнія неблагоразумно выхвалять недостатки и погрѣшности; но еще было бы предосудительнѣе охуждать то, что въ полной мѣрѣ заслуживаетъ особенное вниманіе. Конечно, ежели подчинимъ чужестранную Словесность правиламъ нашей критики, то Персидская Словесность будетъ казаться въ глазахъ нашихъ смѣшною, и въ прекрасныхъ геніяхъ Поэзіи Персидской мы увидимъ писателей достойныхъ сожалѣнія. Сіе замѣчаніе тѣмъ справедливѣе, что Персидская Словесность совершенно удаляется отъ правилъ, принятыхъ Европейцами. Не знаю, можно ли назвать недостаткомъ, или погрѣшностію то, что нѣкоторые писатели въ сочиненіяхъ своихъ, какъ будто бы съ намѣреніемъ, стараются быть темными. Геній Востока вездѣ ищетъ случая играть словами, употреблять выраженія необыкновенныя, имѣющія различныя значенія и

увлекаясь сею наклонностію, часто предается до излишества иперболамъ и метафорамъ, и даетъ всю свободу воображенію пламенному, живому, иногда презирающему предѣлы полагаемые здравымъ разсудкомъ. Но сіи мнимые недостатки почти совершенно изчезаютъ въ стихотворствѣ, гдѣ воображенію болѣе позволено парить. Поезія, которую внушаетъ въ нихъ сама природа, обработана съ величайшимъ искуствомъ. Сія часть Персидской Словесности есть разсадникъ прекрасныхъ цвѣтовъ, изъ котораго одни только Оріенталисты вяжутъ малые пучки. Многія сочиненія уже по одному содержанію заслуживаютъ быть переведеными на языки Европейскіе; ибо всякая Словесность имѣетъ свои особенныя красоты и прелести; распространеніе свѣденій объ нихъ есть обогащеніе языка отечественнаго. Почему же намъ не искать въ чужой Словесности новыхъ мыслей, оборотовъ и выраженій, заслуживающихъ быть принятыми, и тѣмъ самымъ не усовершать природнаго языка? Мы живемъ въ такое время, когда всѣ творенія древнихъ тщательно изслѣдованы у разныхъ другихъ народовъ и красотами ихъ

обогащена и распространена новѣйшая Словесность.

И такъ прежде нежели представимъ самыя красоты Персидской Словесности, можетъ быть не излишнимъ покажется, краткое изображеніе здѣсь хода и постепеннаго образованія оной, отъ древнихъ до нашихъ временъ. Еще задолго до появленія Исламизма въ Персидскихъ областяхъ, находимъ мы нѣкоторые довольно драгоцѣнные памятники сей Словесности. Хотя сіи памятники не дошли до насъ въ совершенной цѣлости, или только извѣстны по одному имени, впрочемъ уже и то, что время и Исторія для насъ сохранили достаточно свидѣтельствуютъ о высокомъ тамъ состояніи Наукъ и Искуствъ. Въ сіе-то время Муза Персіи произвела рѣдкіе образцы Словесности. Славное сочиненіе *Гуменга*, перваго Царя Персіи, почиталось первою книгою на всемъ Востокѣ; она извѣстна была подъ названіемъ *Джавидани Хиредъ* (вѣчная мудрость). Изъ сего-то источника много въ отношеніи къ религіи почерпнулъ *Фердуцій*; у Персовъ, подобно прочимъ народамъ Востока, успѣхи Поэзіи сопутствовали распространенію и успѣхамъ ихъ религіи; ибо первые плоды піитическаго

генія, по большой части посвящаемы были хвалебнымъ пѣснямъ въ честь какого-либо могущаго и милосердаго божества, при совершеніи торжественныхъ обрядовъ ихъ религіи (*). Упомянувъ о Гумингѣ и Фердуціѣ, выпишемъ нѣкоторыя изъ любопытнѣйшихъ повѣствованій сего послѣдняго собственно о религіи Персовъ.—Вотъ что онъ повѣствуетъ, основываясь на сочиненіи Гуминга. „Первоначально религія Персовъ заключалась въ твердой вѣрѣ въ Бога Всевышняго, сотворившаго міръ своимъ могуществомъ и управляющаго онымъ по своей премудрости. Страхъ къ Богу, смѣшанный съ любовію и благоговѣніемъ, особенное уваженіе къ родителямъ и старцамъ, лю-

(*) Здѣсь разумѣется религія языческая, которой видоизмѣненія такъ многочисленны, что мы ихъ всѣхъ и понынѣ не знаемъ. Смѣшеніе вымысловъ суевѣрія, отвергаемыхъ здравымъ разумомъ и противурѣчащихъ одинъ другому обнаруживаетъ нелѣпость язычества въ глазахъ нашихъ, и даже нѣкоторыхъ мудрецовъ изъ самыхъ язычниковъ. Истинное Богопознаніе должно быть одно; ибо оное происходитъ изъ одного источника вѣчной истины. Сіе Богопознаніе сохранялось на земли отъ сотворенія первыхъ нашихъ прародителей. Посему не безъ основанія утверждаютъ, что лучшее въ ученіи нѣкоторыхъ язычниковъ о Богѣ не есть ихъ собственность: имъ принадлежатъ токмо заблужденія, всегда свойственныя уму, который не просвѣщенъ свыше.

бовь къ ближнему и даже нѣжное сострадание къ животнымъ, составляли отличительныя свойства Персовъ. Таковой образъ религіи сохранялся до тѣхъ поръ, когда они начали покланяться огню". Последнее же событіе произошло, сколько извѣстно намъ, по суевѣрному преданію Персовъ, слѣдующимъ образомъ: Царь *Лошунгъ*, внукъ *Каіомура*, однажды удалился на гору, въ сопровожденіи своихъ невольниковъ; на вершинѣ оной представилось ему нѣкое страшное чудовище въ образѣ змія, чрезвычайной величины, цвѣтомъ черное, но издающее блескъ и искры; изъ очей, казалось, испускало оно кровавые источники, а дымъ, изходящій изъ рта его, затмѣвалъ воздухъ; благоразумный Лошунгъ разсматривалъ его со вниманіемъ, потомъ схватилъ камень и бросилъ оной въ сіе огромное чудовище, которое и перестало съ тѣхъ поръ вредить міру. Камень упалъ на скалу; искра, родившаяся отъ прикосновенія сихъ двухъ тѣлъ, была первымъ поводомъ къ поклоненію огню. Царь простерся предъ онымъ, и усердно благодарилъ Всевышняго за доставленіе ему сего священнаго огня, которому онъ посвятилъ на томъ же мѣстѣ храмъ, и произнесъ слѣдующія слова:

„Сей огонь есть Божество, да будетъ оно обожаемо всѣмъ міромъ.“ Послѣдователи Малабады, говоритъ другой писатель Дабистана, обожали планеты, представляемыя въ изображеніяхъ довольно стройныхъ. *Сатурнъ* былъ изображаемъ изъ чернаго камня, съ головою обезьяны, туловищемъ человѣка и хвостомъ свиньи. *Юпитеръ* былъ цвѣта зеленаго и изображался въ видѣ человѣка съ головою коршуна, на которой находились два гребня на вѣнцѣ, одинъ пѣтушій, а другой драконовъ; въ правой рукѣ держалъ онъ тюрбанъ, а въ лѣвой хрустальную лейку. *Марсъ*, изваянный изъ краснаго камня, изображался въ образѣ человѣка, держащаго въ правой рукѣ окровавленную саблю, а въ лѣвой желѣзный бичъ. *Венера* представлялась въ видѣ женщины съ семиконечною короною на головѣ, и въ рукахъ, правой съ бутылкою, а въ лѣвой съ гребнемъ. *Меркурій* имѣлъ тѣло и хвостъ рыбьи, голову свиную, въ правой рукѣ держалъ перо, а въ лѣвой чернилицу. *Солнце* дѣлалось изъ золота, въ видѣ человѣка, которой въ правой рукѣ имѣлъ золотую трость, а на шеѣ ожерелье, унизанное драгоцѣнными камнями, и сидѣлъ на лошади съ двумя головами, каждая въ семиконечной коронѣ, украшенной

рубинами, хвостъ же у лошади былъ драконовъ. *Луна* представлялась въ видѣ человѣка, сидящаго на бѣлой коровѣ, которой въ правой рукѣ имѣлъ четки, а въ лѣвой цвѣтокъ васильковой.

(Продолженіе впредь.)

АЗІЯТСКІЯ НОВОСТИ и СМѢСЬ.

I.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

О нынѣшнемъ состояніи нѣкоторыхъ областей и городовъ въ Средней Азіи.

(Изъ рукописи.)

(Хотя политическое состояніе Средней Азіи, отъ безсилія и враждебнаго духа Владѣтелей ея и самыхъ подвластныхъ имъ народовъ, подвержено почти безпрерывнымъ перемѣнамъ; но географическія наши свѣдѣнія, въ отношеніи къ ней, сохраняютъ удивительное постоянство, перепечатываясь большею частію безъ всякой критики и мѣстныхъ соображеній. Можно сказать, что ни одинъ народъ не имѣетъ болѣе нужды въ точныхъ и положительныхъ свѣдѣніяхъ о сей странѣ Азіи и болѣе средствъ къ полученію ихъ, какъ мы, по сосѣдству нашему и торговымъ связямъ со многими областями и городами Средней Азіи. Желая, по возможности, содѣйствовать отвращенію сего недостатка, я намѣренъ сообщать таковыя

свѣдѣнія, по мѣрѣ полученія ихъ и подтвержденія самой достовѣрности; ибо нигдѣ столь мало не льзя полагаться на извѣстія о внутреннихъ произшествіяхъ и перемѣнахъ, какъ въ сихъ странахъ вымысловъ и сказокъ. Изд.)

Хива.

Пространство и населенность сей страны гораздо маловажнѣе Бухаріи. Городъ Хива есть столица владѣтельнаго Хана *Могаммеда Рахима*, родомъ Узбека. Въ немъ жителей до 15,000 душъ. Оной построенъ на возвышенности, окруженъ земляной стѣною и съ двухъ сторонъ имѣетъ два малыя озера. Разстояніемъ отъ города *Ургенца*, многолюднѣйшаго по немъ, въ 23 вер. Послѣ сихъ двухъ городовъ главнѣйшіе суть: *Хезаресб*, или *Хезарсабб*, *Ханка*, *Гурландб*, *Аралб* и *Хаджи-Или*. Всѣ оные, равно какъ и прочіе тамошніе города, окружены земляными стѣнами и рвами. *Рагатб*, *Караманб*, *Коскотукб*, *Ханабадб*, суть небольшіе и малонаселенные города. Жители оныхъ, кромѣ *Гурланда*, *Арала* и *Хаджи-Или*, суть Туркменцы. Въ городѣ Ханабадѣ укрѣпленія лучше прочихъ; число жителей до 1000 сѣмействъ. Отъ него зависятъ *Катб* и *Янб-пу-Кала* со многими

другими селеніями, въ коихъ жителей до 10,000 сѣмействъ Узбековъ. *Кипчакъ*, *Хитай*, *Кангли*, *Мангитъ* суть малые города. Городъ *Аліалишъ* съ своими принадлежностями имѣетъ 5,000 сѣмействъ Каракалпаковъ. Въ городахъ *Анбаръ* и *Менакъ* считаютъ 20,000, сѣмействъ Туркменцевъ Юмонтскаго племени. Населенность Хивинской области состоитъ по большой части изъ Узбековъ и Туркменцевъ; племя же Каракалпаковъ немногочисленно.

Произведенія Хивы состоятъ въ хлѣбѣ, дживари (родъ пшена), просѣ и весьма большемъ количествѣ сочевицы; изъ коей добываемое масло жители предпочитаютъ коровьему. Въ Хивѣ родится много хлопчатой бумаги, коей продается большая часть въ пряжѣ и въ хлопьяхъ. Здѣсь выдѣлываются шелковыя ткани лучше нежели въ Бухаріи.

Говорятъ, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ найденъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ Хивинской области *Мезаръ-Шахъ-Абасъ* т. е. гробница Шахъ-Абаса, а въ городищѣ древняго Орканда открыты въ двухъ мѣстахъ сокровища, между коими въ одномъ мѣстѣ оказались монеты, битыя при Александрѣ Македонскомъ.

Военная сила Хивинскаго Хана простирается до 20,000 человѣкъ. Старшій его сынъ, которому нынѣ отъ роду около 25 лѣтъ, считается наслѣдникомъ его престола. При всякой отлучкѣ отца своего изъ столицы, онъ занимаетъ его мѣсто съ *Инакомъ Култу-Мурадомъ*, старшимъ братомъ Ханскимъ, обыкновенно живущимъ въ городѣ *Хезарестъ*. У сего Хана есть племянникъ, сынъ умершаго его брата Илтазаръ-Хана, очень храбрый юноша. *Могаммедъ Назаръ-бей*, меньшій братъ Ханскій остается въ Хивѣ.-Кусъ-бей, или Визирь *Могаммедъ-Риза*, хотя занимаетъ мѣсто Визиря, но не пользуется полною довѣренностію своего Государя, пока Юсуфъ имѣетъ вліяніе на государственныя дѣла.

Что касается до личныхъ качествъ и свойства духа нынѣшняго Хана, то сколько ни расположенъ онъ къ насилію, но также и довольно предусмотрителенъ во всемъ относящемся къ пользѣ торговли подвластнаго ему народа.

Кочующіе близь Хивы и Аральскаго озера Аральцы вмѣстѣ съ племенами *Ходжа-Или* и *Комадъ*, кочевавшими также при семъ озерѣ, числомъ до 15,000 сѣмействъ, подъ начальствомъ своего Старшины *Яхсалихъ-бея*, сперва вели безпрес-

танную войну съ Хивинцами; но Илтазаръ Ханъ, старшій братъ и предшественникъ нынѣшняго Хана, истребилъ большую часть ихъ за то, что они не хотѣли ему покориться и казались болѣе преданными Бухаріи. Сей же Ханъ, остатокъ ихъ до 5,000 сѣмействъ, перевелъ въ окрестности Хивы. После того, прилегающія къ Аральскому озеру земли, заняты были Туркменцами слѣдующихъ поколѣній: 1) *Абдальцами* 8,000, *Тюрджирами* 12,000, *Базанджинами* и *Курунджуками* 4000, *Хаджаками* и *Мураками* до 12,000 сѣмействъ. Всѣ же вмѣстѣ они составляютъ около 36,000 сѣмействъ и прежде обитали въ странѣ сопредѣльной съ *Мангишлакомъ*, но поссорясь съ Киргизами Малой орды, принуждены были оставить оныя мѣста и перекочевать на тѣ, кои до нихъ занимали Аральцы. Туркменское племя, называемое *Теке*, кочуя между Хивою и Хоразаномъ, находится подъ властію Хивинскаго Хана. Оно состоитъ изъ 10,000, сѣмействъ и до покоренія сему Хану было независимо. Ему также покорилась часть Туркменскаго племени называемаго *Юмутъ*, состоящаго изъ 8,000 сѣмействъ и кочующаго на югъ отъ Хивы, которое весьма храбро. Туркменское поколѣніе

Емреки, состоящее изъ 4,000 семействъ, зависитъ отъ него же, со времени перехода изъ *Хоразана* въ Хиву. Оно очень храбро. Туркменцы лѣваго берега рѣки Аму, между *Мервомъ* и Персіею, также покорились сему Хану. Всѣ Туркменцы Хивинскіе подданные, кочуютъ на лѣвомъ берегу рѣки Аму и въ долинѣ. Каракалпаки, кочующіе по берегу сей же рѣки до устья *Сырьдарьи* и при Аральскомъ озерѣ, состоятъ изъ 4,000 семействъ. Они будучи всегда въ связи съ Аральцами, въ одно время съ ними подчинились и Хивинскому Хану. Балкскіе Туркменцы, состоя изъ 4—5,000 семействъ, находятся на югъ отъ Мангишлака, по берегамъ Каспійскаго моря. Болѣе 20,000 семействъ, Туркменцевъ Юмутскаго поколѣнія, живутъ на земляхъ *Хоразана*, *Астерабада* и *Карасу*, въ зависимости Персидскаго Шаха. Изъ упомянутыхъ поколѣній Туркменскихъ, находящихся на югъ въ разстояніи на 10 дней пути отъ Хивы, одна половина Балкскихъ подвластна Персіи, а другая Хивѣ. Они-то нападали на Персію, и доставали тамъ плѣнниковъ, коихъ продавали Хивинцамъ. Отъ Хивы до жилищъ Туркменскаво племени *Теке* 10 дней пути, а оттуда до Персидскихъ предѣловъ еще 5 дней.

За исключеніемъ Белкскихъ Туркменцевъ, изъ числа же прочихъ Юмутскаго племени, всѣ другія поколѣнія совершенно подвластны Хивѣ.

(*Продолженіе впредь.*)

Книгохранилище Майсурскаго Раджи.

Тчикъ-дсо-Раджа Майсурскій (ум. 1704 г.) велѣлъ собрать многія историческія свѣдѣнія о надписяхъ, находящихся въ его владѣніяхъ. Оныя внесены были въ его книгохранилище, которое, говорятъ, было обширно. Типпо-Саибъ, выславъ семейство сего Раджи изъ дворца, хотѣлъ оное истребить, но потомъ отмѣнилъ сіе намѣреніе. Ему сказали, что многія комнаты во дворцѣ наполнены были книгами, а особливо писанными на пальмовыхъ и кодонтомовыхъ (изъ бумажной ткани) листахъ, и спрашивали, что онъ прикажетъ съ ними дѣлать? „Отнесть, отвѣчалъ онъ, въ дворцовыя конюшни и жечь для варенія кутти“ (лошадинаго корма изъ зеренъ). Приказъ его тотчасъ былъ исполненъ. Только малое число рукописей было сохранено чрезъ благовидную хитрость одного Брамина, которой при семъ случаѣ упросилъ пощадить одно от-

дѣленіе, гдѣ хранились его домашніе кумиры (пенаты). Въ 1799 году 4 Мая, комнаты сіи во время мятежа были открыты, и большая часть изъ вещей въ нихъ найденныхъ, досталась одному Англійскому Офицеру.

Неизданныя свѣдѣнія о Японіи.

Капитанъ Сивертъ Левсенъ (Sivert Levsen) съ острова Фера (Foehr) въ Даніи, по смерти своей оставилъ много замѣчаній, картъ и рисунковъ, относящихся да Японіи, куда онъ двукратно путешествовалъ: въ 1820 и 1821 годахъ, находясь въ Голландской службѣ. Сіи свѣдѣнія, какъ говорятъ, составятъ весьма занимательное сочиненіе, которое издано будетъ однимъ тамошнимъ чиновникомъ. Если Капитанъ Левсенъ не выходилъ изъ предѣловъ *Нангасаки*, то не должно ожидать отъ него многихъ новыхъ свѣдѣній. Однако же не льзя еще и судить о томъ напередъ.

Опредѣленіе мѣстоположенія города Трои.

Одинъ ученой и остроумной Шотландецъ Г. Макъ-Кларенъ (Mac-Claren) издалъ въ Единбургѣ разсужденіе о мѣстоположеніи Трои съ присо-

единеніемъ географической карты. Въ немъ опровергаетъ онъ предположенія Г.г. Лешевальс, Шоазеля Гуфье, Варбье дю Бокажа, Кларка и проч. Слѣдуя превосходнымъ путеводителямъ Иліадѣ и физической Географіи, онъ утвердительно доказываетъ, что городъ Троя находился въ маломъ разстояніи отъ берега на первыхъ возвышеніяхъ, и вѣроятно близъ мѣста: Jlium novum (Новаго Иліона) такъ, какъ полагали Александръ, Цезарь и всѣ древніе даже до Страбона. Сія часть его доказательствъ, по мнѣнію Издателей *Новыхъ Лѣтописей Путешествій* (Nou. An. des Voyages), не подлежитъ возраженію и таковою же, вѣроятно, покажется всѣмъ читателямъ, знакомымъ съ Гомеромъ. Нѣкоторые другіе предметы, меньшей важности, могутъ быть еще сомнительны. Они обѣщаютъ напечатать разборъ сего сочиненія вмѣстѣ съ приложенною сочинителемъ картою.

(Изъ Nou. Annales de Voyages.)

II.

Восточная Бивлiографiя.

Собранiе путешествiй къ Татарамъ и другимъ Восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтiяхъ. I. Плано-Карпини. II. Асцелинъ. С. П. бургъ въ Типографiи Департ. Народ. Просвѣщенiя 1825 г. XXI и 306 стр. въ 4 д. л.

Давно ученые Европы желали изданiя въ свѣтъ старинныхъ путешествiй въ Восточныя страны, въ подлинникахъ съ переводомъ и нужными примѣчанiями. — Нынѣ одинъ изъ соотечественниковъ нашихъ, Д. И. Языковъ, извѣстный уже въ ученомъ свѣтѣ по многимъ полезнымъ трудамъ, принялъ на себя согласное съ сею цѣлiю предпрiятiе. Напечатанная имъ въ прошломъ 1825 году первая книга, заключающая въ себѣ путешествiя Плано-Карпини и Асцелина, представляетъ новое доказательство трудолюбiя его и познанiй.

Описанiе путешествiя Плано-Карпини переведено имъ съ подлинника, изданнаго Гаклюйтомъ и тутъ же помѣщеннаго, по сверкѣ онаго съ Рейнекцiевымъ изданiемъ, дополненiи изъ Винцентiя Бовезскаго и сличенiи съ Анг-

лійскимъ переводомъ Гаклюйта и Французскимъ Бержерона. Переводъ же напечатанный въ Москвѣ въ 1795 и 1800 г. подъ названіемъ: *Любопытнѣйшее путешествіе Монаха Францисканскаго ордена Жана дю Планъ-Карпина, посыланнаго въ 1246 году къ Татарамъ* и проч. сдѣланъ не съ Латинскаго подлинника, а съ Бержеронова весьма не точнаго перевода.

Для показанія достоинства обоихъ Русскихъ переводовъ и Французскаго Бержеронова, здѣсь слѣдуетъ выписка изъ оныхъ, равно и изъ Латинскаго подлинника.

Латинскій подлинникъ.	*Нынѣшній Русск. переводъ*
Forma personarum ab hominibus aliis est remota. Inter oculos enim et genas plusquam alii homines sunt lati. Genæ etiam satis prominet a maxillis. Graciles sunt generaliter in cingulo exceptis quibusdam paucis. Pene omnes sunt mediocris staturæ. Barba fere omnibus minime crescit. Aliqui tamen in inferiori	Лицемъ отличаются они (Татары) отъ другихъ людей; ибо между глазъ и щекъ у нихъ ширѣ, нежели у другихъ, а щеки очень скуласты. Всѣ вообще, выключая немногихъ, имѣютъ тонкій станъ, и почти всѣ росту средняго. Бороды почти у всѣхъ нѣтъ; у иныхъ же только на нижней губѣ и на

(superiori) labio et in barba modicos habent crines, quos minime tondent. Super verticem capitis in modum clericorum habent coronas, et ab aure vna vsque ad aliam, ad latitudinem trium digitorum similiter omnes radunt. Quæ rasuræ coronæ prædictæ iunguntur. Super frontem etiam ad latitudinem duorum digitorum similiter omnes radunt. Illos autem capillos qui sunt inter coronam et prætaxatum rasuram crescere vsque, ad supercilia sinunt. Et ex utraquæ parte frontis tontendo plusquam in medio crines faciunt longos: reliquos vero crines permittunt crescere et mulieres. De quibus fuciunt duas cordas et ligant vnam quamque

бородѣ по нѣскольку волосъ, которыхъ никогда не стригутъ. На макушкѣ дѣлаютъ гуменце, какъ священники, и отъ одного уха до другаго, брѣютъ также всѣ голову шириною въ три пальца, соединяя эту полосу съ вышесказаннымъ гуменцемъ. Также и на лбу брѣютъ всѣ шириною въ два пальца. Волосы же, остающіеся между гуменцемъ и вышесказаннымъ выбритымъ мѣстомъ, отпускаютъ до бровей. Съ обѣихъ сторонъ лба обстригаютъ волосы болѣе, нежели въ половину, а остальные отращиваютъ какъ женщины, и сдѣлавъ изъ нихъ двѣ косы, каждую завязываютъ за ухомъ.

post aurem. Pedes etiam modicos habent.	Ноги у нихъ небольшія.
Французскій переводъ.	*Прежній Русскій переводъ.*
Pour parler des Tartares de leur mariages, vêtemens, habitations, meubles et biens, je dirai premierement que leurs visages sont assez differens de tous les autres du monde. Car ils ont une grande largeur entre les yeux et les jouës, et leurs jouës s'élevent fort en dehors; ils sont fort greles et menus de ceinture, pour la plus-part de stature médiocre, avec peu de barbe: quelques uns toute fois ont quelques poils á la lévre de dessous et au menton, qu ils laissent croitre, sans jamais les couper. Au sommet de la téte ils ont des couronnes comme nos	Прежде нежели стану говоришь о Ташарахъ, о нихъ бракахъ, одѣяніи, жилищахъ, уборахъ и имѣніи, скажу, что оии лицемъ не похожи на прочихъ въ свѣтѣ народовъ. У нихъ между глазами и щеками очень широко, а щеки весьма выпуклы. Оии весьма тонки и къ полсу поджары, по большой части средняго роста, и имѣютъ мало бороды; у нѣкоторыхъ есть нѣсколько волосовъ на верхней губѣ и на подбородкѣ, которыхъ они никогда не брѣютъ. На темѣ головы носятъ они скуфьи, какъ наши священники, и волосы

Prêtres, et depuis une oreille jusqu'a l'autre ils se rasent tous á la largeur de trois doigts; ce qui se vient joindre á cette couronne. Ils se rasent tous sur le front le large de trois doigts: et pour les cheveux qui sont entre leur couronne et cette ralure ils les laissent croître jusques sur les sourcils; et de part et d'autre du front ils ont leurs chevaux á demi coupes, et du reste ils les laissent croître aussi longs que les femmes; et de cela ils en sont deux cordons qu'ils lient et noüent au derriere de l'oreille. Ils ont les pieds assez petits.

брѣютъ отъ одного уха до другаго шириною на три пальца. Они всѣ брѣютъ на лбу шириною на три же пальца, и волосы находящіеся между скуфьею и выбритымъ мѣстомъ отращиваютъ до бровей; по обѣимъ сторонамъ лба волосы у нихъ до половины обстрижены, а остальные отращиваютъ столь же долго, какъ и женщины и плетутъ изъ нихъ двѣ косы, которыя за ушами связываютъ. Ноги у нихъ очень малы.

Изъ сличенія сихъ переводовъ съ подлинникомъ видно, что Д. И. Языковъ, какъ любитель и знатокъ избраннаго имъ предмета,

старался передать намъ какъ подлинникъ, такъ и переводъ, съ соблюденіемъ возможной точности, обогативъ сверхъ того оные дополненіями, показаніемъ разностей текста и многими примѣчаніями, коихъ совсѣмъ не было въ прежнемъ Русскомъ переводѣ. Если представимъ себѣ, что путешествіе Плано-Карпини описано имъ почти за 600 лѣтъ до нашего времени и не на природномъ его языкѣ, то не будемъ удивляться встрѣчающимся въ немъ несвойственнымъ Латинскому языку выраженіямъ и неясности, равномѣрно и въ переводѣ словамъ: *Хамъ* и *Канъ* вмѣсто Хана, *Герцогъ Русскій* вмѣсто Князя и другимъ подобнымъ.

Описаніе путешествія Асцелина (Ансельма), Монаха Доминиканскаго Ордена, посыланнаго Папою Иннокентіемъ IV къ Татарамъ въ 1247 году, заимствовано изъ Chronicon Hierosalymitanum P. II, изданнаго Рейнекціемъ.—Асцелинъ ѣхалъ чрезъ Сирію, Месопотамію и Персію къ Байотнову (вѣроятно къ Бачу-Новину, владѣтелю Татарскому, бывшему подъ зависимостію Хана Батыя). Все путешествіе его продолжается 59 дней, въ которомъ онъ ограничивается только описаніемъ приема, сдѣланнаго ему Монголами.

После Плано-Карпина и Асцелина Д. И. Языковъ намѣренъ издать подлинники путешествій съ переводомъ и объясненіями: Рубруквиса, Марко-Поло, Гайтона Армянскаго, Іоанна Мандевиля, Одериха Портенсейскаго, Шилдбергера, Клавиго, Іосифа Барбаро и Амброзія Контарини.

Желательно также, чтобы почтенный Издатель къ числу означенныхъ путешествій присовокупилъ еще и путешествіе Гетума Царя Армянскаго, или Гайтона, какъ называютъ его, впрочемъ неправильно, иностранцы, къ Бату (Батыю) и къ Мангу-Хану въ 1254 и 1255 годахъ. Оное помѣщено на Армянскомъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ и различными служащими къ объясненію и пополненію его выписками и примѣчаніями въ XIX Ч. *Сибирскаго Вѣстника* 1822 г. Путешествіе сіе описано на Армянскомъ языкѣ, современнымъ оному Историкомъ Киракосомъ Кандцакеци; самая же рукопись писана въ 1616 г. нѣкоторымъ священникомъ по имени Іаковомъ, въ селеніи Санагинѣ, гдѣ находится монастырь, построенный въ 961 году Царицею Хозрованушъ, супругою Армянскаго Царя Ашота III, прозваннаго Милосердымъ. *Г. С.*

化岈迺徝正
盂於無滙天鑄柑之甘桂嵕大聚運凡啟
大降不仐寇有祖山西係椗近許閼之同乾洋書

大秦景教流行中國碑

надпись, высѣченная на с.тизо Китайскаго города 1625 года.

粤若……以元尊者
二氣……鎮化海渾
此元……特物以託
無得……隱真戚同
有設……制八境之
然餘……以疲靈閒
東禮……人不堅皆
為法……道不大道
羅本……公主齡總
秋七……遠將經像
物到……垂青駕西
聖跡……衆寶之山
經造……克蒸繼祖
寺滿……於西鶴有
道白……復正天寶
寺劍……詔僧羅含
宗於……深道無不
寺元……為母於降
元故……化道玄

АЗІЯТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ФЕВРАЛЬ, 1826.

НАУКИ и ИСКУСТВА.

О древнемъ Христіанскомъ Памятникѣ, открытомъ въ Китаѣ 1625 года.

(*Продолженіе.*)

„Памятникъ о началѣ святой Евангельской вѣры въ Китаѣ, проповѣданной пришедшими изъ Іудеи духовными, и объ успѣхахъ распространенія ея въ семъ Государствѣ.

„Повѣствованіе во славу Евангельской вѣры, распространенной въ Китайскомъ Государствѣ, писано и изображено на камнѣ священникомъ Кинъ - Цзиномъ, принадлежащимъ къ Іудейской Христіанской Церкви.

„Ежели мы вѣримъ, что есть существо вѣчносущее, то оно должно быть преблаженно, превѣчно, безначально, непостижимо, пре-

мудро, пресовершенно, безконечно, всеобъемлющее, всепроизводящее, умудряющее избранныхъ и содѣлывающее ихъ причастниками своего величія; такое существо есть только единосущное въ трехъ Лицахъ Божество, безначальный и истинный Господь нашъ Елогимъ. Сей всемогущій Творецъ въ знаменіе Креста утвердилъ четыре страны вселенныя; привелъ въ движеніе первосозданный имъ вѣтръ (*), и произвелъ два первоначальные воздуха взаимно дѣйствующіе; тогда измѣнилась мрачная пустота и открылись небо и земля; солнце и луна начали совершать теченіе свое и послѣдовали день и ночь. По сотвореніи всѣхъ существъ онъ создалъ перваго человѣка, которому преимущественно предъ всѣми тварями даровалъ особенныя совершенства, поставивъ его правителемъ надъ всею вселенною, окруженною Океаномъ. Природа первосозданнаго человѣка была чиста безъ примѣси страстей; сердце его исполненное непорочности и правоты, совершенно было свободно отъ порочныхъ во-

(*) Откуда получено такое понятіе о первосозданномъ вѣтрѣ, не извѣстно. Примѣтны и въ другихъ мѣстахъ сей надписи нѣкоторыя отступленія отъ истинныхъ и общепринятыхъ понятій; но для исторической точности сообщается сей памятникъ древности въ подлинномъ его видѣ.

ждельній. Наконецъ сатана употребилъ коварство, прикрывъ оное благовидною личиною истины и непорочности, и тѣмъ увѣрилъ его, что подлинное совершенство состоитъ въ предлагаемой имъ истинѣ, а слабость и невѣжество въ томъ заблужденіи, въ которомъ онъ находится. Изъ сего преступнаго поведенія перваго человѣка въ послѣдствіе времени произошло то, что 365 лжеучителей слѣдовали одинъ за другимъ тою же стезею заблужденія. Все знаніе ихъ, и вся ревность были устремлены къ тому, чтобы уловлять всѣхъ сѣтями своего лжемудрованія. Одни изъ нихъ, указывая на твари, совѣтовали признавать оныя за Творца; другіе, принимая одно бытіе пустоты (vacuum), отвергали всякое другое начало; нѣкоторые, имѣя въ предметѣ одно счастіе, всѣ свои молитвы и жертвоприношенія посвящали сему кумиру; иные, скрывшись подъ завѣсу лицемѣрія, дабы удобнѣе обмануть тѣмъ другихъ, выставляли на показъ дѣла добродѣтели, коихъ не имѣли, и въ семъ случаѣ напрягали всѣ силы своего разума, и охотно дѣлались рабами непомѣрныхъ своихъ замысловъ, подкрѣпляемыхъ иногда дѣяніями благотворительности. А какъ все сіе утверждали они на

зыблемомъ основаніи, то никогда не достига-
ли своей цѣли; неудача же производила в
нихъ несносную досаду, которая на подоб
пламени пожирала ихъ внутренность. Таким
образомъ, слѣдуя путемъ, ведущимъ къ погиб-
ли, могли ли они приобрѣсть что-либо полез-
ное, кромѣ омраченія ума и сердца? Они чѣм
далѣе блуждали, тѣмъ болѣе дѣлались неспо-
собными къ обрѣтенію стези, ведущей к
истинѣ. Въ это самое время одно Лице Св-
тыя Троицы, Божественный нашъ Мессія, с-
крывъ истинное свое величіе во плоти, яви-
ся между человѣками въ мірѣ; Ангели пропо-
вѣдали сію радость на небесахъ; обрученна
мужу Дѣва родила святѣйшаго во Іудеи; пр-
свѣтлое созвѣздіе (звѣзда) возвѣстило прои-
зойти имущее отъ него блаженство; Персі-
не, взирая на свѣтъ онаго, привезли рожденном
дань; двадцать четыре Пророка весьма ясно пре-
сказали въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ о семъ, так
и о томъ, что онъ научитъ человѣковъ созидат
общественное и частное благо. Итакъ одно Ли-
це Святыя Троицы благоволило даровать нам
чистѣйшее духовное ученіе, которое не со-
стоитъ въ многоглаголаніи, но ограничивает-
ся непорочною совѣстію, утвержденною н

несомнѣнной въ него вѣрѣ; оно, провєдши черту осьми предѣловъ (1), преобразовало вещественное въ невещественное и истинное; а отверзши врата трехъ неизмѣняемыхъ добродѣтелей (т. е. вѣры, надежды и любви), открыло путь къ жизни и истребило самую смерть; когда же было повѣшено на Крестѣ, то въ самый тотъ великій день разрушило царство тьмы и сокрушило силу и державу отца лжи діявола и ангеловъ его, а находившіяся души въ мрачномъ царствѣ его и ожидавшія избавленія посадило на корабль милосердія и препроводило въ свѣтлыя обители. По совершеніи дѣла могущества своего (искупленія) оно при полуденномъ свѣтѣ истинно вознеслось на небо. Въ двадцати семи книгахъ, составляющихъ Новый Завѣтъ, заключается истинное его ученіе, распространяющее первобытную невинность и чистоту, и расторгающее всѣ оплоты, удерживающіе души въ заблужденіи. Оно установило крещеніе водою и духомъ, для омытія ложнаго нашего самолюбія и для содѣланія всѣхъ чистыми, не-

(1) Мысль сія довольно темна, и я не могъ угадать, что сочинитель разумѣетъ подъ чертою 8 предѣловъ. Ежели разумѣетъ онъ таинства или блаженства, то въ счетѣ выдетъ ошибка; а посему я оставилъ сіе безъ поясненія. *Л.*

порочными и совершенными; печатію же сего крещенія положило принятіе каждому на себя Креста, какъ орудія, споспѣшествующаго ко всеобщему миру и взаимному согласію безъ всякаго различія, подобно удару по дереву, которой производитъ звукъ, возбуждающій къ любви и милосердію (1). Принесеніе молитвъ нашихъ Богу, обратясь къ востоку, пролагаетъ намъ путь, ведущій къ жизни и истинной чести. Что же касается до отращиванія, или стриженія бороды, то сіе дѣйствіе совершенно принадлежитъ къ наружнымъ обрядамъ; равно стриженіе или отращиваніе волосовъ на головѣ

(1) Здѣсь О. Кинъ-Цзинъ указываетъ, по видимому, или на деревянные колокола, употребляемые въ Китайской музыкѣ при училищныхъ заведеніяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, или на деревянное орудіе, находящееся во всѣхъ капищахъ Фо. Сіе орудіе имѣетъ видъ черепахи, внутри пустое и на одномъ боку онаго находится продолговатое отверстіе. Жрецы Фо, при совершеніи своихъ молитвъ, въ извѣстное время ударяютъ по оному деревянною же палочкою. Жаль, что проповѣдникъ Христіанской вѣры сдѣлалъ столь неудачное сравненіе, примѣшавъ къ золоту грязь, къ таинству Креста языческое заблужденіе и къ животворящему Слову Божію мерзкую плоть. Л.

не составляетъ внутренняго достоинства нашего. Но быть расположену равною любовію ко всѣмъ человѣкамъ, есть существенное исполненіе должности нашей къ ближнему; не собирать богатства и не имѣть пристрастія ко всему земному, есть исполненіе нашей обязанности въ отношеніи къ самимъ себѣ. Посты наши тогда только бываютъ совершенны, когда мы во время пощеній нашихъ покоряемъ плотскія мудрованія небесной мудрости. Постоянная осторожность и всегдашнее памятованіе страха Божія подаютъ намъ силу и крѣпость къ исполненію Заповѣдей Господнихъ. Священнослуженіе, совершаемое ежедневно семь разъ, есть благочестивое дѣйствіе, при совершеніи коего приносятся Богу теплыя молитвы вообще за спасеніе живыхъ и умершихъ. Въ каждый же седьмый день приносится безкровная жертва для очищенія сердца нашего отъ мірской нечистоты, и для возвращенія ему чистоты и непорочности. Истинный и вѣчный Законъ (Божій), есть неизрѣченная премудрость, и мы не можемъ достойно наименовать его. Мы слабо только выражаемъ его, именуя свѣтоносным благовѣстіемъ, единственно сообразуясь съ благотворнымъ его дѣйствіемъ, ко-

торое все озаряетъ, все освящаетъ. Но при всемъ томъ, сей Божественный Законъ, не можетъ быть распространенъ, когда святые мужи (такъ называетъ Государей) не примутъ его и не возмутъ въ семъ дѣлѣ живѣйшаго участія; да и сами они безъ сего Божественнаго Закона не достигнутъ до того величія, для котораго они предназначены; когда же Божественный Законъ изобразится на святыхъ мужахъ столь ясно, какъ печать въ своемъ отпечаткѣ; тогда вся вселенная озарится свѣтомъ истиннаго просвѣщенія. Когда просвѣщеннѣйшій Императоръ Тай-цзунъ-вынь-Хуанди (1), подобно лучезарному солнцу освѣщалъ Китай благотворнымъ правленіемъ, всему давалъ жизнь и движеніе, господствовалъ надъ народами съ безпримѣрною благостію, которая свидѣтельствовала о глубокомъ его просвѣщеніи и высокихъ совершенствахъ; тогда въ Іудейскомъ Царствѣ былъ нѣкто Аробенъ, мужъ великой добродѣтели. Онъ, взявъ съ собою книги Священнаго Писанія, предпринялъ дальнѣйшій путь, въ которомъ не имѣлъ другихъ

(1) Такъ названъ по смерти второй Императоръ Танской династіи, который царствовалъ съ 627 по 650 годъ по Рожд. Христовѣ, и былъ однимъ изъ величайшихъ Государей Китая. Л.

руководителей, кромѣ чистыхъ облаковъ, съ твердостію духа переносилъ суровость годовыхъ временъ, съ отважностію пускался во всѣ опасности и наконецъ достигъ благополучно Китайской Столицы Чань-анъ въ 9 лѣто (635) царствованія Императора Тай-цзуна, названное Джень-Гуанъ. Извѣщенный о прибытіи Аробеня Императоръ повелѣлъ первому своему Министру, Фанъ-сюанъ-Линъ именуемому, взять въ западномъ предмѣстіи потребное количество войска, встрѣтить Аробеня какъ гостя и ввести его во дворецъ, гдѣ особенная храмина назначена ему для жительства и для перевода Св. Писанія. Императоръ часто призывалъ Аробеня во внутреніе чертоги и бесѣдовалъ съ нимъ о Законѣ Божіемъ, желая научиться и познать оный. Когда же совершенно позналъ непреложную истину сего Божественнаго ученія; тогда повелѣлъ Аробеню всенародно проповѣдывать оное. Джень-Гуанъ 12 лѣта (638) въ 7 осенней лунѣ, Императоръ обнародовалъ особенный Указъ въ пользу Христіанской вѣры слѣдующаго содержанія:,, Законъ Божій не имѣетъ опредѣлительнаго наименованія, мужи Святые никогда не ограничиваются никакимъ мѣстомъ; но обтекая

вселенную, проповѣдуютъ ученіе, и тѣмъ приносятъ существенную пользу роду человѣческому безъ всякихъ для себя предположеній. Таковъ есть Аробень гражданинъ Іудейскаго Царства, мужъ великой добродѣтели. Онъ, протекая столь дальній путь, и неся съ собою книги Св. Писанія и иконы для поднесенія мнѣ прибылъ въ нашу Столицу. Я тщательно разсуждалъ о проповѣдуемомъ имъ ученіи, и не нашелъ въ ономъ ничего обыкновеннаго, но единственно всеобъемлющую премудрость; разсматривалъ все то, что оказывалъ мнѣ Аробень объ Основателѣ сего ученія, его жизни, дѣяніяхъ, и о побудительной причинѣ основать сіе ученіе, и не нашелъ въ словахъ его ничего несообразнаго съ разумомъ. Забывать обиды, помогать всѣмъ вообще тварямъ и дѣлать пользу каждому человѣку, есть главнѣйшее правило сего ученія; а потому за нужное признаю распространить оное по всей Имперіи нашей; сверхъ сего повелѣваю начальству, до котораго сіе принадлежитъ, воздвигнуть внутрь столицы нашей на мѣстѣ, называемомъ И-цинь-фанъ, одинъ Храмъ, подъ именемъ Іудейскаго, въ которомъ помѣстить 21 человѣка, принадлежащихъ къ сему духовному ордену съ до-

вольнымъ для нихъ содержаніемъ отъ казны. Когда погасла добродѣтель первыхъ Государей династіи Джсу, тогда просвѣщенные мужи удалились на западъ; нынѣ же, когда правленіе великой династіи Танъ находится въ блистательномъ положеніи, кроткое дуновеніе мира и милосердія начало дышать на востокѣ." Послѣ сего велѣлъ Императоръ написать свой портретъ и поставить на стѣнѣ вновь воздвигнутаго Храма съ такимъ намѣреніемъ, чтобы небесный образъ его во всемъ велелѣпіи своемъ былъ крѣпкимъ щитомъ для всѣхъ принимающихъ Христіанскую вѣру, и священнымъ памятникомъ превосходной его благости, подъ сѣнію коей вѣчно сіяло то мѣсто, въ которомъ совершалось истинное служеніе Богу. Въ географическихъ запискахъ о западныхъ Государствахъ, также въ лѣтописяхъ владѣтельныхъ домовъ Ханъ и Вый упоминается о Государствѣ Да-цинъ (Іудейскомъ) слѣдующее: „Государство Да-цинъ къ югу сопредѣльно съ Коралловымъ моремъ (надобно думать съ Чермнымъ); прямо къ сѣверу съ горами изобилующими разнаго рода драгоцѣнными камнями; къ западу съ рощею цвѣтоносныхъ деревъ, такъ называемою предѣломъ святыхъ

отшельниковъ; къ востоку съ мертвою водою, всегда вѣтромъ волнуемою (1). Произведенія сего Государства особенно примѣчанія достойныя: полотно, хованъ называемое; благовоніе возвращающее жизнь Фанъ-Хунъ-сянь; жемчугъ и карбункулы. Нравы и обычая жителей достойны особенной похвалы; у нихъ нѣтъ ни воровъ, ни разбойниковъ, всѣ вообще склонны къ мирной жизни. Что касается до суда и расправы, то все сіе производится по правиламъ Св. Писанія, и никакой новый законъ, котораго нѣтъ въ ономъ, не можетъ быть обнародованъ. Никто не можетъ быть Государемъ, кромѣ добродѣтельнѣйшаго. Государство сіе весьма обширно и всегда славилось просвѣщеніемъ и богатствомъ" (2). Великій Императоръ Гао-цзунъ (сынъ Тай-цзуна цар-

(1) Такіе предѣлы Іудейскаго Царства весьма неизвѣстны, если только исключить Черное море, да и мертвая вода едва ли означаетъ Мертвое море; ибо въ нѣкоторыхъ географическихъ запискахъ она представлена рѣчкою влекущею песокъ. Можетъ быть Сирійскія слова, означающія предѣлы сего Государства выражены Китайцами по своему выговору. *Л.*

(2) Извѣстія объ Іудейской землѣ получены въ Китаѣ около половины втораго столѣтія по Р. Х., когда она составляла только Римскую провинцію; слѣдовательно и сказанія должны болѣе относиться къ Имперіи, нежели къ Іудеи: *Л.*

ствовалъ съ 650 по 684 годъ), преуспѣвая въ благочестивомъ подражаніи дѣламъ своего родителя, содѣлался достойнымъ его наслѣдникомъ своею благотворительностію. Онъ повелѣлъ сооружать великолѣпные Храмы въ честь истинному Богу во всѣхъ областяхъ обширнаго своего Государства, и въ знакъ особеннаго своего благоволенія къ Аробеню возвелъ его на степень Первосвященства съ титуломъ охранителя Государства Джень-го. Съ сего времени начала распространяться Христіанская вѣра во всѣхъ 10 Губерніяхъ, Имперія обогащаться дарами Духа Святаго, всѣ города наполняться Храмами Божіими, каждый домъ изобиловать Евангельскимъ блаженствомъ.

„Въ Лѣто Шень-ли (1) (692) поклонники Шицзямунія, воспользовавшись обстоятельствами времени, имъ благопріятствовавшаго, явно возстали противъ Хрістіанской вѣры, а въ концѣ 1 лѣта Сянъ-тянь (2) (712) безмысленная ученая сволочь ненаказанно посмѣвалась надъ

---

(1) Такъ назвала 14 годъ своего царствованія вдовствующая Императрица Ушы, похитившая престолъ у сына своего Джунъ-цзунъ названнаго, весьма слабаго Государя, коего лѣта правленія писались Сы-шенъ. *Л.*

(2) Шестый Императоръ сего поколѣнія Сюань-цзунъ, такъ назвалъ 1 лѣто своего царствованія. *Л.*

нею и произносила хулы и злословія; первые въ восточной, а последніе въ западной столицѣ Государей древняго Джеусскаго дома. Въ сіо время Первосвященникъ Лохань и великой добродѣтели священникъ Дзилей вмѣстѣ съ мужами, сколь знаменитыми по происхожденію, столь почтенными по заслугамъ, равно и съ прочими духовными особами, доказавшими великость свою презрѣніемъ міра, предпринялй общими силами возстановлять подавляемое Христіанское ученіе въ прежнее состояніе, и укрѣплять основаніе, которое доведено было почти до разрушенія. Къ большему успѣху въ семъ святомъ дѣлѣ весьма много содѣйствовала благочестивая ревность совершеннѣйшаго Императора Сюань-цзуна, который повелѣлъ Нингоскому князю и другимъ четыремъ ему подобнымъ князьямъ самимъ посѣтить Храмъ Божій, вмѣщающій въ себѣ истинное блаженство: воздвигнуть въ немъ жертвенникъ, угрожавшую паденіемъ кровлю Храма сдѣлать вновь великолѣпнѣе, и каменныя скрижали, на которыхъ изображенъ былъ Законъ Господень, въ то время лежавшія въ прахѣ, поставить на прежнія основанія. Въ

первыхъ годахъ Тянь-бао (1) сей же Императоръ повелѣлъ главному предводителю войскъ Гаолиши (етто былъ евнухъ) отнести въ Храмъ Божій съ великою честію пять портретовъ прежнихъ Императоровъ, своихъ предшественниковъ, и поставить ихъ тамъ въ приличномъ мѣстѣ. По случаю сего торжества Императоръ прислалъ въ даръ Храму сто кусковъ шелковыхъ тканей. Въ честь радостнаго принятія оныхъ портретовъ, проявляющихъ величіе представляемыхъ ими, можно сказать слѣдующее: хотя драконова борода находится отъ насъ далеко; но лукъ и мечь его всегда достать могутъ. Солнце, будучи и въ зодіакальномъ созвѣздіи Дэло (дѣвы), простираетъ лучи свои, и небесный зракъ его также мѣрою (2) въ джичи (8 вершковъ). Тянъ-бао 3 лѣта (744) пришелъ въ Китай изъ Іудейскаго

(1) Сюанъ-цзунъ 31 годъ своего правленія назвалъ Тянъ-бао, подъ которымъ наименованіемъ остались послѣдніе 14 лѣтъ его царствованія, кончившагося 755 годомъ по Р. Хр. *Л.*

(2) Мѣсто сіе довольно темно, и надобно думать указываетъ ни какое-либо древнее происшествіе, котораго я по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могъ прінскать. Впрочемъ здѣсь не заключается другой важной мысли, кромѣ, какъ кажется, сей: хотя Императоры больше не существуютъ, но изображенія ихъ еще могутъ внушать къ себѣ должное почтеніе. *Л.*

Царства священникъ Дэихо, которому руководителями были одни звѣзды. Онъ скоро сдѣлался извѣстенъ Императору и снискалъ особенное уваженіе отъ всего Двора. Императоръ послалъ повелѣніе Первосвященнику Лоханю, чтобы онъ съ Пулунемъ и другими 17 священниками, пригласивъ къ себѣ и Дэихоя, мужа великой добродѣтели, пришли во дворецъ Синь-цинъ-Гунь и совершили въ немъ священнослуженіе соборомъ. Въ то же время Императоръ, желая доказать приверженность свою къ Христіанской вѣрѣ, и почтить Храмъ Божій надписью своей руки, прислалъ великолѣпно украшенную доску, сіяющую яркою лазурью, и блистающую радужными цвѣтами, средину коей занимала надпись, писанная самимъ Императоромъ. Рѣзкіе почерки кисти, доказывающіе неподражаемое искусство, ни съ чѣмъ сравнены быть не могутъ, какъ только съ лучезарнымъ солнцемъ. Сія чрезвычайная милость столь велика, что превышаетъ касающіеся облаковъ верхи полуденныхъ горъ, а источникъ неизрѣченныхъ щедротъ его столь же неизмѣримъ, какъ глубина восточнаго Океана. Богу нѣтъ ничего невозможнаго, а все возможное удобно выражается. Святый

(т. е. Государь) не можетъ не дѣйствовать, и всякое дѣяніе его можно проповѣдывать. Просвѣщеннѣйшій и премудрый Императоръ Су-цзунъ (сынъ Сюанъ-цзуна) повелѣлъ вновь воздвигнуть великолѣпные Храмы Божіи въ Линь-у и тому подобныхъ пяти городахъ. Попеченіе его о истинномъ благѣ привлекло на него благословеніе Божіе, которое благопоспѣшествовало ему во всѣхъ его начинаніяхъ, и утвердило великое его наслѣдіе (1).

„Просвѣщеннѣйшій и побѣдоносный Императоръ Дай-цзунъ (сынъ Су-цзуна), ревностно стараясь о распространеніи Христіанской вѣры, ничего не оставлялъ безъ вниманія, что только относилось къ сему святому дѣлу. Сей

---

(1) Сочинитель указываетъ здѣсь на чрезвычайный переворотъ, которой произвелъ въ Китаѣ полководецъ Ань-лушань, природный Монголъ, принудивъ Императора Сюань-цзуна, которымъ управляли тогда женщины, евнухи и льстецы, бѣжать изъ столицы, скитаться по областямъ и укрываться въ Губерніи Сы-чуань. Су-цзунъ, о которомъ говоритъ Кинъ-Цзинъ, бывъ тогда наслѣдникомъ принялъ главное начальство надъ всѣми войсками, и съ помощію двухъ славнѣйшихъ того времени полководцевъ Го-цзы-и и Ли-гуанъ-би, преодолѣлъ мятежниковъ, между коими происходили великіе раздоры по смерти Ань-лушаня, погибшаго отъ руки роднаго своего сына. Впрочемъ Су-цзунъ былъ слабый Государь и царствовалъ 7 лѣтъ. Л.

благочестивый Государь въ день праздника Рождества Христова ежегодно присылалъ благовонныя куренія въ жертву Богу, какъ знакъ благодарности своей за дарованіе ему преуспѣянія во всѣхъ дѣлахъ правленія. Въ доказательство же особеннаго своего благоволенія къ проповѣдникамъ слова Божія угощалъ ихъ обильнымъ Царскимъ столомъ. Какъ неистощимый въ милостяхъ своихъ ко всѣмъ существамъ Цянь (Богъ) сохраняетъ ихъ бытіе, и размножаетъ каждое по роду своему, такъ и сей благочестивый Императоръ, сообразуясь во всемъ съ благостію сего непостижимаго существа существъ, содѣлалъ подданныхъ своихъ счастливыми, и успѣлъ отвратить отъ нихъ всѣ бѣдствія (1).

„Святый, пресовершенный, просвѣщеннѣйшій и мужественный благополучно царствующій Императоръ нашъ (Де-цзунъ, 9 Императоръ

(1) Здѣсь также указываетъ сочинитель на бѣдствія Имперіи, бывшія при семъ Государѣ, отъ набѣговъ Тангутовъ или Туфаней и другихъ народовъ, изъ коихъ первые взяли столичный городъ Чанъ-ань, оставленный Императоромъ, искавшимъ спасенія въ бѣгствѣ, и причиняли повсюду великія опустошенія, пока не были изгнаны. Сей Государь царствовалъ 17 лѣтъ съ большею слабостію, нежели отецъ его Су-цзунъ. Л.

сего поколѣнія, старшій сынъ Дай-цзуна) съ перваго лѣта владычества своего Дэянь-джунъ (780) доказалъ глубокое проницаніе въ управленіи Имперіи; удаливъ отъ должностей людей недостойныхъ, поручилъ оныя достойнѣйшимъ. Его благости угодно было въ пользу Христіанской вѣры обнародовать вновь нѣкоторыя постановленія; попечительный промыслъ его проникъ во глубину истины. Мы молимъ Бога, да не постыдитъ упованія нашего, да превознесетъ и возвеличитъ его, да соблюдетъ его непорочнымъ, содѣлаетъ распространителемъ мира и тишины, ко всѣмъ милостива, сострадательна, благодушна и благотворительна; къ сему обязываетъ насъ великій предметъ нашъ и должность пастырства нашего, посвятившіе насъ служенію добродѣтели и истинѣ. Чтобы премилосердый Господь ниспослалъ благорастворенiе воздуха и благовременный дождь и даровалъ всей вселенной благоденствіе, за которыми послѣдуютъ во всемъ благопоспѣшество, изобиліе плодовъ земныхъ, спокойствіе живущихъ и радость умершихъ, чтобы просящіе о продолженіи жизни получили желаемое соотвѣтствіе и чтобы всѣ мысли и желанія вообще

были святы и непорочны; въ семъ состоитъ существенное дѣйствіе служенія нашего Христіанской вѣрѣ, по силѣ и возможности нами исполняемаго.

Священникъ Иньсы, мужъ миролюбивый и благотворительный, располагавшій поведеніе свое сообразно принятому имъ Закону Божію, не ужасаясь дальняго пути, которой ему должно было совершить изъ города Ванше до Китая, рѣшился предпринять оный и пришелъ въ сію Имперію. Сей превосходный мужъ, находясь въ особенной милости при трехъ сряду Государяхъ, успѣлъ обнаружить обширныя свои познанія и непоколебимую твердость духа въ исполненіи должности, которую занималъ онъ при Дворѣ, чѣмъ обратилъ на себя особенное вниманіе Государя, который имя его написалъ на своихъ ширмахъ для всегдашней памяти. Въ послѣдствіи времени онъ возвышенъ былъ въ достоинство Первосвященника и вмѣстѣ возведенъ на первую степень Государственныхъ мужей съ титуломъ Дзинъ-цы-Гуанъ-лу-да-фу, сдѣланъ товарищемъ военнаго Генералъ-Губернатора въ области Шо-фанъ, получилъ должность главнаго начальника при испытаніи ученыхъ мужей въ

дворцовой палатѣ, и имѣлъ жалованную отъ Императора темнокраснаго цвѣта одежду (мантію), дэл-ша называемую. Когда Го-цзы-и, первостепенный вельможа Двора (Джунъ-шу-линъ) и главный военачальникъ, возведенный въ княжеское достоинство, съ титуломъ Фынь-янъ-цзюнь-ванъ, принялъ по воли Императора главное начальство надъ всѣми войсками, расположенными въ области Шо-фанъ (1); то Императоръ Су-цзунъ приказалъ Иньсыю отправиться туда и быть при семъ военачальникѣ. Го-цзы-и принялъ Иньсыя со всѣми знаками искренней любви, какъ человѣка принадлежащаго къ собственному своему семейству и располагающаго поведеніе свое по тѣмъ же правиламъ, коихъ держался самъ. Почему во всѣхъ дѣлахъ какъ по гражданской, такъ и воинской части почиталъ его, какъ говорится, правою рукою и правымъ глазомъ. Всѣ Царскія милости и получаемое по службѣ жалованье умѣлъ раздѣлять съ прочими, никогда не помышляя о обогащеніи самаго себя. Онъ изъ усердія къ Храмамъ Божіимъ не пожалѣлъ

(1) Въ сiю время Ань-лушань выгналъ Сюань-цзуна изъ столицы, взялъ оную, разграбилъ, и отправясь въ Ло-янъ, провозгласилъ себя Императоромъ. Л.

любимыхъ своихъ сосудовъ изъ кристалла
посвятивъ оные Богу, и самые ковры, упо
требляемые имъ во дни успокоенія, разослал
въ святомъ Храмѣ. Сверхъ сего занимался т
возобновленіемъ обветшалыхъ Храмовъ Бож
ихъ; то устроеніемъ храминъ, въ которых
проповѣдывалось слово Божіе; то украшеніем
портиковъ и алтарей такимъ изящнымъ у
ранствомъ, какимъ блистаютъ летающія пти
цы, называемыя райскими, отъ разноцвѣтных
своихъ перьевъ; наиболѣе же имѣлъ попече
ніе о принявшихъ Христіанскую вѣру, кото
рымъ, слѣдуя влеченію человѣколюбія, всегд
старался быть полезнымъ. Сверхъ сего еже
годно приглашалъ священниковъ четырех
церквей съ ихъ причтомъ для совершені
Божественной службы соборомъ въ продолже
ніи 50 дней, и во все сіе время доставлял
имъ все нужное къ содержанію. Къ нему при
ходили алчущіе и насыщались, нагіе получал
отъ него одежду, больные врачебное пособі
и возвращались здоровыми, умершихъ погре
балъ и успокоивалъ прахъ ихъ. Но не таковъ
былъ поклонникъ Шицзямуніевъ, Даса име
нуемый, хотя славился своею чистотою
воздержаніемъ. Онъ совсѣмъ не слыхалъ о доб

родителяхъ сего рода. Облеченные въ бѣлую одежду Христіане нынѣ видятъ сего великаго человѣка; но я желалъ, чтобы дѣла благочестія и человѣколюбія его пребыли незабвенными въ потомствѣ, принялъ твердое намѣреніе изобразить оныя на семъ великомъ камнѣ". (Здѣсь кончилось повѣствованіе Отца Кинъ-Цзина на Китайскомъ языкѣ, которой онъ, по видимому, зналъ слабо, хотя примѣтно, что читалъ много на семъ языкѣ сочиненій и особенно Дао-де-цзинъ-Лао-цзы, которому старался подражать, но неудачно. Не говоря о многихъ несообразностяхъ въ слогѣ и мысляхъ, онъ не зналъ кажется и того, гдѣ должно было выставить или подписать свое имя, которое поставлено имъ въ началѣ; но по свойству Китайскаго языка должно бы стоять оному въ концѣ повѣствованія. Послѣ сего слѣдуютъ похвальные стихи въ честь Господа, а болѣе тѣхъ же Императоровъ, коихъ столь много выхвалилъ О. Кинъ-Цзинъ въ своемъ повѣствованіи, котораго оные стихи составляютъ только сокращеніе, впрочемъ незаслуживающее особеннаго вниманія).

„Похвальные стихи, сочиненные Люй-сюянемъ, чиновникомъ степени Чао и Лань, от-

правлявшимъ прежде должность военнаго начальника въ городѣ Тай-джсу.

„Истинный Господь безначаленъ, преблаженъ, вѣчносущій, всемогущій Творецъ всего существующаго на небѣ и землѣ, которыхъ онъ есть истинное начало. Одно Лице сего Божества явилось въ мірѣ для искупленія его, и сей великій совѣтъ искупленія по существу своему не имѣетъ предѣловъ. Божественный Искупитель явился, и мракъ заблужденій изчезъ, какъ густая тьма изчезаетъ при восхожденіи лучезарнаго солнца, и все засвидѣтельствовало истинное его могущество. О какъ величественъ премудрый Императоръ нашъ Тай-цзунъ, украшеніе и вѣнецъ всѣхъ предшествовавшихъ ему Государей! Бывъ предназначенъ Небомъ къ погашенію свирѣпаго пламени бѣдственныхъ мятежей, терзавшихъ Имперію, онъ не только совершилъ планъ сей, но при помощи Небесной возвысилъ могущество свое, и разширилъ власть свою по всей вселенной. Сей великій Государь, озаренный свѣтомъ Христіанскія вѣры, проникнувшей тогда въ нашу Имперію, осчастливленную правленіемъ Государей Танскаго дома, повелѣлъ преложить Священное Писаніе на языкъ Китайскій, и соору-

дить великолѣпный Храмъ истинному Богу. Послѣ сего живые и умершіе переходили отъ временной жизни къ вѣчному животу, какъ мореплаватели на кораблѣ, управляемомъ вѣрою, къ тихому пристанищу; неисповѣдимое блаженство объяло всѣхъ вообще, и вся вселенная достигла безмятежнаго спокойствія.

„Императоръ Гао-цзунъ, истинный наслѣдникъ родительскихъ доблестей и благочестія, повелѣлъ сооружать Храмы Божіи съ большимъ велелѣпіемъ, и святые алтари въ честь источника мира обширнѣе и блистательнѣе, которыми вскорѣ наполнилась вся Имперія. И чтобы истинный Законъ Божій всюду былъ проповѣдуемъ и изъясняемъ съ большею дѣятельностію, учредилъ достоинство Первосвященства. Мудрый его промыслъ скоро былъ увѣнчанъ желаемымъ успѣхомъ; ибо послѣ сего всѣ обитатели Имперіи начали наслаждаться спокойствіемъ; наказанія, посылаемыя Небомъ во гнѣвѣ, прекратились, и всякое несчастіе отъ нихъ удалилось.

„Императоръ Сюанъ-цзунъ, рожденный для распространенія предначинаній великихъ своихъ предковъ, возмогъ усовершенствовать себя во всякой истинѣ и правотѣ. Доска, поставлен-

ная имъ въ Храмѣ Божіемъ, распространяла сіяніе, а надпись, начертанная на ней собственною его рукою блистала неподражаемымъ совершенствомъ; Императорскія лицеизображенія тамъ же поставленныя озаряли своимъ величіемъ, а все вмѣстѣ возбуждало во всей Имперіи высокое благоговѣніе къ тому мѣсту, въ которомъ царствовало истинное спокойствіе, и откуда изливалось на всѣхъ человѣковъ совершенное счастіе. Императоръ Суцзунъ, когда шествовалъ востановлять спокойствіе въ Имперіи, небесная сила направляла колесницу его къ побѣдѣ; величественное свѣтило дня разсыпало предъ нимъ лучи свои, какъ ярко блистающіе кристаллы; благоприятствующій вѣтръ, разгоняя мракъ ночи, предвѣщалъ благополучный день; счастливое спокойствіе поспѣшало обрадовать всю Императорскую фамилію; всѣ неблагоприятныя обстоятельства прекратились; мятежи, распространившіеся на подобіе быстраго потока, изчезли; бурные военные вихри утихли и Имперія наша приведена въ прежнее спокойствіе.

„Императоръ Дай-цзунъ, ознаменовавшій себя совершеннымъ исполненіемъ сыновней и Царской обязанностей, угодившій Небу и зем-

лѣ высокими своими доблестями, посредствомъ коихъ даровалъ человѣкамъ жизнь и совершенство, всѣмъ существамъ красоту и истинную пользу, возжегъ ѳиміамъ въ Храмѣ Божіемъ, въ жертву признательности своей за полученную имъ свыше помощь и побѣду надъ врагами, расточилъ милости, достойныя человѣколюбиваго его сердца; солнце и луна содѣйствовали грозной его силѣ и служили его успѣхамъ.

„Благополучно царствующій нынѣ Императоръ, съ самаго начала принятія Государственнаго правленія, неослабно подвизается въ усовершенствованіи своихъ добродѣтелей; предъ его величіемъ, и благочестіемъ благоговѣетъ все замыкающееся между четырьмя морями; его просвѣщеніе озарило всѣ предѣлы свѣта; его прозорливость проницаетъ глубину сердецъ человѣческихъ и видитъ сокровенныя помышленія ихъ, какъ предметы въ зеркалѣ; весь міръ получилъ новую жизнь; разнородные южные варвары приняли отъ руки его образованіе. О вѣчный Законъ! хотя непостижимъ ты по естеству своему, но тайное соотвѣтствіе твое ощутительно; усиливаюсь наименовать тебя, и не могу иначе, какъ токмо Еди-

ницею, заключающею въ себѣ тройственное число. Государь можетъ дѣйствовать, а подданный описывать его дѣянія. Сооружая великолѣпный памятникъ сей прославляю великое добро.

„Великой Танской династіи царствованія Цзянь-джунъ 2 лѣта (781) въ годъ бѣловатой курицы, первой луны въ день Да-іо-шень-вынь-жи, которой былъ недѣльный, поставленъ сей памятникъ при Первосвященникѣ Нинъ-Шу, управляющемъ Христіанскою Церковію на востокѣ."

(Окончаніе впредь.)

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествіе В. Франклина по Раджмогальскимъ горамъ въ Декабрѣ 1820 и Январѣ 1821 года.

(Изъ Nouvelles Annales des Voyages T. XXI, p 178.)

Дѣла мои призывали меня къ сторонѣ Ауда' и я рѣшился отправиться туда чрезъ *Раджмогальскія горы* (Radj-mohal). Изъ Багольпура (Bhagolpour) я достигъ чрезъ два перехода въ Колгонгъ; а 1820 Декабря 8 прибылъ въ Бодлу-Гонжъ (Bodlou-gonj), продолжая путь къ юговостоку, въ странѣ исполненной живописныхъ видовъ. Предъ глазами нашими простирался хребетъ южныхъ горъ (отъ Багольпура до Бодлу-Гонжа 27 миль). Мы достали хорошіе образчики гранита и песчаника на Бадерскихъ (Badair) горахъ, возвышающихся надъ Колгонгомъ. Для окончанія разныхъ дѣлъ я остановился на 4 дни (9-12) въ Бодлу-Гонжѣ.

13 Декабря. Увѣрясь, что намъ нельзя было бы переправиться чрезъ горы иначе, какъ съ

небольшимъ запасомъ (богажемъ), мы отправили большія свои палатки и прочія тяжести въ Диги (Dighi) на одномъ слонѣ и 12 волахъ, съ нашими людьми и посильщиками, коихъ набралось до ста человѣкъ.

14 Декабря. Мы пустились въ путь до восхожденія солнца. Земля весьма хорошо обработана. Въ виду нашемъ горы представляли пріятнѣйшіе и очаровательные для глазъ предметы. Въ 8 часовъ (вечера) прибыли въ селеніе Диги (5 миль), по направленію почти къ западу. Отъ сего мѣста около 7 миль протекаетъ р. Терриголли.

15 Декабря. Въ томъ же часу, какъ и вчера, отправились въ путь и ѣхали чрезъ густыя *дженглы* (djenglei). Въ виду нашемъ были Белліагскія горы; проѣзжали чрезъ поля засѣянныя рисомъ и другимъ хлѣбомъ. Въ 8 часовъ утра остановились въ Мурдигѣ.

16 Декабря. При восхожденіи солнца отправились въ путь, ѣхали посреди полей съ рисомъ чрезъ Чауданъ-поллу, и вскорѣ чрезъ Кумбу, коей берега весьма круты, и она маловодна. Почва земли черная съ пескомъ. Потомъ прибыли въ низкой и густой лѣсъ; дорога дурная и непроѣзжая для повозокъ, но чѣмъ далѣе,

тѣмъ рѣже становился лѣсъ. Переправились чрезъ два ручья и р. Дулигъ-нолллу, которой берега имѣютъ ту же почву, какъ и вся эта земля, т. е. черную и очень жирную. Тамъ безъ сомнѣнія роcтетъ сахарной тростникъ.

Дулигъ и другія небольшія рѣчки, чрезъ которыя мы переѣзжали утромъ, составляютъ протоки Куагъ-ноллы, впадающей въ Гангесъ близъ Колгонга. Мы замѣтили воздѣланныя поля съ разсѣянными при подошвѣ горъ малыми селеніями. Оттуда проѣхали чрезъ ущелія Ростіенъ, Гхуску и Бишимпуръ, при подошвѣ холма того же названія. Здѣсь надобно взбираться по скату горы Пара-Душмины; на половинѣ пути встрѣчается хижина, окруженная обработанными полями, которыя, если на нихъ смотрѣть съ горы, представляются весьма пріятными. При подошвѣ горы идетъ излучисто дорога въ низменной лѣсъ. Земля возвышается постепенно. Деревня Портабпуръ остается вправѣ. Просѣка въ лѣсу позволила намъ увидѣть, что мы поднялись очень высоко. Путь продолжается по густому лѣсу. Въ 10 часовъ утра мы остановились въ деревнѣ Боллихѣ, имѣющей хорошее местополо-

женіе, при подошвѣ горы того же имени (11 миль).

17 Декабря. Ущеліе Боллихъ, извѣстно тѣмъ, что чрезъ оное отправляютъ въ долину горныя произведенія. Я остановился и по крутой дорогѣ переползалъ сіе мѣсто. Высоты обѣихъ сторонъ покрыты зеленью. Достигнувъ на вершину Боисома, я сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Потсонда самая высокая гора, оставалась въ 12 миляхъ отъ меня на югозападѣ; горы того же имени въ 9 миляхъ къ юговостоку, Гора Баркаунъ въ 12 миляхъ на юго-югозападѣ, Нуригъ-гхатъ въ 1 милѣ къ юговостоку, Нурихъ-Домнихъ-гхатъ въ 8 миляхъ късѣверовостоку.

Съ сего мѣста представляется пріятный видъ дженгле Терри (djengle de Terry). Въ Нурихъ гхатѣ мало видно обработанныхъ земель; далѣе вся земля покрыта лѣсомъ. Туда-то удалились жители, когда война опустошала помянутый дженгле Терри. Нелегко было ихъ оттуда выгнать; ибо кромѣ трудности приступъ къ ущелію, воды тамъ мало; однако же успѣли ихъ покорить.

Я отправился уже 19 Декабря при восхожденіи солнца. Дорога извивается посреди Бол-

лигскихъ горъ и покрыта джинглами. Мы видѣли поля съ рисомъ и деревню Діури, смежную съ ущельемъ того же имени. Здѣсь попеременно встрѣчаются лѣса и воздѣланныя поля. Въ 8 часовъ утра прибыли въ Магхванупъ, лежащій наровнѣ съ Пошсондою, оставшеюся на юго—югозападѣ и горою Мурлихомъ къ сѣверозападу (5 миль).

20 Декабря. Пустились въ путь при восхожденіи солнца; дорога хорошая посреди обработанныхъ полей. Углубляясь въ джинглы видѣли сквозь промежутки воздѣланныя нивы, и миновали деревню Корлу. Горы Потсондскія на западѣ обнажены, хотя и кажутся онѣ покрытыми до самой вершины зеленью. Одна изъ нихъ оканчивается плоскою скалой, изъ чего можно заключить, что она состоитъ изъ базальтовыхъ столбовъ, или можетъ быть изъ прямостоящихъ и выходящихъ на поверхность плитъ. Деревья въ лѣсу, въ которой мы въѣхали, вообще уродливы. Посреди сихъ лѣсовъ есть деревня Амидахъ, коей окрестности весьма хорошо воздѣланы. Жители, завидѣвъ насъ издали, вышли къ намъ на встрѣчу; что подало намъ случай замѣтить особенныя черты сихъ горцевъ. Они посредственнаго рос-

шу, губы у нихъ толстыя, а волосы курчавые; но у нѣкоторыхъ длинны и гладки, завязаны пучкомъ на затылкѣ. Женщины съ лица совсѣмъ похожи на мущинъ. Видъ ихъ вообще припомнилъ мнѣ островитянъ Великаго Океана, каковыми описалъ ихъ Кукъ и другіе мореходцы.

Селеніе Гомера (Gomera), оставшееся влѣвѣ отъ насъ, весьма многолюдно и окружается обработанными полями. Дорога продолжается лѣсомъ. Деревья, по мѣрѣ нашего приближенія впередъ увеличивались. Сондра, чрезъ которую мы переѣхали по суху, въ дождливую часть года дѣлается большой рѣкою. Воду достаютъ изъ выкапываемыхъ колодезей въ пескѣ; такимъ же образомъ какъ въ Чундунѣ или Еранабоасѣ. Тамъ, гдѣ мы переѣхали чрезъ Сондру, она течетъ съ востока на западъ; говорятъ, что источникъ оной въ южныхъ горахъ, и что она соединяется съ Тиръ-Махономъ, въ смежности съ Колгонгомъ. Въ ложѣ Сондры мы нашли малые кремнистые кристаллы и разные камешки, свойственные горнымъ потокамъ. Въ 9 часовъ утра остановились въ Потгавунѣ. Гора Баркаупъ лежитъ на западъ отъ сего селенія (7 миль).

Въ лѣсахъ, чрезъ которые мы сего дня проѣзжали, ростутъ плоды *пондериxъ*, похожіе на яблоки; когда они зелены и нѣжны, то ихъ ѣдятъ, какъ картофель; но когда созрѣютъ, то получаютъ горькій вкусъ и ни къ чему не годятся. Въ сихъ же лѣсахъ есть дерево *моли*, приносящее плоды кистями, въ коихъ зерна величиною съ сочевицу: ихъ жарятъ и ѣдятъ. Но таковую пищу употребляютъ только во время неурожая.

21 Декабря. Я отправился въ Баркаупскія горы; ихъ считаютъ 5 и онѣ занимаютъ пространство на 1 квадр. милю. При подошвѣ ихъ находится селеніе того же имени, большое и многолюдное. Горы сіи состоятъ изъ гранита; поверхность же ихъ покрыта неправильно снизу до верху зеленью. Составныя части гранита среднѣй горы суть кварцъ, полевой шпатъ и шерлъ, отъ чего видъ ея мраченъ.

Всходъ на западную сторону представляетъ отлогость по голой скалѣ. Вершина покрыта огромнымъ утесомъ гранита, выдавшимся въ одну сторону. Оттуда съ удовольствіемъ можно видѣть смежныя земли на большое разстояніе. Цѣпь Потсондскихъ горъ остается на сѣверѣ и западѣ, Биза къ югозападу, Бхора отдѣльная гора

на сѣверъ, Мондаръ въ 20 миляхъ къ западу и на ½ къ югу, Боннoгаръ въ 6 миляхъ къ югозападу.

Въ деревнѣ Баркаупѣ недостатокъ воды замѣняется отчасти дождями, выпадающими въ извѣстное время, также рѣчками, кои однако же высоко стоятъ большую часть года. Тогда роютъ колодези въ пескѣ и изъ нихъ достаютъ воду для питья, но ее мало для поливанія земли.

23 Декабря. Выѣхали при восхожденіи солнца. Дорога лежала через лѣса; переѣздъ чрезъ высохшую р. Саппну. Съ правой стороны торчали изъ земли большіе гранитныя камни. Лѣсъ становился гуще. На лѣво гранитныя скалы и поля засѣянныя горчицею. Лѣсъ все становился чаще. Мы примѣтили слѣды (пометъ) дикихъ слоновъ. Среди лѣса, въ тѣсномъ мѣстѣ, встрѣтили отрядъ войска Баркаупскаго Раджи, съ трубами и барабанами, посланный для устрашенія сихъ животныхъ, изъ которыхъ однако же мы ни одного не видали по пути. Переѣхавъ чрезъ рисовыя поля и ручей, въ 8 часовъ утра прибыли мы въ Дхомсане, большое многолюдное селеніе. Оно окружено большими камнями, за которыми видны лѣса, безъ сомнѣнія, скрывающія въ себѣ дикихъ звѣрей (5 миль).

24 Декабря. Отъѣздъ въ путь на разсвѣтѣ. Земля попеременно неплодная и воздѣланная. Переправа чрезъ Берестъ-поллу; а потомъ большой лѣсъ. По выходѣ изъ онаго открывается западной бокъ Раджмогальскихъ горъ, имѣющихъ направленіе съ сѣверовостока на югозападъ. Въ р. Херна-ноллѣ, чрезъ которую мы переѣхали потомъ, немного воды. Берега ея изъ твердаго песку. Въ 8 часовъ вечера прибыли въ деревню Корхараяхъ, большую и населенную (6 миль).

27 Декабря. Мы подались впередъ къ ущелію Джина-Кунда, чрезъ которое проходятъ до западнаго хребта Раджмогальскихъ горъ; дорога идетъ чрезъ лѣсъ, состоящій изъ высокихъ и прямыхъ деревьевъ. Въ немъ разбросаны селенія. Потомъ слѣдуютъ меньшія деревья за большими, и путники останавливаются въ долинѣ близь колодезя прѣсной воды, вырытаго въ пескѣ (4 мили).

Цѣпь горъ, внизу коихъ мы остановились для роздыха, простирается отъ сѣверовостока къ югозападу. Многія изъ нихъ одѣты зеленью, а другія вовсе голы. Кварцовые кристаллы и агаты попадаются изобильно въ кускахъ, гранита же невидно; изъ чего я заключаю,

что сіи горы суть второстепенныя, и чт
первобытныя тѣ, кои мы оставили на зап
дѣ отъ сего мѣста. Люди наши, боясь дики
звѣрей и не слишкомъ довѣряя горнымъ прово
жатымъ, просили насъ не пускаться въ пу
до завтрака. Мы согласились на такое предл
женіе, хотя сіпо больше насъ утомляло.

28 Декабря. Въ 11 часовъ мы начали подн
маться къ ущелью Джита-Кунда. Скоро пото
спустились немного ниже, и перешли чре
малой ручей; далѣе опять надобно было п
ниматься въ верхъ и сквозь одно отверсті
между высотами, увидѣли мы пройденную
ми страну. Тогда мы находились на доволь
большой высотѣ. Верхъ горы казался на
помѣстамъ воздѣланнымъ для *джомераха* и *б*
ты, главныхъ родовъ пищи жителей. Бл
каждаго поля видно по одной хижинѣ, отъ ч
го картина еще занимательнѣе. Въ каждой х
жинѣ живетъ сѣмья для стражи полей ночь
отъ нападенія вепрей и оленей.

Перешедши *джхорну* или ручей, мы прод
жали путь на самую большую высоту го
Въ часъ по полудни прибыли въ Джита-Кун
находящуюся при входѣ въ ущелье. Западн
вѣтръ освѣжилъ насъ во время слѣдованія

сей трудной дорогѣ. Въ полдень холодъ сдѣлался столь чувствителенъ, что плащи были намъ не въ тягость. Нашъ станъ на сей высотѣ господствовалъ надъ большимъ пространствомъ. Джина-Кунди состоитъ только изъ 20 дворовъ. Домы построены по обыкновенію сей страны.—Вмѣсто камня, кирпича или земли, дѣлаютъ изъ тростника очень прочныя цыновки (рогожи); для связыванія же ихъ вмѣсто бечевокъ, употребляется кора древесная, разрѣзываемая полосами, кои потомъ раздѣляются на лыки, сушатся на солнцѣ и свиваются въ веревки. Ими-то скрѣпляется не только плотничная работа, но и кровли изъ соломы. Высота и ширина хижины вообще 9, а длина 13 футовъ; передняя часть поддерживается деревянными столбами и имѣетъ 4 входа (двери). Поперечныя брусья поддерживающія кровлю, обыкновенно покрыты связками соломы джомераха, повѣшенными рядомъ, чтобы хорошо закоптились дымомъ, для предохраненія зеренъ отъ насѣкомыхъ. Пищу варятъ въ углу такой хижины. Сіи домы очень опрятны, выгодны, и гораздо превосходнѣе жилищъ въ долинахъ. Домашнихъ птицъ, свиней и козъ держатъ въ особомъ

отдѣленія (хлѣвѣ). Воду для питья берутъ, обыкновенно женщины, изъ джхорны, которую мы перешли сего дни утромъ.

Женщины у горцевъ ходятъ съ открытою головою. Вмѣсто исподняго платья носятъ онѣ нѣсколько кусковъ холста, заткнутыхъ за поясъ, и одинъ небольшой кусокъ, около шеи сзади, а руки имѣютъ обнаженныя. Онѣ весьма любятъ красной бисеръ, которой виситъ у нихъ на груди въ нѣсколько рядовъ (снурковъ), кромѣ ожерелья около самой шеи. Длинныя свои волосы связываютъ на зади въ пучокъ и украшаютъ шпорами бѣлыхъ пѣтуховъ, какъ птицъ обыкновенныхъ на сихъ высотахъ. Цвѣтъ лица ихъ чорный; у молодыхъ черты довольно пріятны. Старыя же не связываютъ и не умащаютъ своихъ волосъ, которые отъ того склокачиваются и стоятъ дыбомъ. Это, при морщинахъ, дѣлаетъ ихъ весьма дурными. Предъ иностранцами онѣ вообще скромны и робки. Мущины, по видимому, весьма къ нимъ привязаны и оказываютъ знаки ревности, когда подходитъ кто изъ жителей долины. Гхаттваль (старшина) подвелъ къ намъ свою матъ, жену и дочь, чтобы насъ привѣтствовать.

Мы подарили имъ краснаго бисера, коимъ онѣ казались весьма довольными.

29 Декабря. Выѣхали въ 11½ часовъ и съ трудомъ подинмались по крутой дорогѣ на гребень одной цѣпи горъ, по которой тропинка вдоль извивалась сквозь лѣсъ, состоящій изъ деревъ разной величины. Въ лѣвѣ видна была деревня, окруженная полями съ джомсрахомъ, гдѣ работали мущины и женщины; потомъ спускались въ долину, украшенную богатѣйшею зеленью. Косогоры съ обѣихъ сторонъ покрыты были деревьями. Мы ѣхали чрезъ деревню, состоящую изъ полдюжины хижинъ, и чрезъ другую, Террiе-Курихъ, прелестно расположенную въ долинѣ, у самаго того мѣста, гдѣ горы начинаютъ возвышаться постепенно съ каждой стороны. Миновавъ оную, мы опять попали на трудную дорогу, отъ которой на право также есть деревня: большiе стада быковъ паслись на скатѣ горъ. Пробираясь по неровной почвѣ въ 1½ часъ прибыли въ деревню Пупхондахъ, близь малаго водопада. Тамъ замѣтили мы нѣкоторыя почки желѣза, и изъ однаго общаго взгляда на гору заключили, что въ ней должно быть много желѣзной руды.

30 Декабря. Пустились въ путь въ 11½ часовъ, какъ и вчера, и по такой же крутой дорогѣ взбирались на утесъ, покрытый густымъ лѣсомъ. Съ вершины горы видно все пространство сего хребта. Мы продолжали наше путешествіе по плоскости, пробираясь между деревьями разной величины, потомъ спустились по утесистому косогору въ долину, обильную желѣзною рудой. Земля красна и глубока. Горы принимаютъ здѣсь видъ круглѣе видѣнныхъ нами предъ симъ. Онѣ не столь высоки; видъ ихъ приятнѣе, и представляетъ восхитительныя картины. Мы еще спустились въ другую долину. Бока горъ вспаханы. Въ самомъ низу ростутъ большія деревья *сокуасы* и осины. Первое, какъ весьма прочное, употребляется на переводины (брусья половыя), а второе по мягкости его только на доски. Но по причинѣ большой трудности доставать сіи деревья, для плотничной работы онѣ употребляются мало. Земля продолжается красная, показывающая изобиліе въ ней желѣзной руды. Нѣкоторыя частицы оной гладки, а другіе шероховаты. Въ часъ по полудни мы переправились чрезъ Корвари-воллу, которая вытекая

изъ боку скалы, пресѣкаетъ долину. Русло ея неровно, а вода прозрачна. Мы отдыхали на берегу оной близь деревни Мовасы.

31 Декабря. Выѣхали въ 11 часовъ утра. Извивистая дорога чрезъ лѣсъ вышепомянутыхъ деревъ (сокуасовъ и осины), и опять переправа чрезъ Корвари—ноллу. Деревня Мовасъ представилась въ самомъ живописномъ видѣ въ низу Коталь-Погара. Надобно было взбираться на гору и довольно долго проходить по плоскости. Дорога сносная, и продолжается чрезъ лѣсъ. Съ сего мѣста намъ представился удивительный видъ южныхъ горъ: онѣ кажутся высокими и можно различить ихъ три кряжа, имѣющіе направленіе съ сѣверовостока на югозападъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ деревни Котрамана начинается спускъ Сибрисской (Sibrih), весьма утесистой и трудной, по причинѣ множества мелкихъ камней, коими оной усѣянъ. Многія наши вьючныя животныя сдѣлались не въ состояніи тащить свою клажу. Въ самомъ почти низу дорога также неровная, и переправа нашего обоза чрезъ ущелье, отняла много времени, и весьма насъ задержала. Продолжая немного путь чрезъ доли-

ну мы прибыли въ деревню Пери въ 2 часа по полудни. Она на берегу р. Чалаке-Пери-поллы, наполненной шрановыми плитами.

(*Окончаніе впредь.*)

ВОСТОЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Взглядъ на древнее и нынѣшнее состояніе Словесности и Искуствъ въ Персіи.

(*Продолженіе.*)

Гюмъ (*Юменб*) первый истолкователь Собаизма, во время *Джемшида*, оставилъ нѣкоторыя сочиненія, служившія послѣ образцемъ для составленія Зенда-Весты. Сіи сочиненія, состоящія изъ двадцати книгъ, вмѣщали въ себѣ не только молитвословіе Персидскаго вѣроисповѣданія, но даже Исторію Персіи, Астрономію, Врачебное искуство, Законы и Гимны. *Джимаенб*, мудрый Визирь современникъ Зороастра, другъ и покровитель сего послѣдняго, составилъ астрономическія дневныя таблицы.

Въ то же время Зороастръ раскрылъ главныя основанія своего ученія о вѣрѣ, сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Европѣ по переводу *Анкетиля*, и которое тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе всякаго изслѣдователя Исторіи Персидской образованности, что оно не

только содержитъ въ себѣ законы, и историческіе памятники, но показываетъ источникъ, откуда Коранъ и новая Персидская Миѳологія весьма много заимствовали. Рай и адъ (Дузехъ и Гортманъ), источникъ рая (Ардуншуръ у Парѳянъ, Кевплеръ у Персовъ), мостъ разлуки (Тишпевасъ у Парѳянъ, Сиротъ у Персовъ), путеводитель въ вѣчную жизнь (Кедаръ у Парѳянъ, Ширсъ у Персовъ)—всѣ сіи понятія, находящіяся въ ученіи Зороастра, перешли и въ Могаммеданскую религію. Равнымъ образомъ въ піитической Миѳологіи Дивы и Періи, гора Кафъ и птицы Симургъ, Зора или Апахида, играющая на свирѣли во время вечерней звѣзды, и обманчивыя духи Гарутъ и Марутъ, имѣютъ отечествомъ своимъ Индію, гдѣ Деюта (Дивъ) обитаетъ, какъ божество въ храмахъ, птица Симургъ на Кавказѣ, Шукрутъ—геній вечерней звѣзды и Марутъ—геній вѣтровъ, въ воздухѣ, а Гарутъ (Фаруно)—геній водъ, въ волнахъ Океана; даже герои Замъ и Залзеръ кажутся Индійскаго произхожденія.

Средоточіемъ тогдашней образованности былъ городъ Баміанъ, откуда ученость и искуства Индіи распространились по сосѣдству въ Балкѣ, гдѣ въ царствованіе *Куштапа*, уси-

ліями *Сердухса* и *Джамаена* достигли цвѣтущаго состоянія. Въ Баміанѣ возвышались огромныя капища и истуканы. Въ Балхѣ находился славный храмъ, воздвигнутый въ честь огню, окруженный училищами Маговъ. Колоссальные истуканы Баміана донынѣ возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ, и ихъ не могло совершенно истребить самое варварство Могаммеданскихъ завоевателей; еще и нынѣ видны въ Балкѣ слѣды славнаго храма, посвященнаго огню, и тѣхъ зданій, гдѣ нѣкогда были Академіи, раззоренныя въ правленіе Кушнапа, *Ардшаномъ* владѣтелемъ Турана, и построенныя снова вскорѣ послѣ сего несчастнаго случая. Развалины Истахара или Персеполя служатъ еще доселѣ памятникомъ Бактріянскаго искуства. Здѣсь Государи имѣли свою столицу и процвѣтало умственное образованіе, перешедшее изъ Балка, по раззореніи онаго Ардшаномъ, равно какъ въ Сузахъ и Вавилонѣ, гдѣ Цари попеременно имѣли свой Дворъ. Въ Бактріянѣ и сосѣдственной Трансоксіанѣ Науки и Искуства никогда не были чужды; страны лежащія по обѣ стороны Оксуса съ самыхъ древнихъ временъ почита-

лись обиталищемъ оныхъ и ихъ покровителей.

Здѣсь въ обширныхъ городахъ Баміанѣ, Балкѣ, Мервѣ, и Бухарѣ, какъ въ средоточіи просвѣщенія, образовался Парсисъ, или чистѣйшій Персидскій языкъ, названный языкомъ Двора. Онъ сохранилъ сіе наименованіе до первыхъ временъ Исламизма, не смѣшиваясь съ Арабскимъ. Честь образованія сего языка приписываютъ *Бему*, сыну Исфельдіара, который изъ всѣхъ господствующихъ въ то время нарѣчій, предпочелъ Парсисъ, и ввелъ его въ употребленіе при Дворѣ. Впрочемъ въ сѣверныхъ странахъ употреблялся языкъ Пелевійскій, доколѣ Берамгуръ не очистилъ совершенно Персидскаго языка, и не распространилъ во всей Персіи очищеннаго Парсиса, подъ именемъ Деро. Отсюда начинается образованіе новаго Персидскаго языка. *Хозрой-Нуширванъ*, прославившійся любовію къ правосудію, даже и на Западѣ, не менѣе любилъ Науки и Искуства. Онъ послалъ ученаго своего лѣкаря въ Индію, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сей изучилъ шахматную игру и басни *Бидпая*. На Востокѣ было повсемѣстное обыкновеніе, излагать правила нравственности и политики въ видѣ ост-

роумпыхъ Апологовъ и забавныхъ басенъ, которыя въ послѣдствіи перешли въ Грецію, подъ названіемъ Езоповыхъ, и въ Римъ Федровыхъ. И такъ хотя Европейцы и приписали изобрѣтеніе басни Езопу, а Арабы Локману, который подобно Езопу, былъ уродъ и невольникъ; но кажется, что тотъ и другой есть вымышленное лице, подъ которымъ въ Греціи выдавали Апологи, давно уже извѣстные на Востокѣ, гдѣ Поэты и философы, не желая оскорбить величія Царя и честолюбія вельможъ, и страшась проповѣдывать прямую истину излагали оную въ параболахъ, загадкахъ и прикрывали ее живописными изображеніями.

Апологи Бидпая суть драгоцѣнный памятникъ и образецъ сего рода сочиненій. Но такъ какъ сей глубокомысленный философъ и вмѣстѣ остроумнѣйшій Поэтъ былъ Браминъ и жилъ при могущественномъ Царѣ между народомъ Индійскимъ, то вѣроятно, что и сіи басни не суть его собственное произведеніе, а только собраніе изустныхъ преданій, разсѣянныхъ по всему Востоку, которыя онъ приумноживъ различными описаніями и дополнивъ правилами нравственности, привелъ въ порядокъ. Сіи

что Индійскіе басни переведены были *Барзусомъ* Персидскимъ мудрецомъ на Пелевійскій языкъ. Истины, скрытыя подъ покровомъ аллегоріи весьма важны и поучительны, какъ для богачей живущихъ въ позлащенныхъ чертогахъ, такъ и для тѣхъ, которые проводятъ дни свои въ бѣдныхъ хижинахъ. Кажется ни одинъ испытатель человѣческой природы не изобразилъ съ такимъ удивительнымъ искуствомъ картину нравовъ, обыкновеній и переворотовъ, случающихся въ жизни. Визирь *Бизургомидъ* шелъ по слѣдамъ *Барзуса* въ царствованіе Хозроя Парвиса, который блескомъ и пышностію превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ; хотя Исторія и умалчиваетъ объ ученыхъ памятникахъ сего времени, но Искуства достигли тогда высочайшей степени совершенства. Живопись и Ваяніе, Архитектура и Музыка оспоривали другъ у друга первенство, для увеличенія прелестей Двора; залы дворцовыя были наполнены пѣвцами и разскащиками. Храмъ, посвященный огню, гробницы Царей и дворецъ въ Персеполѣ, построенный уже за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ, могли служить образцами изящной Архитектуры и Ваянія. *Нуширванъ* построилъ дворецъ,

коего крѣпкій и смѣлый сводъ дѣлалъ тщетными усилія цѣлыхъ вѣковъ, и коего огромныя стѣны еще и донынѣ омываются волнами Тигра. Онъ также построилъ огромную залу для принятія посланниковъ Китайскаго Императора и Хана Татарскаго; туда же являлись посланники Владыкъ Греціи и Индіи.

(Обѣщано продолженіе.)

АЗІЯТСКІЯ НОВОСТИ и СМѢСЬ.

I.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Портіальскій алмазный рудникъ.

Область, въ которой главный городъ *Портіаль*, содержитъ въ себѣ еще 5 другихъ селеній и принадлежитъ къ Низаму. Она состоитъ во владѣніи Англійской Индійской Компаніи, находится близь береговъ Кришны, смежна съ цѣпью горъ простирающеюся почти отъ сѣвера къ югу, разстояніемъ въ 8 милляхъ на югозападъ отъ Кондапилли, и пресѣкается большею дорогою отъ Мазулипатама въ Гайдерабадъ (16° 39' сѣв. шир. и 80° 46' шир. на востокъ отъ Гринвича). Поверхность земли неровная; почва нижшей части жирная и плодоносная, а верхняя часть каменисша и неплодна. Со времени разрытія рудниковъ, присовокуплено къ названію Портіаля, слово *гунп* (колодезь), по причинѣ близости онаго отъ мѣста добыванія алмазовъ.

Сей рудникъ, кажется, открытъ совсѣмъ нечаянно. Говорятъ, что пастухи, пасшіе свои

стада близъ *Молголлы* (селенія на сѣверовостокъ отъ Кондапилли, принадлежащаго къ Низаму) собрали нѣсколько алмазовъ разсѣянныхъ на поверхности земли, сберегли оные какъ любопытные камешки, и принесли домой для показанія другимъ. Знавшіе имъ цѣну, разсмотрѣвъ оные со вниманіемъ, получили себѣ за бездѣлицу, и потомъ просили пастуховъ указать мѣсто, гдѣ нашли ихъ. Они еще собрали тамъ нѣкоторое количество, и напослѣдокъ всѣ туда обратились. Поверхность земли не могла уже помѣщать множества людей, съ жадностію туда стремившихся; а потому принялись за разработку внутри земли. Выкопали ямы, разсматривали внимательно все попадавшееся на глаза; но сіи попытки не всегда были равно счастливы. По исчерпаніи сей части земли, рудокопы пріобрѣли столь совершенное знаніе о признакахъ, гдѣ находятся сіи сокровища, что слѣдуя за оными достигли по руднымъ жиламъ до Портіаля, Годаватаколы и Устапилли. Первое изъ сихъ двухъ мѣстъ въ 15 миляхъ на югозападъ отъ Портіаля, а второе въ 18 миляхъ на западъ: оба на правомъ берегу Кришны. Кажется, что тамъ сіи богатыя жилы оканчиваются...

Портіальскій рудникъ открытъ за 125 лѣтъ предъ симъ, когда Низамъ Мелкъ-асафъ-джахъ владѣлъ Декканомъ. Земля вообще черна, выключая значительныхъ высотъ, кои здѣсь оканчиваются, и коихъ скатъ весьма отлогъ, или состоитъ изъ камней сѣраго цвѣта. Тамъ-то работаютъ рудокопы или горцы, вызываемые изъ отдаленныхъ предѣловъ сей страны и которые, кажется, одни только умѣютъ угадывать, гдѣ находятся алмазы въ нѣдрахъ земли. Они начинаютъ работу выкапываніемъ ямъ глубиною въ 14-30 футовъ, или пока не встрѣтятъ слоя мелкихъ кремней, смѣшанныхъ съ нѣкоторымъ родомъ минеральной земли, содержащей въ себѣ камни. Цвѣтъ сей земли бываетъ иногда желтой, а иногда красноватой. Она больше или меньше крѣпко прилипаетъ къ алмазу. Вырывъ нѣкоторое количество оной относятъ въ чаны съ водою и мочатъ нѣсколько времени, потомъ мѣшаютъ, пока не разобьются комья, и грубый песокъ не осядетъ на дно. Тогда спускаютъ воду чрезъ кранъ, и наливаютъ свѣжей, повторяя это до тѣхъ поръ, пока все землистое вещество не отмоется и не спустится, и пока не останется лишь песокъ, которой высушивъ разсыпаютъ

на твердой и гладкой поверхности; здѣсь работники безпрестанно мѣшаютъ оный съ величайшимъ пищанісмъ, которые столь искусны въ семъ дѣлѣ, что не даютъ пропасть ни одной алмазной частичкѣ.

Слои въ ямахъ представляютъ много разностей. Первый слой состоитъ изъ черной густой земли почти въ 6 футовъ, потомъ изъ смѣси черной и бѣлой земли, далѣе на 1 футъ изъ нѣкотораго вида глины и бѣлаго рухляка (марганца), за коими слѣдуетъ песокъ разныхъ цвѣтовъ: бѣлой, красной желтой и золотаго цвѣта. Потомъ слой мелкихъ камешковъ разнаго вида, смѣшанныхъ съ сказанною землею, въ которой находятся алмазы. Работники вмѣсто одежды опоясываются только кускомъ холста. Стража и смотрители прилѣжно наблюдаютъ, чтобы они не похищали сихъ камней,

Алмазы находимые въ Портіалѣ имѣютъ разную величину; но вообще мелки, и не тяжелѣе 10-30 каратовъ. Нѣкоторое изъ послѣднихъ не имѣютъ чистой воды. Они слегка бываютъ подернуты желтымъ или красным цвѣтомъ; иногда же попадаются въ черными пятнами, что вѣроятно происходитъ отъ свойства земли.

Низамъ получаетъ 75 на сто со всѣхъ алмазовъ, превосходящихъ вѣсъ 14 или 15 каратовъ, сверхъ пошлины, получаемой съ купцовъ, за людей употребляемыхъ въ сію работу. Когда камень меньше означеннаго вѣса, то принадлежитъ совершенно купцу, или тому, кто снимаетъ на себя разработку.

Первоначально открытый рудникъ былъ разстояніемъ отъ Портіаля на 600 футовъ, и назывался *Дили-Конда* или свѣтомъ мѣста. Отъ сей точки работники продолжали слѣдовать за жилою до 900 фут. къ востоку по берегу ручья, текущаго съ сѣвера на югъ, потомъ они подались къ югу и въ кривомъ направленіи къ западу миновали деревни: Моккалампетъ, Поттеппаудъ, Ауткуръ и Муглуръ.

Теперь рудники оставлены и наполнены землею. Но нѣкоторые изъ ближнихъ жителей продолжаютъ поиски въ отвалахъ земляныхъ, выброшенныхъ изъ ямъ, къ сѣверовостоку отъ Портіаля, гдѣ продолжалась работа болѣе къ востоку. Тамъ находятъ камешки не болѣе булавочной головки и продаютъ вообще по $1\frac{1}{2}$ или по 2 рупіи.

Принимающіе на себя разработку алмазныхъ рудниковъ держатся суевѣрнаго обычая.—Во

время копанія ямы ни одинъ иностранецъ, какогобъ ни былъ званія, не можетъ приближаться на извѣстное разстояніе къ тому мѣсту, гдѣ роютъ, ни пѣшій, ни на лошади, ни въ повозкѣ. Работники не могутъ ступать на сію землю въ обуви (сандаліяхъ). Женщинамъ же всѣмъ вообще, какогобъ возраста ни были, запрещено приближаться къ предѣламъ онаго мѣста, или какимъ нибудь образомъ участвовать въ сей работѣ, хотя бы даже число мущинъ было не достаточно, для успѣшнаго ее производства.

(Изъ N. An. des Voyages.)

Нѣчто о кодоттомовой ткани, употребляемой въ Индіи для письма.

Кодоттомъ, корротомъ или корротъ есть кусокъ бумажной ткани, шириною въ 8 дюймовъ или въ 1 футъ, а длиною отъ 12 до 18 футовъ. Обѣ поверхности оной (лице и изнанка) покрываются составомъ изъ тѣста и толченаго угля. Когда все высохнетъ, тогда складывается ткань на нѣсколько равныхъ частей, не разрѣзывая оной. Къ двумъ концамъ придѣлываются расписанныя (узорами) дере-

вянныя досчечки, покрытыя лакомъ, подобно переплету нашихъ книгъ. Самая книга вкладывается въ шелковой или хлопчатобумажной футляръ, либо завязывается кожаными тесьмами, или лентами. Употребляемыя низшимъ состоянiемъ людей не имѣютъ такихъ украшенiй, а завязываются обыкновенными снурками.

Таковая книга открывается въ одной изъ двухъ оконечностей, и когда она раскрыта и разложена, то представляетъ всю величину ткани. На ней пишутъ также, какъ у насъ на аспидной доскѣ, и точно такимъ же образомъ, какъ съ сихъ досокъ, можно стереть написанное и вновь написать. Для сего употребляютъ грифели изъ Балапумскаго карандаша, или изъ горшечнаго камня.

Симъ способомъ обыкновенно пишутъ не только судныя дѣла и частныя сдѣлки, но большiе и малые купеческiе счеты. Повелѣнiя съ надлежащими признаками подлинности, записанныя на кодоттомѣ, принимаются въ судѣ и по нимъ дѣлается исполненiе.

Напрасно кодоттомъ смѣшиваютъ съ пальмовыми листьями. Типпо-Саибъ запретилъ употреблять кодоттомы для счетовъ о государ-

ственныхъ доходахъ. Впрочемъ хотя и можно стереть написанное на нихъ, отъ чего легко дѣлать подлоги; но при всемъ томъ вещество сіе гораздо лучше употребляемой въ Индіи бумаги и изображенныя на немъ буквы прочнѣе, исключая только мѣдь и камень. Вѣроятно, что на кодотптомѣ писали древніе Индійцы, и не иное что есть та льняная, или хлопчатобумажная ткань, которую описываетъ Арріанъ, заимствовавшій извѣстіе объ ней изъ Неарха.

(Изъ N. An. des Voyages.)

II.

Критика.

Замѣчанія на статью, напечатанную въ 21 и 22 книжкахъ *Московскаго Телеграфа* на 1825 годъ, подъ названіемъ: *Статистико-Финансовая картина Сибири въ* 1698-1700 *годахъ.*

Не льзя не порадоваться, что послѣ долгаго промежутка, нынѣ столь часто начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ статьи, относящіяся до Сибири и другихъ странъ Азіи. Между сими статьями, болѣе или менѣе любопытными, напечатанная въ *Московскомъ Телеграфѣ* въ концѣ прошлаго года, подъ названіемъ: *Статистико-Финансовая картина Сибири въ* 1698-1700 *годахъ,* заслуживаетъ особенное вниманіе, представляя свѣдѣнія того времени о денежной подати, мягкой рухляди, десятинномъ и таможенномъ сборахъ, продажѣ вина, приходѣ и расходѣ хлѣба и соли въ отдаленномъ Сибирскомъ краю. Она имѣла бы еще болѣе достоинства, если бы сообщенныя въ ней свѣдѣнія обнимали *всѣ* Сибирскіе города и изображали *вполнѣ* принятые въ исчисленіе три года. Но надобно сказать, что и теперь при всѣхъ средствахъ и

заботливости Правительства, собраніе достовѣрныхъ и полныхъ свѣдѣній о предметахъ Статистики, по великой обширности Сибирскаго края, подлежитъ еще не малому затрудненію.

Не имѣя возможности повѣрить правильности сообщенныхъ въ сей статьѣ свѣдѣній сколько по отдаленности времени, къ которому оныя относятся, столько же и по недостатку служащихъ къ тому матеріаловъ, я намѣренъ однако же здѣсь приобщить съ своей стороны нѣсколько замѣчаній, въ искреннемъ желаніи споспѣшествовать полезной цѣли почтеннаго Сочинителя (*).

Кн. 21, Стр. 46. *Горсть казаковъ вторгшись въ Иртышскую область, проложила путь въ Зауральскія страны.*

Изъ сего можно заключить, что козаки прежде вторглись въ Иртышскую область, потомъ уже въ Зауральскія страны, между тѣмъ какъ сіе было на оборотъ.

(*) Косыми буквами напечатаны его слова, а подъ ними мои замѣчанія. С.

Стр. та же. *Въ 1656 (построены) Иркутскъ, Нерчинскъ и Албазинъ. Послѣдній, чрезъ 30 лѣтъ, раззорили Китайцы.*

Въ 1652 году сынъ-боярскимъ Иваномъ Похабовымъ построена была хижина (зимовье) при устьѣ рѣчки Иркута, почитаемая первымъ основаніемъ Иркутска; въ 1661, по приказанію Воеводы Ржевскаго, тамъ же приведенъ имъ въ совершенство острогъ (Сиб. Исторія Фишера стр. 557), наименованый въ 1682 году городомъ. Нерчинской же острогъ застроенъ былъ первоначально при устьѣ рѣчки Нерчи въ 1653 и 1658 годахъ (тамъ же стр. 567 и 626); а послѣ того перенесенъ на другое мѣсто и названъ городомъ. Хотя Ленскій промышленникъ Ерофей Хабаровъ съ товарищами въ 1650 году зимовалъ уже въ Албазинѣ (тамъ же стр. 588), но въ Даурской крѣпости; Русскіе же построили тамъ острогъ не прежде 1658 года (тамъ же стр. 626), который потомъ наименованъ городомъ и въ 1689 году, по силѣ Трактата, раззоренъ Китайцами.

Стр. та же. *Около 1593 (1693) Атласовъ проникъ въ Камчатку.*

Вотъ, что говоритъ о семъ Крашенинниковъ въ своемъ *Описаніи земли Камчатки:*

„Атласовъ, взявъ съ собою 60 человѣкъ служивыхъ, да такожъ число Юкагарей, а въ Анадырскомъ оставя 38 человѣкъ служивыхъ, отправился въ 7205 году послѣ ясачнаго сбору на Камчатку, и въ томъ походѣ склонилъ онъ ласкою къ ясачному платежу Акланской, Каменной и Устьталовской (Камчатскіе) острожки, да одинъ боемъ взялъ. (См. Собр. Учен. Пут. по Россіи Т. II, стр. 329). И такъ, слѣдуя сему, козачей пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ проникъ въ Камчатку въ 1697 году.

Стр. 47. *Сибирской Приказъ учрежденъ въ 1637 году. До того Сибирью вѣдалъ Приказъ Казанскаго дворца.*

Когда еще Сибирь почиталась новоприобрѣтенною землею, въ то время завѣдывалъ сю *Посольской четвертной Приказъ*: „А что у Воеводы у Князя Андрѣя Елецкаго Государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ, и наряду и всякихъ пушечныхъ запасовъ возьмутъ, и Воеводѣ Князю Ѳедору съ товарищи о томъ о всемъ отписати, и роспись прислати къ Государю въ Москвѣ въ Посольской четвертной Приказъ.“

(См. Грамоту 7103 (1595) Фев. 10 въ Опис. Сиб. Цар. Миллера на стр. 226 и 227). Послѣ того сдѣлалась Сибирь подсудна *Приказу Казанскаго и Мещерскаго дворца*: „А какъ тое дорогу вычистятъ, и мосты намостятъ, и вы бъ о томъ отписали къ Намъ къ Москвѣ, и велѣли отписку отдать въ Казанскомъ и въ Мещерскомъ дворцѣ." (См. Грамоту 7107 (1599) Апр. 22 тамъ же на стр. 265). Наконецъ въ 7145 (1637) году, по причинѣ умноженія Сибирскихъ дѣлъ и для распродажи товаровъ, ясакомъ и отъ десятинной подати поступающихъ, учрежденъ *Сибирской Приказъ*, существовавшій до 1763 года.

Стр. 48. *Въ Красноярскѣ дѣлали порохъ и курили вино.*

Если въ Красноярскѣ дѣлали порохъ, то почему столь нужное для Сибири заведеніе не могло тамъ остаться? Ибо извѣстно, что потребный казнѣ для Сибирскихъ Горныхъ заводовъ и войскъ, равно и частнымъ людямъ для звѣриныхъ промысловъ, порохъ, въ немаломъ количествѣ, получается туда изъ Казани, съ употребленіемъ на перевозку онаго весьма значительныхъ расходовъ.

Стр. та же. *Нарымъ имѣлъ винокурню.*

Въ Нарымѣ, по сѣверному положенію его и болотистой почвѣ, не родится никакой хлѣбъ, и для продовольствія самыхъ жителей доставляется оной водою изъ другихъ хлѣбородныхъ мѣстъ; а потому, кажется, не совмѣстно быть тамъ винокуренію. Удобнѣе привозить туда вино, какъ нынѣ дѣлается, нежели хлѣбъ для куренія онаго.

Стр. 50. *Рыбья кость. Такъ назывались зубы морскихъ единороговъ, употребляемые токарями.*

Подъ названіемъ *рыбьей кости* извѣстны въ Сибири зубы, не *морскихъ единороговъ* (Monodon monoceros), о промыслѣ коихъ совсѣмъ тамъ не слышно; но *моржей* (Trichechus rosmarus). Моржовые зубы, по бѣлизнѣ и твердости, предпочитаются въ Сибири *мамонтовой кости*, которая въ подѣлкахъ скоро желтѣетъ. Цѣна сихъ зубовъ зависитъ отъ величины и вѣса ихъ. Самые дорогіе тѣ, коихъ идетъ два въ пудъ, но такіе зубы очень рѣдки. Обыкновенные отъ 4 до 8 въ пудъ, которые отъ сего и въ продажѣ получаютъ названіе рыбьей кости

четверной, *пятерной* и проч. 1806 года въ сѣверозападной Сибири три зуба, вѣсомъ въ одинъ пудъ, покупались на товаръ по 30 рублей.

Кн. 22, стр. 139. *О бакчахъ чая* сказано, что *мѣра и вѣсъ* оныхъ *неизвѣстны*.

Чай привозятъ въ Сибирь Китайцы въ *мѣстахъ* или *цибикахъ*, сплетенныхъ изъ простника и свинцомъ выложенныхъ, въ небольшихъ *ящикахъ* и въ *бакчахъ* или пакетахъ. Въ каждомъ цибикѣ бываетъ вѣсу по 2½ пуда, въ ящикѣ по фунту и болѣе, а въ бакчѣ или бакшѣ около одного Китайскаго гина, составляющаго 1¼ ф. нашего вѣса.

Г. С.

АЗІЯТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

МАРТЪ, 1826.

НАУКИ и ИСКУСТВА.

О древнемъ Христіанскомъ Памятникѣ, открытомъ въ Китаѣ 1625 года.

(*Окончаніе.*)

Кромѣ предъидущей Китайской надписи, занимающей самую большую часть камня, по краямъ и съ низу онаго, начертаны еще другія на Китайскомъ и Сирійскомъ языкахъ. Оныя почти всѣ представляютъ имена и званія разныхъ лицъ, подвизавшихся въ Китаѣ для пользы Христіанской вѣры. Одна только Сирійская надпись, находящаяся подъ означенною Китайскою, по свидѣтельству О. Кирхера, имѣетъ слѣдующее содержаніе:

„Въ лѣто тысяща девяносто второе, по Греческому счисленію, Издбузаидъ священникъ и викарій Епископа Кумбдама столичнаго града восточнаго царства Милисъ священникъ и

Балагъ града Тагурстана (Туркестана) воздвигнулъ камень сей Папа (1) и изобразилъ на немъ служеніе (administratio) Спасителя нашего и проповѣданіе Отцевъ нашихъ у Китайскихъ Государей." Подъ надписью же начертаны слѣдующія имена и званія,—по Китайски: „Священникъ Линъ-бао;"—по Сирійски: „Адамъ діаконъ сынъ Издбузаида викарій Епископа; Марсаргисъ священникъ и викарій Епископа; Сабаръ Іисусъ (надежда Іисуса) священникъ; Гавріилъ священникъ и архидіаконъ Глава (церквей) города Кумбдама и Дизрага."—Опять по Китайски: „Елій, Божіею милостію Епископъ, имѣющій жалованную мантію, предсѣдатель въ судилищѣ жертвоприношеній и помощникъ главнаго испытателя ученыхъ." Сверхъ сего по обѣимъ сторонамъ большой Китайской надписи съ низу находятся еще двѣ строки Сирійскаго письма—съ правой: „Адамъ діаконъ викарій Епископа Папскаго въ Китаѣ—съ лѣвой: „во дни Отца Отцевъ Іоанна Іисуса (Ананіешуа) каѳолическаго Патріарха."

Изъ первой Сирійской надписи между прочимъ явствуетъ, что назначеніе года въ ней не сходно съ Китайскою; ибо въ сей послѣдней сказано:

(1) Сиріяне называли Папами священниковъ и другихъ духовныхъ. С.

По Латинскому переводу у Кирхера.

„In nostro Potentatatu magni *Tam* (scilicet Regis) anno secundo hujus *Kien cium* (qui erat annus Domini 782) mense autumni, septima die (die Dominica) exaltatus fuit hic lapis, Episcopo *Nim ciu* Ecclesiam Sinensem administrante."

По Русскому переводу Г. Липовцова.

„Великой Танской династіи царствованія Цзянъ—джунъ 2 лѣта (781) въ годъ бѣловатой курицы, первой луны въ день Да-іо-шень-вынь-жи, который былъ недѣльный, поставленъ сей памятникъ при Первосвященникѣ Нинъ-Шу, управляющемъ Христіанскою Церковію на востокѣ."

Слѣдовательно по Китайской надписи сооруженъ сей памятникъ 782, или какъ назначаетъ Г. Липовцовъ (на основаніи хронологическихъ таблицъ Китайскихъ Государей, изданныхъ по повелѣнію Богдо-Хана Цянь-Луна) въ 781 году, а по Сирійской въ 1092 году; разность между тѣмъ и другимъ показаніемъ составляетъ 310 лѣтъ.

Въ разрѣшеніе сего несходства О. Кирхеръ говоритъ слѣдующее: „Упомянутые вѣропроповѣдники, по обыкновенію своему, означили камень двоякаго рода счисленіемъ: церковнымъ отъ Ро-

ждества Христова, употребляемымъ нѣкогда Христіанами въ Китаѣ и политическимъ или гражданскимъ, общимъ у Сиріянъ, Халдеевъ, Арабовъ, Египтянъ и почти на всемъ Востокѣ (1). Для лучшаго разумѣнія сего должно замѣтить, что годы Греческаго Царства, о коихъ упомянуто въ книгахъ Маккавейскихъ суть тѣ же, которые отъ Халдеевъ названы Селевкійскими, Сирійско-Греческими, или Сирійско-Македонскими; у Евреевъ *годами договоровъ*; у Египтянъ Александрійскими, считаемыми отъ смерти Александра; у Арабовъ *джуль-карнаинъ* т. е. Александра двурогаго, названнаго такъ, по мнѣнію *Христманна*, отъ покоренныхъ имъ концевъ (роговъ) міра, восточнаго и западнаго или, какъ я съ вѣроятностію заключаю, отъ Юпитера Аммона овнообразнаго, коего онъ именовалъ себя сыномъ, или отъ того козла, съ которымъ сравнивалъ его Пророкъ Даніилъ; наконецъ годами Филиппа, называемаго *Тарихъ-алкупти и Албитегніемъ*. Сія Епоха начи-

(1) Ошибочно О. Кирхеръ думаетъ, что на камнѣ находится означеніе времени церковное; ибо въ Китайской надписи, какъ мы видѣли, показанъ только годъ царствованія Богдо-Хана, равняющійся по заключенію переводчиковъ 780 или 781 году отъ Р. Х., а въ Сирійской одно Греческое лѣтосчисленіе. *С.*

настся спустя 12 лѣтъ по смерти Александра, какъ Св. Іеронимъ замѣчаетъ въ толкованіи изъ Евсевія на 9 главу Даніила; коему послѣдуютъ *Рибера*, *Торніелль* и другіе. Хотя до Юлія Кесаря сіи годы, по видимому, имѣли иное счисленіе, и дни мѣсяцевъ начиналисъ отъ календъ 1 Октября. Названія же ихъ были Греческія или Сирійско-Халдейскія, сходныя въ образованіи и количествѣ съ Юліанскимъ годомъ, исключая то, что прибавочный день (dies intercularis) въ семъ счисленіи присовокупляется въ концѣ мѣсяца *Савата*, соотвѣтствующаго нашему Февралю.

„Изъ сего должно заключить, что согласно съ мнѣніемъ Евсевія, Скалигера и другихъ, Греческое Царство началось за 310 лѣтъ до Р. Х. т. е. во 117 Олимпіадѣ по Александрійской Хроникѣ. Ибо извѣстно, что Александръ Великій умеръ въ томъ году, когда начинается 114 Олимпіада, въ послѣднихъ дняхъ мѣсяца *Гекатомвеона*, какъ пишетъ Плутархъ, за 322 года до Р. Х. Посему разность между началомъ лѣтъ Царства Греческаго и исходомъ лѣтъ предъ Р. Х. составляетъ 310 лѣтъ такъ, что на первый годъ отъ Р. Х. приходитъ 113 годъ Царства Греческаго. Отсюда слѣ-

дуетъ, что если къ данному году отъ Р. Х. присоединить 310, то выйдетъ Александрійскій годъ, начинающійся въ последнемъ годѣ до Р. Х.; а если изъ числа Александрійскихъ годовъ вычесть 310, то останется годъ до Р. Х., въ коемъ оный Александрійскій начинается. Если же Александрійскій годъ вычесть изъ 310, то остальное число покажетъ годъ до Р. Х., въ коемъ начинается Греческій годъ, или когда было начало Александрійской Еры, называемой у Арабовъ и Египтянъ *Тарихъ джуль — Карнаинъ*. Такимъ образомъ, если изъ Александрійскаго или Греческаго года 1092, изображеннаго на камнѣ по Сирійски, вычесть число 310, составляющее разность между Христіанскимъ и Александрійскимъ годами, то останется 782 годъ отъ Р. Х., также изображенный на камнѣ Китайскими знаками и соотвѣтствующій Сирско-Греческому или Александрійскому году. Здѣсь слѣдуетъ повѣрка сего лѣтосчисленія:

А. Александръ Великій умеръ, по свидѣтельству Плутарха, во 114 Олимпіадѣ.

В. По смерти его спустя 12 лѣтъ, по свидѣтельству Св. Іеронима, начинается Ера Александрійская, т. е. во 117 Олимпіадѣ.

C. Інсусъ Христосъ родился въ 3 году исключительно т. е. 194 Олимпіады.

D. Камень воздвигнутъ во 1092 по Александрійскому счисленію и въ 782 году отъ Р. Х.

„Теперь вычтя число B изъ числа C получится разность оныхъ Олимпіадъ, т. е. 77, каковое число умноживъ на 4 года, составляющіе одну Олимпіаду, выйдетъ 308 лѣтъ, къ коимъ приложа 2 года (изъ Олимпіады, когда родился Інсусъ Христосъ) будетъ 310; сіи же вычтя изъ 1092, будетъ число D, т. е. 782 годъ отъ Р. Х., въ коемъ воздвигнутъ сей памятникъ. Итакъ не напрасно назначено было на камнѣ двоякаго рода лѣтосчисленіе; ибо для иноземцевъ незнавшихъ лѣтъ отъ Р. Х. могли служить годы Александрійскіе.“

Наконецъ для точнѣйшаго познанія описаннаго древняго памятника Христіанства и могущихъ быть дальнѣйшихъ изысканій, почитаю нужнымъ присовокупить здѣсь и всѣ прочія начертанныя на немъ имена и званія духовныхъ лицъ, слѣдуя въ назначеніи изображенныхъ Сирійскими буквами О. Кирхеру, а по Китайски Г. Липовцову, и держась того

самаго порядка, въ какомъ оныя представлены на гравированномъ изображеніи, съ лѣвой стороны главной Китайской надписи.

Сирійскія.	Китайскія.
	Отдѣленіе I.
	Священники (1):
Маръ Югановъ Епископъ	Луй вей Цзюй синь
Священники:	Вынь джень
Исаакъ	Вынь Мынъ
Іадъ	Чжао де
Магепъ	Хо юань
Георгій	Жень хой
Магада Гунесфъ	Сюянь джень
Машададъ	Минъ цинь
Андрей	Ліи цзянь
Андрей	Юй де
Давидъ	Юянь и
Моисей	Цянь ю

(1) Надъ каждымъ изъ слѣдующихъ именъ поставлено Китайское слово *сенъ*, означающее и священника и вообще духовнаго. *С.*

Отдѣленіе II.

Исаакъ священникъ	Священники:
Илія священникъ	Хой шунъ
Моисей священникъ	Чженъ хо
Абадъ Іисусъ (слуга Іисусовъ)	Чунъ цзяо
Симеонъ священникъ	

Отдѣленіе III.

Ааронъ	Фу шеу
Петръ	Генъ ліень
Іовъ	Бао да
Лука	Ень минь
Матѳей	Хо цзя
Іоаннъ	Гуанъ цинъ
Сабаръ Іисусъ (надежда Іисуса)	Дунъ юей
Іесуададъ	Жи цзинь
Лука	Первосвященникъ Яо
Константинъ	Лунь
Ной	

Отдѣленіе IV.

	Священники:
Атдасфа	Шеу ло ке
Іоаннъ	Вынь шунь

Анузо	Си чжой
Марсаргисъ	И лй
Исаакъ	Чунь хо и
Симеонъ	Інъ де
Исаакъ	Сюй де
Іоилъ	Сюй шеу
	Хоань шинъ
	Цзинъ чжень

Отдѣленіе V.

Іаковъ священникъ	Священники:
Марсаргисъ священникъ и викарій Епископа	Ней дынъ
	Ла чженъ
Аггей священникъ архидіаконъ города Кундена.	Хо минъ
	Ли бень
	Фа вей
Священники;	Лей шянь
Павелъ	Бао линъ
Симеонъ	Ло сае дзюй мо
Адамъ	
Илія	
Исаакъ	
Іоаннъ	
Іоаннъ	
Симеонъ	

Отдѣленіе VI.

Іаковъ священникъ	Сюань линь
Абадъ Іисусъ I. Слуга	Гунъ чжеу
Христовъ священникъ	Священники;
Іезуададъ священникъ	Минъ и
Іаковъ	Бао го
Іоаннъ	Чжи ту
Субхольмаранъ I. Хва-	Цинь цзи
ла Господу нашему	Ли юнъ
Маръ Іосифъ	Юань бао
Симеонъ	Фынъ чжень
Ефремъ	Чжи де
Ананій	Хо гуанъ
Киріакъ	Гунъ фу
Кусъ	Да хо
Аміунъ	Чунъ де
Гавріилъ	Де юй
Іоаннъ	Цюй шень
Симеонъ	Гуанъ де
Исаакъ	
Іоаннъ	

Въ семъ заключаются свѣдѣнія, служащія для объясненія открытаго въ Китаѣ древняго памятника Христіанства, весьма важнаго въ отношеніи къ Исторіи церковной, и могущаго

содѣйствовать къ разрѣшенію многихъ темныхъ вопросовъ касательно Востока, произведшихъ столько умствованій ложныхъ и тѣмъ болѣе предосудительныхъ для распространителей таковыхъ умствованій, что они носили имя Христіанъ. Памятникъ сей, какъ справедливо говоритъ О. Кирхеръ, достоинъ уваженія и потому еще, что на столь маломъ пространствѣ, какое имѣетъ представляющій оный камень, вмѣщаетъ такое великое множество предметовъ. Безъ существованія его не знали бы мы, что Христіанская вѣра болѣе нежели за тысячу лѣтъ предъ симъ введена была уже въ Китаѣ, и вѣроятно въ другихъ тамошнихъ странахъ; равно и о томъ, съ какимъ почтеніемъ и торжествомъ принята была сія спасительная вѣра и проповѣдники ея Китайскими Государями, въ какихъ областяхъ и сколь далеко распространилась и какія напослѣдокъ претерпѣла гоненія; ибо сомнительно, что бы можно было найти о сихъ предметахъ какія-либо указанія въ Китайскихъ писателяхъ, которые, по приверженности своей къ стариннымъ обычаямъ, о всякихъ нововведеніяхъ извнѣ приходящихъ, сколько ни былибъ оныя для нихъ важны и полезны, наблюдаютъ большею частію глубокое молчаніе. *Г. Спасскій.*

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествіе В. Франклина по Раджмогальскимъ горамъ въ Декабрѣ 1820 и Январѣ 1821 года.

(*Окончаніе.*)

1821 Января 1. Отправились въ путь въ 11 часовъ по дорогѣ, изгибающейся вокругъ горы чрезъ густой лѣсъ, болѣе сухой; перешедъ ущеліе между двумя горами, спустились въ долину. На востокъ представилась цѣпь горъ, простирающаяся съ сѣверовостока на югозападъ. Одна изъ нихъ имѣетъ видъ сахарной головы или кегли, и составляетъ самой примѣтной предметъ въ сей картинѣ; другая похожа на Эннесовъ гробъ, въ Троянской долинѣ, т. е. на обращенную внизъ кеглю. Она при основаніи своемъ и въ срединѣ обнаженна, а верхъ ея покрытъ купами уродливыхъ деревьевъ. Дорога продолжается чрезъ лѣсъ, наполненный такими же деревьями. Наконецъ показываются *секуасы* и *оссины*, вышиною въ 40-50 футовъ. Переправа чрезъ Сонди-ноллу; дорога излучиста; лѣсъ постепенно гуще и путь чрезъ не-

го затруднительнѣе. По счастію, гхатвалъ догадался послать впередъ нѣсколько человѣкъ съ топорами, которые расчистили дорогу. Другіе били въ барабанъ для устрашенія дикихъ звѣрей, безъ сомнѣнія наполняющихъ лѣсъ; ибо мы видѣли и сего утра слѣды слона. Въ 5 часовъ по полудни мы прибыли въ деревню Бабпуръ-Червасъ, на берегу Джемпи-ноллы.

3 *Января*. Выступили въ обыкновенное время. Переправа чрезъ Модари-ноллу была трудна. Берега ея круты, русло тиноватое и топкое; вода не очень глубока. Безъ помощи гхатвала мы не могли бы имѣть успѣха. Потомъ вошли въ лѣсъ и прибыли къ ущелью Кахарвахскому (Kaharvah): горы съ обѣихъ сторонъ засѣяны джомерахомъ; видно было нѣсколько разбросанныхъ деревень. Съ высоты открылась вся страна. Вершины сихъ горъ кругловаты и видъ ихъ измѣняется отъ пестроты разной зелени. На сѣверозападѣ видна цѣпь Идрапурская, въ растояніи почти на 9 миль, а за нею пространная равнина, отъ джанглей нижней земли кажущаяся безпредѣльнымъ лѣсомъ. Мы взбирались съ великимъ трудомъ на другую почти отвѣсную высоту. Дорога покрыта была безчисленнымъ множествомъ камней, а осо-

бливо полосатыми кремнями (silex), изъ коихъ многіе имѣли пустоты, наполненныя друзами (щетками). Мы взошли на нарочитую высоту и смотря оттуда любовались видомъ окружающихъ насъ горъ. Деревня Кугурахъ, находящаяся на сей плоскости, заслонена деревьями. Въ ней мало воды, и та не хороша. Послѣ столь изнурительнаго пути наши люди не могли утолить жажды своей, особливо бывъ принуждены карабкаться отъ послѣдняго ущелья. Они бы охотно отдохнули, но поискавъ напрасно воды рѣшились, при всей своей усталости, продолжать путь.

Постепенно спускаясь внизъ, мы достигли до ущелья Кугурахъ, которое столь же круто, какъ и предъидущее, такъ что можно сломить себѣ шею отъ паденія. По причинѣ прежней усталости, люди наши, отъ сего новаго труда совершенно истощились. Я видѣлъ возлѣ дороги на поляхъ созрѣвшій джомерахъ. Поселяне жали его. Мы еще продолжали нѣсколько времени нашъ путь также, то спускаясь, то поднимаясь по красной землѣ. Дорога шла внизъ. Иногда встрѣчались намъ на горахъ бамбукъ, а на поляхъ джомерахъ. Въ 3½ часа мы достигли до восточной стороны цѣпи горъ, и

увидѣли нижнюю равнину. Продолжая постепенно спускаться вдоль по отлогости, чрезъ часъ прибыли въ деревню Домберахъ. Тамъ достали воды изъ родника, безпрестанно текущаго въ недальнемъ разстояніи и понемногу. Водоемъ, въ который она стекаетъ, тотчасъ опорожняется скотомъ, пригоняемымъ туда на водопой. Наши люди терпѣливо ждали пока оный наполнялся.

5 Января. Выступили въ 10½ часовъ и продолжали путь чрезъ долину, попеременно то восходя, то внизъ спускаясь. Отверстіе между горами открыло намъ ниже насъ равнину и вдали величественное теченіе Гангеса. Мы обыкновено наклонялись, при переходѣ чрезъ лѣсъ; иногда примѣчали воздѣланныя поля и хижины, представлявшія веселой и живописной видъ. Послѣ многихъ безпокойствъ прибыли на долину въ полдень. Съ 1 дня сего мѣсяца мы безпрестанно ходили по горамъ, или спускались въ долины. Въ 1½ часъ по полудни прошли мимо отдѣльныхъ горъ Тинъ-Погара; а въ 2 часа расположились отдыхать въ Катъ-Голѣ, окончивъ такимъ образомъ любопытное путешествіе по симъ горамъ.

6 Января. Выѣхавъ въ 11 часовъ продолжали путь, то чрезъ поля засѣянныя рисомъ, то среди обильныхъ травою джанглей (луговъ). Тинъ-Погарскія горы были у насъ на западѣ, а горы изъ коихъ мы вышли и потоки на юговостокѣ. Прошедши Раджмогальскія равнины, замѣчательныя по хорошему воздѣланію оныхъ, и деревню Наутпуръ, мы достигли до Ногосси-Багха, въ разстояніи 2 миль отъ города Раджмогала.

Горы пройденныя нами, состоятъ изъ трехъ отдѣльныхъ отраслей: послѣднія вѣтви съ каждой стороны весьма утесисты, почти неприступны и увѣнчаны гребнями; а средняя цѣпь ихъ гораздо ниже, верхи имѣетъ плоскія и кругловатыя; всѣ онѣ, кажется, состоятъ наиболѣе изъ трапа, представляющаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разныя степени измѣненія. Дороги были почти вездѣ усѣяны охрусталованными отломками халцедона и кремня (silex), въ другихъ наложены были съ поверхности кварцовые кристаллы. Въ прочихъ же пустоты наполнены друзами (щетками) или роговымъ камнемъ, коихъ внутренняя часть была обнажена. Горы сіи вообще одѣты зеленью, нѣкоторыя съ самаго низу до верху. Всѣ долины кажутся плодоносными; почва зе-

мли жирна, глубока и хорошо увлажнена; но нигдѣ не вспахивается. Разнообразные, величественные и живописные виды весьма много содѣйствовали къ уменьшенію трудовъ и недостатковъ, коимъ естественно подвергались мы посреди племени столь же бѣднаго, какъ и самые жители.

Проведши многіе дни въ сосѣдствѣ Раджмогаля, употребленные для посѣщенія джахирдаровъ инвалидныхъ въ Сонгрампурѣ, Аудъ Моллѣ и проч., которые всѣ были въ хорошемъ состояніи, мы возвратились въ Багольпуръ по большой дорогѣ, и я прибылъ домой 23 Января. Надобно полагать, что все наше путешествіе отъ Джита-Кунди-Гхата до Катъ-Голы, составляетъ около 36 миль по прямой чертѣ. Не имѣвъ при себѣ шагомѣра (одометра), я не могъ въ точности замѣтить пройденнаго нами пространства; вообще же путь нашъ былъ по направленію отъ югозапада къ сѣверовостоку.

Отъ быстраго моего обозрѣнія сихъ горъ, конечно не льзя ожидать, чтобы я могъ собрать объ нихъ подробныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что никто изъ нашего общества не разумѣлъ нарѣчія горцевъ, которое, кажется, у нихъ особенное. Однако же съ помощію Ин-

[ин]достанскаго языка, коимъ говорили нѣкоторые начальники въ горахъ, намъ сопутствовавшие, я получилъ разныя извѣстія объ ихъ нравахъ и обычаяхъ.

Многіе думаютъ, что сіи горцы происхожденія Бенгальскаго, другіе напротивъ, что они Индѣйцы, не принадлежащіе къ кастѣ, и составившіе изъ себя особенное независимое общество. Какъ бы то ни было я замѣчу мимоходомъ, что у нихъ нѣтъ письменнаго языка, и въ продолженіе моего здѣсь прибыванія не замѣчено мною никакого памятника, относящагося къ ихъ вѣрѣ, или другаго знака, могущаго показать ихъ происхожденіе.

Знаменитый соотечественникъ нашъ Гиббонъ сказалъ, что дикая жизнь весьма близка къ состоянію скотовъ, однако же сіе замѣчаніе можетъ быть приличнѣе отнести къ Скиѳамъ, о коихъ онъ пишетъ, и къ жителямъ безпредѣльныхъ пустынь Татаріи, нежели къ гористымъ странамъ Индостана.

Люди принадлежащіе къ сильнымъ поколѣніямъ, живущимъ въ Раджмогольскихъ горахъ, обитаютъ тамъ постоянно, исключая не многихъ, которые иногда принуждены переходить на нижнія земли, или на берега Гангеса, для при-

обрѣтенія себѣ жизненныхъ припасовъ и одѣянія, коихъ не могутъ доставить имъ съ сѣмействами горы; нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ число воиновъ, составляющихъ сословіе горныхъ стрѣлковъ въ Багольпурѣ.

Сей народъ, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ языческому ученію о многобожіи, господствующему въ великой части Азіи, и вѣроятно еще присовокупилъ къ суевѣрію предковъ своихъ нѣкоторые обряды Брамизма; все это отзывается величайшею грубостію. Главнѣйшія божества (девтахи) почитаемые ими суть: *Дхирни*, *Лилахъ*, *Тукеари*, *Рокишидеви*, *Бондри*; они приносятъ въ *пуджагъ* или жертву: первому варенныя хлѣбныя зерна и закалаютъ въ честь ему буйвола; второму также варевое хлѣбное и притомъ козъ, пѣтуховъ и *потъеси*, родъ напитка; прочимъ же свиней, пѣтуховъ и хлѣбное. Жертвы въ честь первымъ тремъ богамъ приносятъ въ Ноябрѣ, а другимъ въ каждомъ изъ слѣдующихъ мѣсяцевъ, одному послѣ другаго.

Однажды мы были свидѣтелями такого жертвоприношенія называемаго пуджагъ. Сперва разчищаютъ небольшое пространство земли и окропляютъ оное водою; потомъ разбрасываютъ на немъ хлѣбныя зерна. Въ про-

должение сего обряда глаза всѣхъ присутствующихъ обращены бываютъ къ солнцу, которое у сего народа почитается верховнымъ Творцемъ вселенной, и громко произносятъ молитвы съ воздѣтыми въ верхъ руками. Послѣ приводятъ животное назначенное въ жертву. Одинъ человѣкъ держитъ оное за заднія ноги. Гхатвалъ беретъ воду или сокъ (liqueur), либо то и другое вмѣстѣ и обмываетъ переднюю часть головы и грудь животнаго, читая молитвы. Съ одного раза онъ отсѣкаетъ ему голову, и придерживая животное за заднія ноги, даетъ стечь крови, на то мѣсто, гдѣ разсѣяны сѣмена. Далѣе обтираетъ ножъ свой, сице кропитъ землю и бросаетъ зерна; отрубаетъ хвостъ у животнаго и кладетъ оный въ нѣкоторомъ разстояніи. Наконецъ намазываютъ голову онаго красною краскою. Гхатвалы же собравшись и поднявъ руки вверхъ привѣтствуютъ солнце, и испрашиваютъ прощенія въ собственныхъ грѣхахъ и своихъ сѣмействъ. Симъ оканчивается обрядъ (1). Подобно всѣмъ язычникамъ сіи горцы ѣдятъ

(1) Сей обрядъ имѣетъ большое сходство съ совершаемымъ ежегодно кочевыми народами въ верховьѣ рѣки Енисея (см. Сиб. Вѣст. 1818 Ч. II). *С.*

жертвенное мясо, посвящая только малую часть онаго своимъ девтахамъ, которое кладутъ подъ деревьями вдоль по дорогѣ, съ нѣкоторымъ количествомъ изготовленныхъ хлѣбныхъ зеренъ. Во время нашего путешествія мы часто видали сіи жертвы какъ на горахъ, такъ и въ долинахъ. Суевѣрное почтеніе горцевъ къ ихъ девтахамъ непонятно. Они воображаютъ себѣ, что сіи языческія божества наблюдаютъ надъ всѣми ихъ дѣлтіями. Жестокосердіе часто побуждало бы ихъ къ лютымъ и кровавымъ поступкамъ, если бы суевѣріе и страхъ наказанія отъ прогнѣваннаго божества не удерживали ихъ отъ совершенія злодѣйствъ.

Пуджагъ отправляется: 1) при началѣ главныхъ работъ земледѣлія (караугъ); 2) при собираніи жатвы, и 3) при первомъ употребленіи въ пищу новособраннаго хлѣба.

Обрядъ присяги также у нихъ довольно примѣчателенъ. На обнаженный мечь посыпаютъ соли, которую не много смоченную водою, присягающій пожираетъ съ жадностію (1).

(1) Сибирскіе язычники до сихъ поръ вмѣсто присяги цѣлуютъ ружье въ дуло, или съ ножеваго острея схватываютъ ртомъ кусокъ хлѣба. *С.*

обязательство такимъ образомъ утверждаемое почитается самымъ сильнымъ.

Затмѣнія солнца и луны возбуждаютъ сихъ полудикихъ къ дѣйствіямъ, вошедшимъ у нихъ въ обычай и доказывающимъ, сколько страха производитъ суевѣріе въ умахъ невѣждъ и грубыхъ людей. При такихъ случаяхъ собираются всѣ жители въ своемъ военномъ нарядѣ, имѣя при себѣ стрѣлы, колчаны и мечи. Они устремляютъ взоры къ затмѣвающемуся свѣтилу, держа руки свои сложенными и прося съ великимъ воплемъ прощенія въ грѣхахъ. По окончаніи же затмѣнія бьютъ въ *дхоль* (барабанъ) тревогу и нѣсколько времени продолжаютъ ужасной шумъ, будучи твердо увѣрены, что они получили отпущеніе своихъ грѣховъ (1).

Желая заслужить о себѣ доброе мнѣніе у сихъ горцевъ и успокоить людей насъ провожавшихъ, мы сочли приличнымъ доста-

---

(1) Подобное обыкновеніе замѣчено и у Калмыковъ. Они во время грома производятъ стукъ въ стремена, котлы, тазы и другіе металлическіе сосуды; но для устрашенія *тенгрей* или духовъ производящихъ, по суевѣрному понятію ихъ, громъ. Можетъ быть и горцы въ семъ случаѣ слѣдуютъ одному основанію. *С.*

вишь имъ средства къ празднованію пуджага (жертвоприношенія) въ разныхъ гхатахъ (ущеліяхъ) и на предѣлахъ *топпаховъ* (участковъ земли); ибо мы знали, что ни одинъ житель долины не согласился бы пуститься на удачу въ горы или въ лѣса безъ сей предосторожности, и всѣ *манджисы* (старшины поколѣній) стараются увѣрять иностранцевъ, что не отправя пуджага ихъ девтахамъ, не льзя безопасно путешествовать въ ихъ землѣ. Мы охотно согласились съ такимъ мнѣніемъ, и слѣдствіемъ сего, по суевѣрнымъ понятіямъ нашихъ провожатыхъ, было то, что ни одинъ изъ нихъ не былъ боленъ во все время, проведенное нами въ осмотрѣ горъ.

Воздухъ на сихъ высотахъ не здоровъ для жителей долинъ. Я думаю, что отрядъ нашъ сохранилъ свое здоровье единственно потому, что мы путешествовали только днемъ; но если бы отправлялись въ путь съ ночлеговъ очень рано, прежде нежели солнечная теплота разрѣдитъ влажный воздухъ, происходящій отъ густыхъ лѣсовъ, то я увѣренъ, что пуджаги не сохранили бы нашихъ людей отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней.

Никто изъ нихъ не осмѣливался приближаться къ жилищамъ горцевъ, изъ опасенія мщенія девтаховъ, или прикасаться къ чему либо на поляхъ, хотя это въ Индіи весьма обыкновенно между людьми слѣдующими за военнымъ обозомъ. Такая воздержность пріобрѣла намъ великое уваженіе отъ жителей сихъ высотъ.

Всѣ здѣшніе горцы, принадлежа къ одному племени, выбираютъ себѣ женъ изъ другихъ родовъ. Послѣ договора о бракѣ отецъ жениха даетъ рупію (монету) отцу невѣсты; потомъ обрученные празднуютъ свою свадьбу, когда разсудятъ удобнѣе. Въ день свадьбы отецъ жениха еще даритъ 4 рупіи, 4 куска холста и 2 или 4 тюрбана для хозяйства новобрачнымъ, на случай отдѣленія ихъ отъ своихъ семействъ. Брачный обрядъ у нихъ очень простъ. Отецъ невѣсты беретъ ее за руки и соединяетъ съ рукою жениха. Въ етомъ заключается все. Приглашенные гости принимаютъ участіе въ грубой пирушкѣ, въ которой особенно не забываютъ хорошо подгулять. Послѣднее обыкновеніе наблюдаютъ и всѣ дикіе вообще при такихъ случаяхъ. При рожденіи дѣтей нѣтъ у нихъ особенныхъ увеселеній.

Напротивъ того для погребенія умершихъ обыкновенно собирается множество гостей и вообще оканчиваютъ они сей обрядъ въ пьянствѣ и безпорядкѣ.

О дѣтяхъ своихъ прилагаютъ величайшее попеченіе; даютъ имъ самыя нѣжныя названія. При нареченіи именъ въ молитвахъ призываютъ мальчикамъ солнце, а дѣвочкамъ мѣсяцъ, заимствуя отъ сихъ же свѣтилъ и самыя имена ихъ, какъ то (на чистомъ Санскритскомъ языкѣ) для мужескаго пола *Суроджъ*-солнце, для женскаго *Чудра*-луна. Мальчикамъ въ самыхъ первыхъ лѣтахъ вручаютъ лукъ и стрѣлы; какъ же скоро будутъ они въ состояніи владѣть оными, по наставленію своихъ родителей, то имъ позволяютъ ходить на промыселъ дикихъ звѣрей. Горцы чрезвычайно искусны въ употребленіи сего оружія. Они стрѣляютъ изъ лука съ великою ловкостію и бросаютъ стрѣлы сильно и метко. Для пораженія тигровъ употребляютъ стрѣлы, омоченныя въ ядовитой сокъ растѣній, которыя хранятъ въ великой тайнѣ.

Въ домашнемъ хозяйствѣ самой большой трудъ падаетъ на женщинъ. Онѣ смотрятъ за стадами, носятъ воду, мѣлютъ и пекутъ

хлѣбъ, но при всемъ томъ съ нѣжною попечительностію занимаются и своими дѣтьми. Имъ очень нравятся бездѣлицы, сдѣланные изъ краснаго или бѣлаго стекла; ими они украшаютъ себѣ голову и шею, и въ семъ почти единственно, съ прибавленіемъ еще къ тому мѣдныхъ колецъ, состоитъ весь уборъ женщины Раджмогальскихъ горъ. Живущіе въ долинахъ напротивъ весьма отличаются въ нарядахъ; онѣ при встрѣчѣ съ иностранцемъ никогда не закрываютъ себѣ лица. Пользуются совершенною свободою, но при всемъ томъ робки и скромны.

Сіи горцы, какъ выше сказано, подобно всѣмъ необразованнымъ народамъ, преданы пьянству. Въ семъ не уступаютъ имъ и сосѣдственные жители долинъ. Любимой ихъ напитокъ есть *потъвей*; оной приготовляется слѣдующимъ образомъ: сперва сушатъ хлѣбныя зерна нѣсколько дней на солнцѣ, потомъ варятъ оныя въ водѣ, пока разбухнутъ, и опять высушивъ на вольномъ воздухѣ, всыпаютъ ихъ въ сосуды и наливаютъ на одну мѣру зеренъ, двѣ мѣры воды. Къ тому же прибавляютъ мелкихъ сѣмянъ растѣнія *бакуна*, которыя производятъ очень сильное

броженіе. Для большаго же содѣйствія оному, закрываютъ отверстія сосудовъ древесными листьями и выставляютъ оныя на нѣсколько дней на солнце, пока сію жидкость можно будетъ пить; говорятъ что сей напитокъ производитъ ужасное опьяненіе.

Земледѣліе у сихъ народовъ еще въ младенчествѣ. Они вовсе не знаютъ употребленія сохи; какъ скоро очистятъ землю отъ дурной травы и хворосту, то дѣлаютъ заостренною бамбуковою палкою ямки, въ которыя всыпаютъ сѣмена. Такимъ образомъ воздѣлываютъ они большія пространства земли на горахъ и на скатахъ оныхъ. Мнѣ кажется, что плодородная, черная почва многихъ изъ сихъ горъ, особенно происходитъ отъ разрушенія траповыхъ скалъ, весьма обыкновенныхъ на сихъ высотахъ.

Сей народъ не платитъ своему Правительству никакой подати, и можно сказать, что небольшой трудъ, употребляемой для воздѣланія земли, совершенно сходствуетъ съ расположеніемъ его духа. Собираемая жатва достаточна для удовлетворенія нуждъ его и для поддержанія врожденной любви къ независимости, которою онъ пользуется въ убѣжищѣ

обезпеченномъ ему природою; ибо иначе, кажется, не льзя и назвать многихъ округовъ, чрезъ которыя мы проходили.

Въ долинахъ, безъ сомнѣнія, родился бы въ изобиліи сахарной тростникъ, рисъ, ячмень и другаго рода хлѣбъ, если бы жители болѣе старались о разведеніи ихъ. Но они довольствуются только посѣвомъ разнаго рода проса, изъ котораго дѣлаютъ *готту* (gotta), здоровую и довольно вкусную пищу. Для чего сперва растираютъ зерна въ деревянной ступѣ (орксоли), не имѣя даже ручныхъ мѣльницъ (1), и потому сія работа очень трудна. Растертую муку варятъ въ водѣ, пока сдѣлается густымъ тѣстомъ, которое они ѣдятъ съ солью, или съ плодами и кореньями дикорастущими въ лѣсахъ, что составляетъ главное ихъ продовольствіе.Ето тѣсто очень бѣло; небольшаго количества онаго достаточно на цѣлой день. Когда сіи горцы отправляются въ путь, то завертываютъ катышки сего тѣста въ древесныя листья и привязавъ оные на концѣ палки, носятъ за плечами. Етотъ способъ припоминаетъ комки кислаго затвер-

(1) У кочующихъ въ Сибири, также деревянныя ступы служатъ вмѣсто жерновов. С.

дѣлаго молока, составляющаго обыкновенную пищу Нагайскихъ Татаръ (1), какъ описываетъ Баронъ *Тоттъ*.

Въ разныхъ топпахахъ мы видѣли большія стада воловъ малаго роста. Обыкновенно разводятъ ихъ наиболѣе въ долинахъ. Коровы здѣсь очень дойны. Въ деревняхъ держатъ много свиней; мясо ихъ составляетъ главную пищу горцевъ. Вѣстовой барабанъ (дхолъ) въ частомъ употребленіи у сихъ народовъ; какъ скоро услышатъ оной, коего звукъ весьма далеко раздается, то сбѣгаются отвсюду толпами для полученія приказовъ отъ своихъ гхатваловъ, за которыми слѣдуютъ въ самые трудные и опасные походы. Мы не разъ видѣли такія сборища, когда нужно было созвать отрядъ для разогнанія дикихъ звѣрей, во время нашего путешествія чрезъ лѣса.

Въ числѣ произведеній сихъ горъ должно также считать *медъ*, которой здѣсь можетъ быть лучшей изъ всей Индіи; *тусеуръ*, родъ хлопчатой бумаги, изъ коей въ Багольпурѣ дѣлаютъ *бафту* (толстую бѣлую выбойку, называемую и въ Сибири бахтою); мелкой лѣсъ

(1) И многихъ кочевыхъ народовъ въ Сибири. *С.*

для плотничныхъ подѣлокъ; *бамбуковое* и *сабовое* (Sabo) дерево.... Сіи предметы также общи и другимъ частямъ пространной области Дженглетерской. Деревья *мангиферы* (1) рѣдки; но *тамарины* ростутъ въ изобиліи и приносятъ превосходные плоды. Мы видѣли красные плоды весьма пряпаго вкуса, похожіе на Антильской перецъ.

Сношенія горцевъ съ жителями долинъ весьма ограничены. Онѣ только состоятъ въ мѣнѣ горныхъ произведеній на соль, табакъ холстъ и другія необходимыя потребности. Слѣдовательно деньги не имѣютъ тамъ обращенія. Сіи люди столь скудны въ нужныхъ вещахъ, что даже глиняную посуду получаютъ Голландскую, и не имѣютъ никакихъ машинъ. Такое грубое невѣжество, кажется, происходитъ отъ сильнаго отвращенія горцевъ чему-либо учиться, а еще болѣе отъ непреодолимой преграды, раздѣляющей *касты* (роды) между собою. Ибо самый презрѣнный Индіецъ считаетъ себя оскверненнымъ, когда сядетъ съ горцемъ на одной рогожѣ. Сіе ненавистное совмѣстничество должно весьма содѣйство-

(1) Мангиферъ (Manguier) дерево весьма большое, котораго вѣтви касаясь земли пускаютъ новые корни. *С.*

вать къ размноженію поколѣнія, любящаго жить отдѣльно на своихъ горахъ.

Благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ Маркизомъ *Ганстингсомъ*, во время управленія его, спокойствіе въ сихъ странахъ обезпечено, и горцы сдѣлались весьма преданными Британскому Правительству. Съ ними поступали кротко; старшинамъ ихъ опредѣлены были награжденія и по одному человѣку съ деревни взято для составленія части отряда, назначеннаго къ охраненію Багольпурской области. Сими-то распоряженіями утверждено было спокойствіе.

Съ Франц. В. А.

ВОСТОЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Нѣчто о Яванской Словесности.

Въ описаніи острова Явы (1), изданномъ въ Брюсселѣ 1825 года, помѣщена не только Исторія онаго, но притомъ новѣйшія и занимательнѣйшія подробности о языкѣ и Словесности его обитателей, также о законахъ ихъ, обычаяхъ и воинскихъ учрежденіяхъ. Въ отношеніи къ Словесности стихотворныя произведенія Яванцевъ раздѣляются на два рода: на *пантумъ* и *сайяръ*. Первый есть четырестишный Стансъ съ риѳмами: два начальные сти-

(1) Островъ Ява лежитъ между 6 и 9° южной широты, 102-40 и 113-40° восточной долготы, граничитъ на сѣверъ съ островомъ Борнео, на сѣверовостокъ съ Целебесомъ, на востокъ съ Валкомъ и Табурою, раздѣленъ послѣднимъ Валійскимъ проливомъ на сѣверозападѣ съ островомъ Суматрою. Ширины имѣетъ 40-50 миль и перерѣзывается отъ востока къ западу цѣпью горъ. Ява, кромѣ Нидерландскихъ владѣній, состоитъ въ зависимости двухъ князей, называемыхъ Сусаномъ и Султаномъ, коихъ владѣнія такъ перемѣшаны, что почти не возможно отдѣлить оныя. Оба они, какъ и всѣ Яванцы, нынѣ Могаммеданскаго исповѣданія. Войска никакого не имѣютъ, кромѣ тѣлохранителей изъ обоего пола.

ха часто бываютъ иносказательные, а два послѣдніе нравоучительные, трогательные и любовные. Иногда пантумы читаются разными лицами попеременно, въ продолженіи нѣскольких часовъ. Сайяръ или *шаярб* есть слово происходящее изъ Арабскаго языка. Это рядъ строфъ или куплетовъ, состоящихъ изъ стиховъ въ 8 или 12 слоговъ, сходныхъ съ Европейскою Поезіею. У Явапцевъ много сочиненій въ прозѣ, особливо романовъ, повѣстей и описаній истинныхъ происшествій, всегда почти смѣшанныхъ съ баснями. Преложенія на Явапскій языкъ *Махабараты*, *Рамайяны* и приключеній несчастнаго *Панжи* почитаются наономъ лучшими книгами.

Вотъ для примѣра прозы отрывокъ изъ Исторіи Гангъ-Туаха (Hang-Touah), Адмирала Малайскаго Владѣтеля, бывшаго во время нашествія Албукерка. „Тогда служители принесли напитки и чаши, осыпанныя драгоцѣнными камнями, которыя постановлены были предъ вождями разныхъ степеней. Загремѣли тимпаны, юноши приятными голосами воспѣли сладостныя пѣсни. Гости предались удовольствію и встали для пляски. Адмиралъ началъ оную, привѣтствуя сперва съ глубокимъ

почтенiемъ Владѣтеля. Онъ вышелъ на мѣсто пляски, держа въ рукѣ свой криссъ, произведенiя Малайскихъ оружейныхъ заводовъ. Пляска его была искусна. Онъ преклонялся предъ лицемъ юнаго своего Повелителя, которой былъ доволенъ такимъ зрѣлищемъ, и глаза его не могли имъ налюбоваться. Подлинно, говорилъ онъ самъ съ собою, Гангъ-Туахъ храбръ: это видно изъ его осанки. Потомъ Тунъ-Жаббатъ послѣ такого же привѣтствiя сталъ для пляски. Лакiеръ и Лакынь, принявъ чаши изъ рукъ наполнившихъ оныя, пригласили Гангъ-Кастура къ пляскѣ; сей же вызвалъ поспорить съ собою Адипатiя Паламбангскаго. Вожди въ упоенiи радости громко возглашали. Адипати, по учиненiи привѣтствiя, также началъ плясать. Онъ вызвалъ Тунъ-Рана-Дираджу, которой преклонясь всталъ. Тунъ-Туахъ, Гангъ-Жаббатъ и Гангъ-Кестури, принявъ чаши изъ рукъ наполнившихъ оныя, продолжали плясать съ чашами въ рукахъ и вызывали на состязанiе съ собою въ питьѣ Тунъ-Рана-Дираджу. Сей былъ побѣжденъ, лишился разсудка, сѣлъ и наклонилъ свою голову. Юный Повелитель ихъ былъ веселъ и громко смѣялся, видя, въ какое состоянiе приведенъ сей вождь.

*

Когда же малые барабаны опять загремѣли, то онъ мановенiемъ очей подалъ знакъ Тунъ-Туаху, чтобы онъ побудилъ Тумунгунгъ-Ери Сороджа къ питью. Тунъ-Туахъ взялъ чашу и держа оную въ рукѣ плясалъ. Онъ наполнилъ ее для Тумунгунга и подалъ ему оную, сказавъ: пейте, Милостивый Государь, по волѣ нашего юнаго Владѣтеля. Тумунгунгъ принялъ чашу и съ почтенiемъ поставилъ ее на своей головѣ, потомъ выпилъ, поклонился и всталъ для пляски. Служители поднесли ему вновь чаши. Тумунгунгъ подалъ чашу Бандакару, который принявъ оную хотѣлъ нѣсколько поплясать; но прежде наклонилъ свой крисъ и преклонился къ ногамъ Повелителя. Сей замѣтивъ намѣренiе его, всталъ и обнялъ его. Бандахара опять принялъ чашу, выпилъ и опьянѣлъ. Потомъ самъ Владѣтель всталъ и плясалъ. Бандахара же взялъ чашу у служителей, наполнилъ ее и поднесъ во время пляски Владѣтелю, которой принявъ оную сказалъ: „родственникъ (cousin) мой, я уже и такъ пьянъ." Всѣ вожди или военачальники перепились одинъ за другимъ. Нѣкоторые еще въ силахъ были возвратиться къ себѣ, а многiе попадали на дорогѣ и заснули. Иные отнесены

были домой своими невольниками. Большая же часть уснули въ разныхъ мѣстахъ вокругъ народной площади." (1).

Изъ N. Ann. des Voyages.

Нравоучительныя изрѣченія Восточныхъ Писателей.

Страхъ Божій есть величайшее совершенство, а порокъ величайшее несовершенство.

Страхъ Божій очищаетъ сердце.

Я боюсь Бога, а по Богѣ боюсь небоящагося Его.

Страхъ Божій есть вѣрнѣйшее и безопаснѣйшее прибѣжище.

Благочестіе есть величайшая мудрость, а нечестіе величайшее безуміе.

Благочестіемъ умерщвляется плоть.

Не оскорбляй Бога, клянясь именемъ Его, дабы Онъ не презрилъ тебя.

Кто измѣняетъ вѣрѣ своей для свѣта (міра), тотъ грубо ошибается.

---

(1) Такъ отвратительны нравы народовъ необразованныхъ, предающихся грубой чувственности, всего болѣе унижающей человѣка, почитаютъ они наслажденіемъ. Примѣры подобнаго невоздержанія всего обыкновеннѣе между язычниками и Могаммеданами.

Не льзя хорошо познать самаго себя, не зная своего Творца.

Кто покаряется страстямъ, не повинуясь своему разуму, тотъ погибаетъ.

Если бы человѣкъ предвидѣлъ свою кончину и прехожденіе отъ сей жизни, то ужаснулся бы своихъ дѣяній и обманчивости оныхъ.

Жизнь есть сонъ, отъ коего пробуждаетъ одна смерть.

Жизнь человѣка есть путь ведущій къ смерти.

Охотнѣе послѣдуютъ развратнымъ нравамъ своего вѣка, нежели добрымъ примѣрамъ предковъ.

Добродѣтель, ученіе и хорошія свѣдѣнія однѣ только содѣлываютъ насъ почтенными.

Не тотъ сирота, кто лишился родителей, но неимѣющій ни знаній, ни воспитанія.

Недостатокъ здраваго смысла есть высочайшая степень бѣдности.

Ничто лучше не скрываетъ нашего состоянія, какъ молчаніе.

Умъ есть богатѣйшее имущество.

Кроткою рѣчью приобрѣтаемъ себѣ много друзей.

Чѣмъ менѣе кто имѣетъ ума, тѣмъ болѣе оказываетъ тщеславія.

Мщеніе несвойственно великодушному.

Знаніе для дѣтскаго возраста есть вѣнокъ, а мудрость ожерелье.

Совершенно несчастливъ тотъ, кто унываетъ, лишась чьей-либо милости.

Грубость и невѣжество производятъ распрю даже и между родными.

Сердце несмысленнаго въ устахъ его, а языкъ мудраго въ сердцѣ его.

Кто скачетъ опустя узду и держась за надежду, падаетъ и погибаетъ.

Изъ Herbelot Biblioth. Orient.

Арабскія Пословицы.

Купецъ зависитъ отъ своего торга, а земледѣлецъ отъ посѣва.

Игла беретъ преимущество предъ ткачемъ.

Одинъ упалъ въ поганую яму, другой сказалъ ему: вотъ роза понюхай.

Иди съ тѣмъ, кто не хочетъ идти съ тобою (?).

Одѣнь алоево дерево, и оно будетъ красиво (1).

Не будь сладкимъ, чтобъ тебя не съѣли, ни горькимъ, чтобы отвѣдавъ не бросили.

Друзей познаютъ въ несчастіи (2).

Какой бы ни былъ другъ, надобно нѣкогда съ нимъ разстаться.

Бывшій въ дружбѣ съ людьми сорокъ дней, дѣлается однимъ изъ сихъ людей.

Притворная любовь лишь одна нигдѣ не продается (ни у аптекарей).

Наша ослица побыла въ конюшнѣ у сосѣда, и вотъ онъ намъ родня.

Человѣкъ похожъ на дерево иногда зеленѣющее, а иногда совсѣмъ голое.

Кто имѣетъ свой кошелекъ, тотъ всегда бываетъ у себя (дома).

Все исполняется по Божіей волѣ.

Лошадь стоитъ одной деньги, а у меня нѣтъ ни одной деньги.

Мать убитаго спитъ, между тѣмъ какъ мать заключеннаго не можетъ уснуть.

---

(1) Русская пословица противорѣчитъ: пень все будетъ пень, хоть въ золотое платье одѣнь.

(2) То же, что Латинская: Amicus certus in re incerta cernitur.

Кто ставитъ тарѣлки, тотъ не можетъ сказать о себѣ: я конфетчикъ.

И звѣздословы лгутъ: ибо одинъ Богъ праведенъ.

Не старайся сближаться съ тѣмъ, кто не хочетъ сближаться съ тобою.

Ожиданіе приводитъ наконецъ къ отчаянію.

Что съ тобою случилось сего дни, то со мною можетъ случиться завтра (1).

Ето перо изломалось, я хочу взять другое.

Борода скряги на стулѣ у бѣднаго (?).

Находящійся въ опасности лишиться жизни, счастливъ, если только ослѣпятъ его.

Слѣпымъ сказано было: дорого масло; а они отвѣчали: намъ его не надобно.

Подлъ кто желуется другимъ, а не одному Богу.

Овесъ на своей нивѣ лучше пшеницы на чужихъ поляхъ.

Легче имѣть врагомъ себѣ Пашу, нежели своего сосѣда.

Нравъ познается въ играхъ и шуткахъ,

(1) Сходно съ Латинскою: hodie mihi cras tibi,

АЗІЯТСКІЯ НОВОСТИ и СМѢСЬ.

I.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

О нынѣшнемъ состояніи нѣкоторыхъ областей и городовъ въ Средней Азіи.

(Продолженіе.)

Сарсабъ.

Города: *Сарсабъ*, *Китабъ*, *Орти-Курганъ* и зависящіе отъ нихъ: *Гурджабъ*, *Синбаргъ*, *Тсарбагъ*, *Дулбе*, *Яни-Курганъ*, *Тсеракци*, *Иркава*, *Дехіекъ*, *Камей*, *Джамъ*, *Диліанци*, *Улуссе* и *Каратепе* состоятъ подъ властію независимаго начальника, родомъ Узбека, изъ поколѣнія Каннезезскаго, сына *Даніельбека*, бывшаго во всегдашней враждѣ и неприязненности съ Бухарскимъ Ханомъ. По смерти *Даніельбека* старшій его сынъ, храбрый, дѣятельный и предпріимчивый, продолжалъ поступать такимъ же образомъ. Ему наслѣдовалъ и братъ его нынѣшній главный правитель. Онъ не желая вести войны съ Бухаріею, оказалъ ей наружно свою покорность, и остался самовластнымъ

владѣльцемъ своей страны. Только двѣ малыя крѣпости *Калиласъ* и *Джеоръ*, на землѣ Сарсабской, зависятъ отъ Бухарскаго Хана. Всѣ сіи города окружены земляными стѣнами и валами.

Хлопчатая бумага, привозимая Бухарцами въ Россію, большею частію получается изъ Сарсаба; ибо тонкая Бухарская бумажная пряжа весьма дорога (до 190 руб. пудъ) и оной не достаетъ иногда даже для собственныхъ фабрикъ. Бухарскіе купцы и Жиды, пріѣзжающіе въ Сарсабъ, покупаютъ тамъ, кромѣ лучшей хлопчатой бумаги, рисъ, которымъ сія страна также изобилуетъ, вымѣнивая по большой части сіи товары на Бухарскія шали, коимъ цѣна отъ 7 до 8 руб. за каждую, на женскія башмаки и сапожки (ботинки). Оставляя лучшей доброты Сарсабскую бумагу для собственныхъ своихъ фабрикъ на тончайшія ткани, Бухарцы привозятъ въ Россію худшую и продаютъ вмѣстѣ съ ростущею въ ихъ землѣ. Сарсабская пряденая бумага лучшей доброты, продается также въ *Кокантѣ* и *Ташкентѣ*. Изъ Сарсибскихъ жителей весьма не многіе пріѣзжаютъ въ Россію.

Гиссаръ.

Малая область, находящаяся за 10 дней пути на востокѣ отъ Бухаріи и лежащая при подошвѣ хребта горъ. Главныя въ ней города суть: *Гиссаръ-неви* (новая крѣпость), *Дахей-неви* (новое село). Въ первомъ живетъ правитель сей области, называемый *Сеидъ-Аталыкъ бей*, тесть нынѣшняго Бухарскаго Хана. Званіе Аталыка почитается здѣсь весма важнымъ. Второй городъ гораздо менѣе перваго. До десяти малыхъ городовъ, окруженныхъ земляннымн валами, зависятъ отъ того же Владѣтеля. *Емиръ-Гайдеръ Ханъ*, прежде нежели наслѣдовалъ своему отцу, во время войны своей противу прежняго Гиссарскаго Владѣтеля, убивъ онаго, возвелъ на его мѣсто помянутаго Сеидъ-Аталыкъ бея, на дочери коего женился. Земля сія обильна всякаго рода произведеніями, исключая хлопчатой бумаги; болѣе же всего богата баранами, масломъ и рисомъ, кои промѣниваются на Бухарскую хлопчатую бумагу. Городъ *Малиталанъ* и 50,000 сѣмействъ Киргизскихъ, поколѣнія Купаганъ, составляютъ часть сего же владѣнія, коего жители Узбеки. Нынѣшній Владѣтель, по родственной своей

связи съ Бухарскимъ Ханомъ, находится съ нимъ въ дружбѣ.

Ходжантъ.

Сія область переходила попеременно подъ власть Коканшскаго Хана и Владѣтеля земли *Оритепе*, именемъ *Хадайяръ бея*, Узбека, который будучи независимъ воевалъ, то съ Бухарскимъ, то съ Коканшскимъ Ханомъ. По смерти Хадаяръ бея сія область присоединена, за 25 лѣтъ предъ симъ, къ Коканшской землѣ, во время правленія отца нынѣшняго Хана *Нарбути бея*. Отъ Ходжанта зависятъ многія деревни. *Маргиляндъ*, *Андыджанъ*, *Немергіаръ*, *Тахти-Сулейманъ* и *Уссе*, суть округи, зависящіе отъ Коканшскаго Хана. За 60 лѣтъ до сего они принадлежали Бухарскому Хану; послѣ отъ него отложились. Жители Коканшскіе и Ходжантскіе привозятъ въ Россію (въ Петропавловскъ) много выбоекъ, крашеныхъ холстинокъ и халатовъ, особливо же хлопчатой бумаги и шелку; а сами покупаютъ всякаго рода мѣха и нанку (китайку), которые перепродаютъ въ Кашгаръ, гдѣ на оборотъ покупаютъ ревень и привозятъ къ намъ. Тамъ же выдѣлываютъ толстыя бумажныя полотна,

покупаемыя Бухарцами въ большомъ количествѣ для обращенія въ крашенину, называемую *бурметъ*, которой много требуется въ Россію; сверхъ того дѣлаютъ шелковую ткань, извѣстную подъ именемъ *кутни* и похожую на ратинъ, коей кусокъ продается по одному Бухарскому червонцу. Но шелкъ есть главное произведеніе сей страны: Бухарцы и особливо жиды покупаютъ онаго тамъ ежегодно до 200 вьюковъ верблюжьихъ; оной идетъ весь на шелковыя ткани, выдѣлываемыя въ Бухаріи.

(Продолженіе впредь.)

О размѣнѣ областей, учиненномъ въ Индіи между Англіею и Голландіею.

Извѣстно, что Великобританія и Голландія размѣнялись многими изъ принадлежащихъ имъ областей въ Восточной Индіи. Первая изъ нихъ уступила *Бенкооленъ*, равно всѣ требованія свои на западный берегъ острова Суматры и на островъ Биллитонъ; вторая отдала заведенія свои на материкѣ Индійскомъ, укрѣпленное мѣсто Малакку и отказалась отъ требованія на *Сингапуръ*, такъ что послѣ се-

го размѣна, Британская Индія сдѣлалась *матерою*, а Голландская *островною*.

Голландское Правительство, представляя договоръ о семъ предметѣ на утвержденіе Государственныхъ чиновъ, сообщило имъ слѣдующія оффиціальныя объясненія, касательно политической и коммерческой Географіи.

„Чрезъ самое соглашеніе (конвенцію) присовокуплено къ системѣ мореплаванія и торговли весьма полезное ограниченіе политической власти, и въ то же время предписаны дѣйствительныя мѣры предосторожности отъ всякихъ нарушеній права, могущихъ иногда встрѣчаться отъ неточности правилъ противно намѣреніямъ Европейскихъ Правительствъ.

„Внимательное чтеніе вмѣстѣ съ нѣкоторыми приобрѣтенными познаніями о дѣлахъ и пользахъ Индіи, послужатъ въ томъ убѣжденіемъ. Сіи познанія въ то же время удостовѣрятъ о выгодѣ уступки Голландскихъ владѣній на материкѣ Индіи.

„Съ давнихъ уже временъ почитались сіи владѣнія маловажными. Послѣ удивительнаго распространенія могущества Великобританіи въ Индіяхъ, мало по малу уничтожилась и послѣдняя важность оныхъ. Торгъ полотномъ,

содѣлывавшій нѣкогда сіи владѣнія и факторіи столь значущими для Голландской Индіи, обратился почти въ ничто. Не только мануфактурныя заведенія въ нашихъ владѣніяхъ и близь оныхъ, но даже и Англійскія въ упадкѣ, и не могутъ быть возстановлены.

„Британское Правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы издѣлья Европейскихъ полотнянныхъ фабрикъ продавались въ Индіи. Голландское Правительство послѣдовало сему же примѣру. Все сіе будетъ великимъ благодѣяніемъ, если произведенія главной страны найдутъ болѣе мѣстъ для сбыту въ архипелагѣ Восточной Индіи.

„Малакка, при началѣ водворенія нашего въ Индіи, была весьма важнымъ мѣстомъ по торговлѣ. Но весьма давно сія торговля упала, къ чему въ числѣ прочихъ обстоятельствъ, много содѣйствовало утвержденіе Британской власти въ *Повло-Пинаніи*.

„Со времени счастливаго оборота дѣлъ въ 1813, даже до нынѣшняго 1824 года, ни одинъ изъ нашихъ (Голландскихъ) купцовъ туда не переселялся. И такъ можно по справедливости сказать, что сіе мѣсто составляетъ теперь для Индіи многоцѣнное владѣніе, а особливо

съ тѣхъ поръ, какъ Англичане овладѣли Синкапуромъ. Хотя же Голландское Правительство въ Индіи противопоставило на принятіе сихъ владѣній сильныя возраженія; но споръ о справедливости или несправедливости оныхъ не былъ удобенъ къ разрѣшенію самаго дѣла. Англичане съ своей стороны защищали право на Биллитонъ, которой, по увѣренію ихъ, не входилъ въ составъ уступки *Банки*. Впрочемъ Англія отказывалась отъ сего требованія въ такомъ только случаѣ, если бы Голландія отреклась отъ всѣхъ возраженій противъ обладанія Санкапуромъ. Излишне былобъ доказывать, что какъ по вліянію политическому на сіи страны, такъ и по выгодѣ отъ оловянныхъ рудниковъ въ *Банкѣ*, владѣніе Биллитономъ необходимо, и не могло подвержено быть упреку.

„Разсматривая сей размѣнъ, принятой съ обѣихъ сторонъ, должно наиболѣе цѣнить важное пріобрѣтеніе крѣпости *Марлборуга* или *Бенкоолена* на Суматрѣ и пресѣченіе всякой чужеземной власти на семъ островѣ; распространеніе торговли и промышленности Голландской; сохраненіе спокойствія въ сихъ странахъ, равно какъ и на всемъ Индійскомъ архи-

пелагѣ, находятъ также въ семъ сильное обезпеченіе, между тѣмъ какъ не менѣе уважительна и самая достовѣрность, что уже не возобновятся и происшествія, которыя въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, хотя и служили къ славѣ; но принудили величайшія сдѣлать пожертвованія и стоили многой крови. Важное обладаніе *Паленбангомъ* (1) и *Лампангами* (2) придастъ имъ еще болѣе цѣны; а спокойствіе, которое столь часто нарушалось въ *Падангѣ* (3) содѣлываетъ такое обезпеченіе вѣрнѣйшимъ. Оно впрочемъ утверждено и на всемъ Индійскомъ архипелагѣ мудрыми распоряженіями, изложенными въ разныхъ статьяхъ договора.

---

(1) Паленбангское владѣніе лежитъ на сѣверовосточномъ берегу острова Суматры. Сперва принадлежало оно Голландцамъ, а въ 1812 году овладѣли имъ Англичане и перемѣнили такъ Султана. Число жителей, состоящихъ изъ Китайцевъ, Кохинхинцовъ и островитянъ, простирается до 30 тысячъ человѣкъ. Столичный городъ и рѣка, при которой оной расположенъ, имѣютъ одно съ областью названіе. *Изд.*

(2) Лампангъ или *Лампунгъ* южная часть острова Суматры, простирающаяся вдоль по берегу. *Изд.*

(3) Падангъ одно изъ главныхъ заведеній Голландскихъ на западномъ берегу Суматры, съ крѣпостью. Оной производитъ значительный торгъ золотомъ съ Батавіею. *Изд.*

„По симъ уваженіямъ уступка съ одной стороны, во всѣхъ отношеніяхъ вознаграждаетъ пріобрѣтеніемъ съ другой. Къ сему можно еще присовокупить уменьшеніе на сумму до 100 тысячъ фунт. стерл. весьма увеличенныхъ требованій Британскихъ. Ибо хотя довольно значительныя требованія объявлены были взаимно и со стороны Голландіи; но болѣе открытое изчисленіе обоюдныхъ долговъ и кредита показало бы, что пожертвованія долженствующія изъ сего начала упасть на счетъ заморскихъ владѣній, гораздо болѣе превышали бы нынѣ опредѣленную сумму. Сіи подробности, кажется, достаточны для объясненія и оправданія новозаключеннаго договора."

Изъ N. Ann. des Voyages B. A.

Развалины Шадіабада въ Мальвѣ (1) и водяной дворецъ въ Удженѣ.

Развалины прежде бывшаго города *Шадіабада*, а нынѣ называемаго *Мандо*, имѣютъ въ окружности 20 миль. Въ немъ обитаютъ

---

(1) Мальва (Malva) значительная область въ Индостанѣ между 22 и 23° сѣверной широты. Съ нею граничатъ къ востоку области Аллагабадъ и Гундванагъ, къ югу Кандешъ и Берарь, съ западу Гузратъ, а съ сѣвера Агра. Простираешся

теперь немногіе кочующіе изъ поколѣнія *Беи-ли*. Оной лежитъ около 30 миль къ западу отъ Инда на хребтѣ горъ Виндгійскихъ. Шадіабадъ первоначально былъ столицею Индусскихъ Князей, а потомъ Киллигійскихъ Могаммеданскихъ Султановъ, подъ правленіемъ коихъ сдѣлался обширнымъ и цвѣтущимъ. Гомаюнъ (Homagoun), отецъ Акбара, взялъ его приступомъ. При Акбарѣ, по свидѣтельству Абулфазила, окружность онаго составляла почти 20 миль. Въ правленіе Сеида Акбара, Францисканскіе монахи: Адольфъ Аквавива, Антоній де Мансеррати и Францискъ Енрикецъ, бывъ посланы Гойскою духовною Миссіею къ Могольскому Правительству, достигли сего города въ Январѣ 1570 г. Они говорятъ объ немъ, какъ объ одномъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ. Зданія были въономъ

въ длину около 100, въ ширину до 60 миль. Орошается многими рѣками, изъ коихъ знатнѣйшія: Нарбудда, Сопра, Шумбуль и проч. Почва весьма плодородна: производитъ опіумъ, сахаръ, Индиго, табакъ и проч. Жатва собирается по два раза въ году. Изобилуетъ всякаго рода скотомъ. Она попеременно переходила во владѣніе Магаммедянъ, Великаго Могола и Маратовъ, которые овладѣвъ ею въ 1707 году раздѣлили ее на участки между военоначальниками. Въ 1818 году большая часть малыхъ владѣній сей области принуждена была покориться защитѣ Англичанъ. Главный городъ въ ней Уджейнъ (Oujein). *Изд.*

величественны, улицы наполнены народомъ. Три каменныхъ стѣны онаго заключали въ себѣ пространства 16 миль. По симъ подробностямъ можно заключить, какъ о важности сего города, такъ и объ истинѣ его упадка. Развалины онаго, разсѣянныя по срединѣ кустарниковъ, и нынѣ еще занимаютъ великое пространство. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: *Джаме мечедъ* (мечеть Джами) и мавзолей Султана *Гуссейнъ Алишаха*. Сіи зданія довольно сохранились и могутъ свидѣтельствовать о Могаммеданскомъ зодчествѣ. Князья Киллигисы, Мальвскіе Султаны, по видимому имѣли хорошій вкусъ, которой доказываютъ сіи развалины и *водяный дворецъ* въ Удженѣ. Сіе послѣднее зданіе можетъ быть единственное въ своемъ родѣ. Цѣлыя отдѣленія дворца находятся подъ водою, проведенною изъ рѣки Сопры и во многихъ мѣстахъ видно воду текущую надъ головою. Она катится внизъ съ шумомъ подобно водопаду, и потомъ пробирается по бокамъ излучистыми рытвинами, сдѣланными въ помостѣ. Сей дворецъ сооруженъ въ началѣ XV вѣка однимъ изъ сихъ Султановъ. Посѣщавшіе оной говорятъ, что

слава объ немъ не преувеличена, и оной, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, составляетъ прелестное жилище.

Изъ N. Ann. des Voyages B. A.

II.

Восточная Библіографія.

Voyage de B. Bergmann au pays des Kalmouks. (*Путешествіе Бергмана къ Калмыкамъ.*) Переводъ съ Нѣмецкаго Г. Мориса, Члена Парижскаго Азіатскаго Общества; напеч. въ Шатильонѣ, что на Сенѣ 1825. Въ 8 д. л.

Книга сія содержитъ въ себѣ письма Бергмана къ пріятелямъ его, писанныя, имъ во время путешествія къ Волжскимъ Калмыкамъ и пребыванія у сего народа. Въ нихъ подробно описана тамошняя страна, нравы и обычаи жителей, праздники, увеселенія и проч., равнымъ образомъ помѣщены историческія свѣдѣнія о бѣгствѣ Калмыковъ (Тургутовъ) въ Китай и изложеніе догматовъ исповѣдуемой Калмыками Ламайской вѣры. Она украшена картинкою, представляющею фонарной ихъ праздникъ и 11 рисованными на камнѣ (литографированными) таблицами, изображающими Калмыцкую азбуку и текстъ съ показаніемъ произношенія.

По успѣху, какой имѣло сіпо сочиненіе въ Германіи, издатели Парижскаго Азіятскаго Журнала надѣются, что оно хорошо принято будетъ и во Франціи, когда, по словамъ ихъ, Французская Словесность не перестаетъ обогащаться всѣмъ тѣмъ, что иностранная представляетъ *полезнаго* и *занимательнаго*. Таковой отзывъ благонамѣренныхъ иностранцевъ, вѣроятно можетъ относиться и къ нашимъ статьямъ, переводимымъ на Французской языкъ, вопреки замѣчанію одного изъ нашихъ Журналистовъ.

Мы должны тѣмъ болѣе обратить вниманіе на Путешествіе Бергмана, что въ немъ сообщаются свѣдѣнія о странѣ и народѣ подвластныхъ Россіи. Отлагая подробное разсмотрѣніе сего сочиненія до другаго времени, не льзя не замѣтить и теперь, что оно не можетъ въ полной мѣрѣ ни оправдать довѣренности къ нему, ни удовлетворить любопытству.

Въ особенности описаніе бѣгства Тургутовъ и изложеніе побудившихъ ихъ къ тому причинъ, не могутъ быть для насъ столько занимательны, какъ для иностранцевъ, сколько по краткости своей и неточности свѣдѣній, столько же и потому, что мы имѣемъ уже

о семъ предметѣ статью С. В. Липовцова (Сиб. Вѣстн. 1820 Ч. XII стр. 168), заимствованную изъ одного Китайскаго Писателя и обработанную съ особеннымъ тщаніемъ и ясностію. Въ ней представлена полная картина сего событія и всѣхъ бѣдствій претерпѣнныхъ Тургутами въ странѣ ихъ предковъ, послѣ удаленія изъ Россіи, гдѣ столько времени вели они совершенно счастливую жизнь подъ сѣнію мудраго и кроткаго Правительства нашего, которое донынѣ благотворитъ единоземцамъ ихъ, не принявшимъ участія въ постыдномъ и безразсудномъ бѣгствѣ.

Императорскаго Казанскаго Университета П. О. Профессоръ *Францъ Ердманъ*, издалъ въ семъ 1826 году въ Казани на Латинскомъ языкѣ описаніе собранія Восточныхъ монетъ онаго Университета, подъ названіемъ: Numophylacium Universitati Caesareae Literarum Casanensis. 107, XI и 14 стр. въ 8 д. л. Въ немъ описаны золотыя и серебряныя монеты, раздѣленныя на 16 владѣтельныхъ династій, съ показаніемъ именъ Владѣтелей, мѣстъ когда и гдѣ выбиты и годовъ Геджры и отъ Р. Х., начиная съ 94-1232 Геджры, или съ 713 по 1816 нашего счисленія, и именно:

Династіи Владѣтелей.	Число монетъ	Годы:	
		Геджры	отъ Р. Х.
1. Умайядскихъ . .	4	94 104	713 723
2. Аббасидскихъ. .	16	133 406	750 1018
3. Самандскихъ . .	39	279 378	892 987
4. Бувейгидскихъ .	3	339 369	950 979
5. Гамданидскихъ .	1	331 —	942 —
6. Сельджукидскихъ	4	623 - 644	1226 - 1246
Монгольскихъ:			
7. Гуласидскихъ. .	6	670 - 705	1271 - 1325
8. Джуджидскихъ (Хановъ Золотой Орды)	8	673 - 818	1274 - 1415
9. Крымскихъ Хановъ.	4	1171 - 1191	1757 - 1777
10. Сассанидскихъ .	1	—	—
11. Сефидскихъ. . .	44	1064 - 1159	1654 - 1746
12. Каджарскихъ . .	23	1222 - 1226	1807 - 1810
13. Бабуридскихъ. .	5	1061 - 1195	1651 - 1781
14. Османидскихъ .	13	1143 - 1223	1730 - 1807
15. Грузинскихъ . .	14	1166 - 1212	1752 - 1797
16. Бухарскихъ. . .	9	1286 - 1232	1790 - 1816

АЗІЯТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

АПРѢЛЬ, 1826.

НАУКИ и ИСКУСТВА.

О началѣ и распространеніи Монгольскихъ народовъ (*).

Слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. упоминается уже въ Исторіи Китайской о Монгольскихъ народахъ, коихъ составляютъ: собственно такъ называемые Монголы, Буряты или Братскіе и Елеты, въ Россіи подъ именемъ Калмыковъ извѣстные. Нѣкоторые писатели включаютъ въ сіе число и Татаръ, но безъ всякаго основанія; ибо на единородство ихъ съ Монголами нѣтъ никакихъ доказательствъ. Напротивъ того они отличаются отъ Татаръ и наружнымъ видомъ и языкомъ; если же сія послѣдніе и имѣютъ въ

(*) Сія статья большею частію заимствована мною изъ рукописнаго собранія извѣстій, объ иновѣрцахъ обитающихъ въ Иркутской Губерніи, Надв. Совѣт. Франца Ланганса. Г. С.

своемъ языкѣ нѣсколько словъ сходныхъ съ Монгольскими, по причиною сему сосѣдственная ихъ жизнь съ Монголами, и что они долго были подъ властію Монгольскихъ Владѣтелей, даже и Ханы отдаленнаго Крымскаго полуострова почитали себя произшедшими отъ Чингиса. Самое слово *татаръ*, *татари* Монгольское, означающее людей обязанныхъ по наряду войско ставить, каковыхъ Китайцы донынѣ многихъ имѣютъ.

Монголы издревле обитаютъ въ окрестности двухъ славныхъ хребтовъ горъ: *Ханхейскаго* и *Алтайскаго*, изъ коихъ первой срединою Монголіи, а послѣдній чрезъ Зюнгарію или Калмыцкую землю проходитъ. Оныя горы, имѣя сообщеніе съ *Даурскими*, производятъ всѣ главнѣйшія Сибирскія рѣки. Задолго еще до Чингиса, одна отрасль Монголовъ отдѣлясь, по произшедшему между многочисленными ихъ родами несогласію, откочевала къ западу, которую оставшіися на прежнихъ мѣстахъ своихъ и удержавшіе древнее названіе Монголовъ назвали *Влетъ* т. е. несогласными, посорившимися; а какъ за Елетами послѣдовали еще три рода: *Барга-Буратъ*, *Хоитъ*, и *Тюмютъ*, то и назвали

они сами себя *Дюрбень-Ойретъ* т. е. четверородными. Барга-Буряты и Хонты распространились далеко къ сѣверу, а Елеты около *Ко-ко-нора* (Синяго озера), Тибета и Бухаріи, откуда подъ именемъ Гунновъ до средины Европы набѣги чинили; нѣкоторыя изъ нихъ даже поселились въ Венгріи. Тогда тѣ изъ нихъ, кои остались между Татарами названы ими *Халмикъ* т. е. отпадшими, измѣнившими. Одинъ изъ Европейскихъ писателей, по отмѣнному отъ всѣхъ прочихъ народовъ облику сихъ пришельцевъ, казавшемуся весьма безобразнымъ, сказалъ (для шутки или изъ презрѣнія), что Гунны произошли отъ совокупленія діяволовъ съ женщинами, въ волшебствѣ упражнявшимися. Во время Чингисъ-Хана, составлявшія съ Монголами одну Монархію *Елеты* или Калмыки, по изгнаніи въ 1368 году изъ Китая Монгольскихъ Владѣтелей, вторично отъ нихъ отпали, и потомъ близъ Алтайскихъ горъ, по случаю происходившихъ между ими многихъ ссоръ, раздѣлились на четыре орды: *Хошотъ*, *Торготъ*, *Дербетъ*, и *Зоонгаръ*.

Поелику многія произшествія между Монгольскими народами довольно подробно описа-

ны въ переведенныхъ на Европейскія языки Китайскихъ сочиненіяхъ и въ трудахъ Миллера, Палласа и другихъ, столь много ученому свѣту извѣстныхъ, то здѣсь упомянуто будетъ только о томъ, что наиболѣе примѣчанія достойно, или о чемъ вовсе не было никѣмъ писано, либо сообщено несогласно съ Монгольскими писателями.

Въ началѣ 13 столѣтія отъ Р. Х. Монгольской Князь, называвшійся *Демючинъ*, многихъ отдѣленныхъ Князей сего народа сдѣлалъ себѣ подвластными; они на бывшемъ общемъ сеймѣ, по уваженію разума и храбрости его, а можетъ быть и по необходимости имѣть одного надъ собою главу, признали его своимъ Ханомъ, назвавъ по голосу пролетѣвшей тогда птицы: *Чингисъ*. По завоеваніи Китайскаго Государства имѣлъ онъ войну съ Тангутскимъ Ханомъ Шудургою, котораго за упрямство и непослушаніе его, велѣлъ умертвить; но оставшаяся его жена отмстила за сію смерть, причиненіемъ Чингису мучительной болѣзни, отъ которой онъ, будучи отъ рожденія 67 лѣтъ 7 мѣсяцевъ и 12 дней, скончался. Сынъ его Огедай владѣлъ 6 лѣтъ. По немъ властвовали Гуюкъ Ханъ

6 мѣсяцевъ, Менгке Ханъ 9, Хубелей Цеценъ Ханъ 36, Елзету Ханъ 10 лѣтъ, Колукъ Ханъ 4 года, Буляту Ханъ 9 лѣтъ, Гегенъ Ханъ 3 года, Ясунъ Темуръ Ханъ 5 лѣтъ, Ирэмель Ханъ 40 дней, Гюшилъ Ханъ 10 мѣсяцевъ, Заяту Ханъ 15 лѣтъ, Ринценъ Пелъ 1 мѣсяцъ, Тогонъ Темуръ Ханъ 28 лѣтъ. По смерти сего послѣдняго Монголы Дайбунгъ Ханомъ, начавшимъ новое поколѣніе Владѣтелей, изъ Китая прогнаны.

Со времени возвращенія Монголовъ въ отечество свое считаютъ они 22 Хановъ одного за другимъ, независимо ими владѣвшихъ; причемъ замѣчаютъ писатели ихъ, что процвѣтавшій до того Ламайской законъ, тогда совсѣмъ истребился и Монголы опять погрузились во тьму Шаманскаго суевѣрія, почему и о произшествіяхъ тѣхъ временъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій, до самаго Абиде Галзо Хана, которой ѣздилъ въ Тибетъ, и тамъ у Далай Ламы, выпросивъ Ламу, построилъ въ Монголіи Ламайской монастырь, подъ названіемъ *Врдснизо*. Оной сдѣлался потомъ столицею донынѣ въ Монголіи пребывающаго Хутухты, коего душѣ приписываютъ суевѣрные Монголы безпрерывное въ человѣческія тѣла

перерожденіе, полагая оному начало за нѣсколько тысячъ лѣтъ, отъ жившаго при Бурханѣ Шигимуни въ Индіи мнимаго ихъ святаго *Дарнату*, или *Оріонъ Оіоту Богди Садо*. Какъ Абиде Галзо Ханъ до 85 лѣтъ отъ рожденія своего, ни отъ которой изъ женъ своихъ не имѣлъ сыновей; а посему подданные его находясь въ великомъ страхѣ, дабы со смертію его не пресѣкся родъ Чихгисъ Хана, присовѣтовали чрезъ прорицателей, жениться еще на избранной 15-лѣтней дѣвушкѣ. Но въ томъ же году Зюнгарской Хунтайджа, напавъ на Монголовъ, многихъ увелъ въ Зюнгарію, захватилъ въ томъ числѣ и беременную супругу Абиде Хана, о которой (отлучась тогда за продолжавшеюся еще войною съ Монголами) оставилъ онъ повелѣніе, ежели родитъ дѣвушку погладить ей лицо, а ежели мальчика, то погладить ему горло. Повелѣніе сіе означало то, чтобы первую оставить въ живыхъ, а послѣдняго умертвить. Но когда плѣнница родила сына, то бывшіе притомъ Монголы, желая сохранить ему жизнь, нашли случай въ коробѣ отослать въ Монголію, а на его мѣсто подложили простою плѣнною Монголкой тогда же рожденную дѣвочку. Оной

Абиде Ханов сынъ воспитанъ былъ подъ именемъ *Югуту Хана* т. е. коробьинаго Хана, а послѣ названъ Алтынъ Ханомъ, которой при завоеванiи Сибири въ 1609 году сдѣлался и въ Россiи извѣстнымъ. Монгольскiе писатели объявляютъ, что онъ сначала владѣнiя своего былъ Шаманской вѣры, которая каждую болѣзнь приписываетъ злымъ богамъ, а не естественной причинѣ, и для того опредѣлялъ имъ жертвовать скотомъ; когда же сiе не помогало, то и людьми, что происходило иногда одними на муку заклинанiями рабовъ. Такимъ образомъ и Чингисъ приказалъ во время приключившейся ему опасной болѣзни цѣлой родъ Даурскихъ Тунгусовъ чрезъ Шамановъ своихъ на вѣчныя муки злымъ богамъ въ жертву заклясть, и лица ихъ для признаку черными нитками вышить, отъ чего будто бы обыкновенiе вышивать лица и донынѣ сохранилось у потомковъ ихъ. Одинъ разъ Алтынъ Ханъ будучи весьма боленъ ногами, въ день полной Луны, велѣлъ нѣкоторому изъ своихъ подданныхъ разрѣзать брюхо, и въ него положилъ ноги свои, сидя же началъ дремать; въ то время привидѣлся ему Лама и сказалъ: отнынѣ не умерщвляй людей, болѣзни ногъ не

шакъ лѣчашся. Проснувшись почувствовалъ онъ омерзенiе къ мертвому тѣлу и велѣлъ его зарыть въ землю, а ноги свои вымыть. Между тѣмъ о послѣдовавшемъ ему откровенiи вступилъ въ разговоръ съ бывшими въ его дворцовомъ станѣ двумя Ламами, и по совѣту ихъ вознамѣрился принять ихъ законъ. Вскорѣ же послѣ сего отправилъ онъ Ордомонгольскихъ Цеценъ Хунтайша и Зюгшамба Хана въ Тибетъ, для испрошенiя себѣ главнаго Ламы, который и прибылъ, подъ именемъ: *Хутухты Зотмана.* Сей Хутухта у всѣхъ Хановъ и Князей Монгольскихъ проповѣдывалъ Ламайскiй законъ и былъ основателемъ второй, и нынѣ въ Монголiи существующей Урги (столицы) близь горы *Ханъ-олы*, гдѣ преемники его обитаютъ подъ названiемъ Номинъ-Хановъ, производя себя отъ великаго Бурхана *Манзутшари.*

По смерти Алтынъ Хана, въ 1657 году принялъ владѣнiе старшiй сынъ его Лобзангъ, или Саинъ Ханъ, а другой его сынъ былъ первымъ Монгольскимъ Хутухтою въ Кюрѣ или Ургѣ. Въ сiе время Ламайская вѣра такъ уже распространилась, что изъ владѣвшихъ въ одной Халха-Монголiи трехъ самодержавныхъ

Хановъ, каждой въ своей ордѣ хотѣлъ имѣть особливаго отъ другихъ независимаго Хутухту. Возникшая отъ сего война, была поводомъ покоренія всѣхъ Монголовъ Китайскому Государству. Лобзангъ Саинъ Ханъ присвоивалъ начальство брату своему Хутухтѣ потому, что ихъ отецъ былъ знатнѣйшій Ханъ Монголіи, и что въ немъ переродился первый Монгольскій Хутухта; напротивъ того Сасакту Ханъ доказывалъ преимущество сына своего Хутухты Галдана тѣмъ, что въ него переселившійся Бурханъ *Макхагала*, несравненно сильнѣе вселившагося въ Лобзангова брата *Бодди Садо Дарнату*. Для рѣшенія сего важнаго спора положено было собрать сеймъ; но Саинъ Ханъ не сождавъ онаго, захваченнаго имъ Сасакту Ханова племянника велѣлъ обезглавить, и тѣло его привязавъ къ лошадиному хвосту отвести къ Сасакту Хану съ объявленіемъ, что онъ и впредь ему лучшихъ извѣстій присылать не можетъ. Галданъ Хутухта прибывъ въ Тибетъ просилъ о снятіи съ него духовнаго сана, но Далай Лама отвѣтствовалъ, что онъ ему на то, ни да, ни нѣтъ сказать не можетъ, а все отдаетъ на собственную его волю; а потому Галданъ, при-

бавя къ своему имени *Бошукту*, принялъ вооруженную орду отца своего Сасакту Хана въ свои повелѣнія, и началъ войну съ Саинъ Ханомъ, сопровождаемую такою жестокостію, что одно воспоминаніе о тогдашнемъ кровопролитіи между нѣкоторыми Монголами, наслышавшимися объ ономъ отъ отцевъ своихъ, производитъ страхъ; всякой бѣжалъ въ то время куда только можно было, и многіе съ голоду померли. Саинъ Ханъ съ братомъ своимъ при самомъ началѣ войны принужденъ былъ бѣгствомъ спасаться, и напослѣдокъ не нашелъ другаго средства къ избавленію своему отъ бѣды, какъ отдаться въ подданство Китая. Для сего братъ его Хутухта самъ поѣхалъ въ Пекинъ и принятъ тамъ весьма ласково. Посланныя на помощь Саинъ Хану Китайскія войска, состоявшія по большей части изъ вступившихъ въ подданство прежде того Даурскихъ и Монгольскихъ малыхъ ордъ, утомленнаго многими сраженіями Бошукту Галдана разбивъ, принудили бѣжать въ Зюнгарію. Такимъ образомъ вся Халха-Монголія сдѣлалась подвластною Китаю. Дворъ Китайской не приминулъ тогда же снабдить Монголовъ печатными узаконеніями, по которымъ

всѣ Владѣтели ихъ всегда поступать обязаны; для наблюденія же за исполненіемъ того при каждомъ Монгольскомъ управленіи определенъ особливой Манжурской начальникъ, чрезъ котораго и всѣ отъ Двора присылаемыя повелѣнія въ дѣйство производятся. Но жившія всегда въ необузданной вольности Монгольскія Владѣтели, строгость Китайскую, съ великимъ сносятъ огорченіемъ, да и не уповательно, чтобы когда нибудь совершенно къ тому привыкли.

(Продолженіе впредь.)

Краткое описаніе Китайскихъ городовъ Нанкина и Макао, принадлежащаго Португальцамъ.

(Изъ книги подъ названіемъ: Kelly's New System of Universal Geography.)

Кантонъ есть главный городъ и приморскій портъ области Гуангъ-тонгъ. Едва ли можетъ быть что либо прелестнѣе того вида, который представляется при входѣ въ рѣку, ведущую къ городу. Видъ сей отличается разнообразіемъ, веселостію и одушевленіемъ. Съ одной стороны простираются въ даль луга покрытыя нѣжною зеленью, съ другой являются рощи или небольшіе холмы, на подобіе амфитеатровъ со ступенями для всхода, сдѣланными изъ злачнаго дерна. Здѣсь видны скалы, покрытыя мохомъ; тамъ деревни, возвышающіяся между кустарникомъ. Иногда представляются каналы, которые образуютъ острова, или, теряясь въ землѣ, являютъ прелестные берега свои; что въ совокупности составляетъ самую восхитительную картину.

Кантонъ соединяетъ въ себѣ, такъ сказать, три города: они отдѣляются высокими стѣ-

нами, но столь между собою смежны, что однѣ и тѣ же ворота служатъ для перехода изъ одного въ другой. Весь городъ образуетъ почти квадратъ и въ окружности не менѣе Парижа. Улицы длинны, прямы и вымощены тесанымъ камнемъ; но по большей части узки, исключая тѣхъ, которыя украшены тріумфальными арками. Онѣ совершенно заняты лавками, представляющими пріятное зрѣлище; при семъ надобно замѣтить, что купцы, торгующіе одинакими товарами, всѣ живутъ въ одной части города.

Многіе изъ общественныхъ зданій весьма красивы. Кромѣ тринадцати тріумфальныхъ аркъ, тамъ находится множество капищъ, окруженныхъ кельями Бонзъ. Конфуціева зала и Академія ученыхъ суть необыкновенныя зданія; дворцы Мандариновъ построены въ особенномъ вкусѣ Китайскаго великолѣпія. Тамъ находятся также рынки, гдѣ рыба, мясо птицы, растѣнія и другіе жизненные припасы продаются весьма дешево.

Домы, хотя весьма опрятны, но ни мало не великолепны; почти всѣ состоятъ изъ одного жилья, сооружены изъ земли, украшены кирпичами и покрыты черепицею. Въ окошкахъ,

вмѣсто стеколъ, лѣтомъ употребляется тростникъ для того, чтобы могъ проходить сквозь него воздухъ; а зимою вставляются устрицовыя раковины, которыя такъ бываютъ выскоблены, что дѣлаются полу-прозрачными. Стѣны покрыты тонкою бѣлою бумагою; зимою по срединѣ комнатъ горитъ древесный уголь. Жилища нѣкоторыхъ изъ низшаго класса людей построены изъ дерева. Домы Европейскихъ факторовъ находятся на прекрасной набережной и къ рѣкѣ имѣютъ правильный фасадъ въ два етажа. Внутри же они расположены и отдѣланы отчасти въ Китайскомъ, а отчасти въ Европейскомъ вкусѣ. Къ нимъ прилежитъ множество домовъ, принадлежащихъ Китайцамъ и отдаваемыхъ имя для временнаго пребыванія корабельщикамъ и купцамъ.

Рѣка усѣяна по обѣимъ сторонамъ жонками *), вытянутыми въ ряды и содержащими въ себѣ невѣроятное множество народа. Сіи жонки, примыкая одна къ другой, образуютъ улицы; каждая жонка содержитъ въ себѣ цѣлое сѣмейство и состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Простый народъ, живущій въ нихъ,

*) Китайскія суда, родъ челноковъ.

встаетъ рано по утру и занимается рыбною ловлею или работаетъ на пашняхъ сарачинскаго пшена, доставляющія двѣ жатвы ежегодно.

Большое количество денегъ, стекающееся сюда изъ отдаленныхъ странъ, привлекаетъ купцовъ многихъ областей къ сему порту, гдѣ можно найти все, что ни есть рѣдкаго или отличнаго въ Государствѣ. Жители трудолюбивы, изобрѣтательны и весьма искусны въ подражательныхъ художествахъ и въ украшеніи своихъ издѣлій, хотя оныя и не уважаются обитателями Пекина, которые ставятъ ихъ ни во что, называя непрочными и не хорошо обработанными. Они жалуются также на то, что матеріалы для сихъ издѣлій употребляются или не въ достаточномъ количествѣ, или не надлежащей доброты, и что самая работа оныхъ весьма плоха. Не смотря на то, шелковыя ткани Кантонскія, называемыя *Ша*, почитаются тамъ самыми лучшими въ своемъ родѣ; особенно прозрачныя съ цвѣточками, на подобіе кружевъ, бываютъ лѣтомъ въ большомъ употребленіи.

Хотя число ремесленниковъ, въ семъ городѣ находящихся, почти невѣроятное, однако же оно не достаточно, по причинѣ обширности про-

изводимой тамъ торговли; что и побудило завести множество фабрикъ въ Фо-шенѣ, который сдѣлался отъ сего знаменитымъ въ цѣлой области городомъ. Во время смятеній, нарушившихъ спокойствіе Кантона, торговля была переведена изъ онаго въ помянутый городъ, отстоящій отъ перваго на четыре мили. Онъ имѣетъ въ окружности по крайнѣй мѣрѣ три мили, и мѣсто сіе, куда стекается множество народа, не уступаетъ даже Кантону ни богатствомъ, ни числомъ своихъ жителей.

Въ Кантонѣ имѣетъ мѣстопребываніе свое Намѣстникъ (Viceroy), подъ вѣденіемъ котораго состоятъ семнадцать городовъ, одинъ втораго и шестнадцать третьяго класса.

Народонаселеніе Кантона различно было опредѣляемо. Во время посольства Лорда Макартнея вычислили, что въ семъ городѣ и предмѣстіяхъ его находилось милліонъ двѣсти тысячъ жителей, а предъ городомъ стояло пять тысячъ купеческихъ кораблей.

Факторіи, различнымъ Европейскимъ народамъ принадлежащія, надъ которыми развѣваются флаги сихъ народовъ, суть прелестныя зданія, вытянутыя въ линію по берегу рѣки,

внѣ городскихъ стѣнъ; по близости же ихъ находятся анбары, назначенные какъ для храненія товаровъ, идущихъ въ продажу, такъ и для складки Китайскихъ произведеній, опредѣленныхъ къ вывозу за границу (exportation). Всѣ закупки для Англійской Остъ-Индской Компаніи производятся повѣренными (agents); доставляемыя имъ важныя выгоды ставятъ ихъ выше всякаго искушенія къ коварнымъ или безчестнымъ поступкамъ, и они вообще приучены воспитаніемъ къ порядку, точности и честности.

Такъ какъ ни одному Европейцу не позволяется въ Кантонѣ имѣть съ собою жену, то Англійскіе конторщики живутъ всѣ вмѣстѣ и имѣютъ общій столъ, который содержится Компаніею; каждый изъ нихъ имѣетъ собственно для себя отдѣленіе, состоящее изъ трехъ или четырехъ комнатъ. Періодъ пребыванія ихъ въ Кантонѣ рѣдко превышаетъ воссмь мѣсяцевъ въ году; и какъ въ продолженіе сего времени, они почти постоянно заняты бываютъ службою Компаніи, то стѣсненный образъ ихъ жизни не можетъ составить большой для нихъ непріятности.

Городъ *Макао*, лежащій при устьѣ Тигриса, можетъ принимать въ свою рейду при входѣ

въ Типу (Гура) шестидесятичетырехъ-пушечные корабли; а въ портѣ его, который находится ниже города и имѣетъ къ востоку сообщеніе съ рѣкою, могутъ стоять полунагруженные корабли въ семь или восемь сотъ тонъ.

Входъ въ портъ защищается крѣпостью, состоящею изъ двухъ батарей, мимо которыхъ не иначе можно проходить, какъ на пистолетный выстрѣлъ. Три небольшія укрѣпленія, изъ коихъ два снабжены двѣнадцатью, а одно шестью пушками, охраняютъ южную часть города отъ всякихъ покушеній Китайцевъ; сіи укрѣпленія, находящіяся въ самомъ худомъ состояніи, ни коимъ образомъ не могутъ быть страшны для Европейцевъ, но весьма достаточны для того, чтобы содержать въ страхѣ всю морскую силу Китайцевъ. Сверхъ того тамъ находится гора, которая господствуетъ надъ всею страною и на которой отрядъ войска можетъ выдерживать весьма продолжительную осаду.

Съ твердой земли городъ защищается двумя крѣпостями, изъ коихъ одна имѣетъ сорокъ пушекъ, и можетъ вмѣстить въ себѣ тысячу человѣкъ гарнизона. Она имѣетъ ровъ,

два ручья проточной воды, и казематы для храненія военной аммуниціи и припасовъ; другая же, спабженная тридцатью пушками, не можетъ содержать въ себѣ болѣе трехъ сотъ человѣкъ. Здѣсь находится ручей весьма обильный водою и никогда не высыхающій.

Городъ Макао представляетъ весьма пріятный видъ. Остатки древняго великолѣпія его, многіе красивые домы, отдаются въ наемъ конторщикамъ различныхъ Компаній, которые принуждены бываютъ проводить тамъ зиму; ибо Китайское Правительство высылаетъ ихъ изъ Кантона при отбытіи послѣдняго корабля, принадлежащаго ихъ народу, и не позволяетъ имъ возвращаться до прибытія изъ Европы кораблей т. е. до слѣдующаго муссона (*).

Все народонаселеніе Макао можно полагать простирающимся до двадцати тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ сто природныхъ Португальцевъ, или Португальскихъ Индійцевъ, и столько же Кафровъ-рабовъ, которые исправляютъ должность слугъ; прочіе суть Китайцы, и люди занимающіеся торговлею или

(*) Періодическій вѣтеръ, дующій въ Индійскомъ Океанѣ. Прим. Пер.

различными ремеслами, которые дѣлаютъ самихъ Португальцевъ данниками ихъ промышленности.

Съ Англійскаго Ѳ. Созоновичъ

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Входъ въ рѣку Гангъ.

Отрывокъ изъ Журнала М. Грагамъ (Journal of Residence.)

Послѣ медленнаго плаванія нашего вдоль по низкому берегу, подъ непрерывнымъ покровомъ тумана, и миновавъ пагоду *Жагернотъ* (Jaghernaut), уединенно стоящую на безпредѣльной песчаной степи, первою землей, которую мы увидѣли, была оконечность Пальмиры. Это, лучше сказать, были вершины деревъ (пальмовъ), по коимъ названъ сей песчаной мысъ, вдавшійся въ море. Бросивъ якорь въ Баласорской (Balasor) рейдѣ, мы узнали и по подводнымъ камнямъ и по цвѣту воды, что находились близко отъ земли, хотя не видали еще ее нигдѣ и ни въ какомъ направленіи. Вода казалась грязною, и можно было бъ подумать, что по ней лучше итти нежели плыть. Мы оставили корабли и перешли въ голешу (судно) кормчаго. Нѣтъ ни-

чего пустыннѣе устья Гугли (Högly) (1), или западнаго Ганга. Рядъ подводныхъ камней простирается отъ запада столь далеко, какъ только можно видѣть глазомъ; тамъ повсюду встрѣчаются акулы и крокодилы. Но съ востока представляется самый ужасный предметъ: это низкій и мрачный островъ Сангоръ (Sangor) (2). Одинъ взглядъ на дженгль (боръ), покрывающій его, поселяетъ ужасъ. Жилище ли то змія или тигра? Нѣтъ, гораздо хуже: мѣсто сіе опредѣлено для ежегоднаго приношенія въ жертву людей. Все попеченіе Британскаго Правительства безсильно было отвратить сей гнусный обычай. Храмъ уже въ

---

(1) Гугли большой округъ Бенгальскій между 21 и 23° сѣверной широты, разрѣзываемый рѣкою того же имени. Сѣверная часть онаго плодоносна; но южная покрыта болотами и лѣсомъ.... Главный городъ онаго, говорятъ, основанъ былъ при р. Бхагарутти Португальцами въ 1533 году. *Изд.*

(2) Сангоръ (Sangir, Sanguir) островъ на Инд. морѣ (14-16 и. дл. 4-6 шир.), хорошо населенный и имѣвшій болѣе 12.000 жителей, очень похожихъ на Китайцевъ, отъ коихъ они, вѣроятно, произошли. Онъ окруженъ 46 малыми островами и имѣетъ много хорошихъ пристаней. Изобилуетъ кокосами и вообще покрытъ лѣсомъ. Перерѣзывается цѣпью горъ, на концѣ коей къ сѣверу находится волканъ. Главный городъ. Таруна при рейдѣ того же имени къ срединѣ запад. берега, подъ 3° 28" сѣв. ш. и 123° 24" вост. д. *Изд.*

развалинахъ, но изувѣрные поклонники *Кали* (1) бросаются въ каналъ, отдѣляющій сей островъ отъ материка. Тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ сей храмъ, обагренный человѣческою кровію, увѣнчанный цвѣтами и одѣтый багряницею, они, воспѣвая пѣсни сей лютой богинѣ, предаются смерти. Достигающіе про-

---

(1) Кали, Колки или *Калфка*, Индійское божество, которому поклоняются Джентусы (Индусы) въ послѣдній день Сентября мѣсяца. Сіе имя дано ему отъ чернаго цвѣта одѣянія его, которымъ оно всегда покрыто; ибо по Индійски слово *калфи* значитъ *чернила*. Ему воздаютъ поклоненіе въ разныхъ мѣстахъ Индостана, гдѣ будто бы хранятся части его тѣла, на пр. *глазамъ* въ Калигатѣ, около 3 миль отъ Калкуты, на берегу небольшаго потока, который Брамины называютъ источникомъ Ганга; *головѣ*, въ Бенаресѣ; *рукѣ* въ Виндубонѣ и пр. Суевѣрные почитатели сего божества утверждаютъ, что оно родилось вооруженное (какъ Минерва изъ головы Юпитера) изъ глаза *Другахи* (Drugah), въ то время, когда она была сильно притѣснена земными властителями. Богиня же *Другахи* (знач. добродѣтель) занимаетъ по своему достоинству первую степень между Индійскими божествами. Она иначе называется *Бованхи*, или *Бованни-Другаха*. Праздникъ ея общій бываетъ у Индійцевъ въ 7 день Сентября и продолжается 8 и 9 дней, на который они приглашаютъ всѣхъ Европейцевъ сосѣдей своихъ, угощая ихъ плодами, цвѣтами, музыкою и пляскою. Сія богиня почитается супругою *Сіеба* или *Сива* (разрушителя), который, по заблужденію Индійцевъ, есть третіе изъ первосозданныхъ трехъ существъ. *Изд.*

тивнаго берега, не имѣя счастія, какъ они въ заблужденіи своемъ думаютъ, пожранными быть отъ акулъ, почитаемыхъ священными, содѣлываются *Паріами* (отверженными), и считаютъ себя предметомъ божескаго гнѣва. Видали матерей ослѣпленныхъ такимъ суевѣріемъ, которыя сами бросали своихъ младенцевъ въ пасть сихъ алчныхъ чудовищъ. Нынѣ, по крайней мѣрѣ при собраніяхъ молельщиковъ въ Сангорѣ, военный отрядъ имѣетъ надзоръ и старается отвращать подобныя жертвы; такъ, что уже мало бываетъ ихъ по принужденію. Чѣмъ далѣе мы подавались вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ менѣе было подводныхъ камней и дженгль становился выше и свѣтлѣе. Мы иногда замѣчали сквозь лѣсъ пагоды и деревни. Пристань покрыта была судами всякаго рода. Загородные домы украшали оба берега: картина дѣлалась пріятнѣе. Вся земля воздѣлана. Все въ движеніи. Примѣтно было, что мы приближаемся къ большему городу. Вышедъ на берегъ я пораженъ былъ величественнымъ видомъ зданій, хотя ни одно изъ нихъ, судя строго, не имѣло правильности. Ряды столповъ, куполовъ, портики, великолѣпные входы: все это будучи перемѣшано съ деревьями

и соединяясь подъ однимъ взглядомъ на берегъ, по которому мѣлькаютъ безчисленныя строенія, составляетъ по истинѣ великолѣпное зрѣлище.

ВОСТОЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Гата карпарамъ (1).

(Разговорная Идиллія, переведенная съ Санкритскаго Г. де Шези.)

Дѣйствующія лица [1. Подруга. 2. Любовница (или жена).

Мрачныя облака снова затмѣваютъ неизмѣримое пространство небесъ: изсохшее нѣдро земли страдаетъ, подобно сердцу юной дѣвы,

(1) Знаменитый Санскритскій Поетъ *Калидасъ*, въ Поемѣ своей *Налодайа*, весьма необыкновенной сочетаніемъ и измѣненіемъ риемъ, подражалъ *Гата-Карпарамъ*; Калидасъ считается въ числѣ *Десяти Перловъ* Двора Вахрамадитыя, Императора Индійскаго, который славился не задолго до Р. Х. Слѣдовательно авторъ *Гата-Карпарамъ* могъ быть современникомъ Тибулу и Овидію. Употребленіе риемъ въ сіе время весьма рѣдко.

Сія небольшая Поема состоитъ изъ тридцати двухъ стиховъ различной мѣры, на подобіе лирической; таковая мѣра весьма употребительна и состоитъ изъ амфибрахія, дактилей, двухъ амфибрахіевъ и одного спондея или хорея. Заглавіе *Гата-Карпарамъ* (сосудъ разбитый) есть послѣднее слово епилога, которымъ неизвѣстный Поетъ почелъ нужнымъ окончить сіе стихотвореніе, почитаемое Индійцами прекраснымъ. *Соч.*

со вздохомъ ожидающей возвращенія своего возлюбленнаго.

Лебеди, устрашенные приближеніемъ бури, скрываются въ тростникъ подлѣ своихъ подругъ; радостные павлины крикомъ и одномѣрными движеніями предвѣщаютъ скорое паденіе дождя.

Беззвѣздное небо лишилось лучшаго своего украшенія, и Гора, постигнутый всеобщей непогодою, прервавъ свои труды, вкушаетъ роскошное отдохновеніе въ объятіяхъ прекрасной Лакхми.

Слоны, пораженные глухимъ звукомъ приближающейся тучи, кипятъ яростію, подобно чудовищнымъ слонамъ, поддерживающимъ землю.

Сопровождаемый громовыми ударами обильный дождь орошаетъ горы, отверзаетъ себѣ тысячу путей, и съ шумомъ низвергается въ кремнистыя ущелья, откуда съ свистомъ убѣгаютъ испуганныя змѣи.

Дерзнетъ ли странникъ устрашенный сей картиною разрушенія, презрѣть грозу, для того чтобы успокоить свою любезную подругу, оставленную и терзаемую страхомъ, ревностью и желаніемъ? . . .

Разсказъ.

Любовница (или жена), исторгнутая изъ глубокой задумчивости сими словами, произнесенными подругою подлѣ нее стоящею, въ горести своей обращается къ облакамъ летающимъ надъ ее главою:

„О тучи, когда въ быстротечномъ полетѣ своемъ достигаете вы мѣстъ, гдѣ возлюбленный мой, безъ меня, провождаетъ дни свои, не уже ли вы оставите меня здѣсь въ одиночествѣ, брошенную жестокимъ, смѣющимся надъ моимъ страданіемъ?

„О сжальтесь надо мною! несите ему отъ раздраженной супруги сіи нѣжные упреки:

„Не время ли, неблагодарный, положить предѣлъ наслажденіямъ, безъ меня вкушаемымъ. Какъ! тогда какъ небо, со всѣхъ сторонъ по-

ресѣкается стаями птицъ, ускоряющихъ полешъ къ гнезду родному, когда жаждущій воробей вкушаетъ подлѣ подруги всѣ радости и удовольствія, жестокой, твоей ли супругѣ изчаевать съ безплодныхъ желаніяхъ?

„Въ поляхъ нашихъ свѣжая трава блеститъ обыкновеннымъ сіяніемъ, оживленная *чатака* пьетъ изъ нѣдра воздуха росу чистую и живопворную; въ лѣсахъ слышно воркованіе сизаго голубя; вездѣ видны слѣды раздѣленнаго счастія; можешь ли ты находить удовольствіе безъ существа столь пламенно и слѣпо тебя любящаго?

„Посреди сихъ пѣсней любви, превышающихъ сладостію пріятнѣйшія звуки, мнѣ ли одной испускать жалобные стоны? Уже ли обманутая въ своей надеждѣ, я буду считать любовь божествомъ жестокосердымъ. Пребудешь ли ты безчувственъ, при взглядѣ на блѣдность лица моего, покрытаго сими власами въ безпорядкѣ лежащими на моей груди? Не пожалѣешь ли ты о той, которую въ сей бездиѣ злоключенія утѣшитъ одно воспоминаніе о твоей прежней любви?

„Должны ли лѣса и цвѣтущіе кусты скрывать слезы покинутой жены? . . . И когда постепенно проясняющееся небо принимаетъ первую красоту свою, почто не приходишь ты, ласковыми словами разсѣять мрачную тучу, покрывающую мои очи?

Любовница (или жена) своей подругѣ.

„Но огоресть! . . . . . пути превратились во рвы непроходимые. Громъ изъ черныхъ облаковъ снова повторяетъ грозные удары, и гибельная любовь безпрерывно тысячьными ударами терзаетъ сіе бѣдное сердце. Скажи же мнѣ, о ты! вѣрнѣйшая подруга моей юности, какъ утушить сей пламень, который пожираетъ меня въ отсутствіи любезнаго? . . . .

„Воззри на сіи цвѣтущія *катаки*! . . . . съ какою нѣжностью колышутъ онѣ свои гибкія вѣтви! сколь превосходятъ онѣ другія деревья сладостью своего запаха. О! вѣрно, неоцѣненное дерево, Брама, даровавши тебѣ столько прелестей, поручилъ тебѣ покровительствовать своею тѣнью сладчайшія тайны супружеской любви. . . . О прелестнѣйшее дерево! . . .

Но одни счастливцы могутъ чувствовать всю твою цѣну.

„И ты, несравненная *липа!* предметъ моего почитанія, кажется, сама любовь улыбается въ твоихъ прелестныхъ цвѣткахъ. . . . Но жестокой, за чѣмъ раздравляешь ты мои раны, представляя безпрерывно, слезящимъ очамъ моимъ, зрѣлища радости? Несчастная! мнѣ ли умирать въ то время, когда бы глаза мои должны были блуждать съ восторгомъ на твоихъ обновленныхъ листьяхъ! . . .

„Наученная природой познавать благодатное время, собиранія меду, смотри, о! милая моя подруга, съ какою заботою трудолюбивая пчела, съ журчаніемъ летая около душистаго ясмина, садится на гибкой стебель и лобзаетъ попеременно сіи нѣжныя цвѣтки, на которыхъ подобно драгоцѣннымъ перламъ, блистаетъ дрожащая капля росы.

„Увы! милые цвѣты мои, сколько я вамъ завидую! . . . Счастливы тѣ, которые въ сіи дни посвященные удовольствію супруговъ наслаждаются ласками возлюбленнаго, и въ упоеніи

восторга спѣшатъ открыть ему сокровеннѣйшія свои чувства и прелести!

Разсказъ.

Но крылатая молва, на крыльяхъ вѣтровъ носимая, шепнула виновному супругу о жалобныхъ стонахъ печальной его подруги, и онъ идетъ, летитъ, горя желаніемъ получить прощеніе; наконецъ по прошествіи нѣсколькихъ дней мрачная обитель скорби превратилась въ счастливое жилище.

Епилогъ.

О вы! слушающіе мои пѣсни, клянусь благосклонностію той, которая поработила всѣ мои мысли и ими повелѣваетъ; клянусь коснуться своими перстами чистой воды жертвоприношенія! Клянусь, что одинъ только Поетъ можетъ превзойти меня въ красотахъ, которыми исполнены сіи стихи, и я добровольно осуждаю себя черпать для него воду Ганга, въ сосудъ пробитый тысячью отверстіями.

Съ Франц. Н. Ат.

Арабскія пословицы.

Цѣлуй руку, которой не льзя укусить.

По волоску съ каждой бороды, соберешь цѣлую бороду.

Одинъ пошелъ къ брадобрѣю обрить свою бороду, а другой свою голову, сказавъ, что всякъ дѣлаетъ то, что ему угодно.

Всякая борода имѣетъ свою гребенку.

Когда хочешь посмѣяться надъ смуглымъ, одѣнь его въ красное платье.

Добро состоитъ не въ мѣстѣ, но въ людяхъ тамъ живущихъ.

Хорошее и скромное не бываютъ вмѣстѣ.

Бедуинъ спустя 40 лѣтъ отомстилъ своему врагу, сказавъ это еще очень скоро.

Несовладавшій съ своею тещею, гнѣвается на свою жену.

Умной врагъ, лучше глупаго друга.

По крайней мѣрѣ добрыя дѣла остаются на семъ свѣтѣ.

Дѣлай добро, хотя бы оно падало въ море, если оно не явится предъ рыбами, то явится предъ Богомъ.

Наше добро также полезно другимъ, какъ и намъ самимъ.

Не дѣлай добра, если не хочешь имѣть неблагодарныхъ. (Но добро должно дѣлать не для снисканія благодарности.)

Откладывай въ сторону бѣлую деньгу. (Береги деньгу на чорный день.)

Солнце! куда дѣваться отъ прачекъ? спрашивала вода.

Это ни православный, ни невѣрный, но одинъ изъ выпустившихъ вонъ быка.

Когда ты не невѣжа, то сперва выпей самъ, а потомъ подчивай гостя. (По обычаю Восточныхъ народовъ.)

Не стой у чужаго мѣшка съ рожью; онъ тебѣ запылитъ бороду, и ты устанешь стоя, пока его опорожнятъ.

Я выбралъ изъ калекъ калеку и лишь посадилъ его къ себѣ за спину на осла, какъ вдругъ его рука очутилась въ моемъ чемоданѣ.

Счастіе ожиданный, а бѣда нечаянный гость.

Сирійскому шуту *Джигею* нѣкто сказалъ: попроси отца, чтобы купилъ тебѣ *нижнюю шапку*; на что просить его, отвѣчалъ шутъ, развѣ онъ не видалъ меня безъ шапки.

Когда случится тебѣ быть между кривыми, то будь и самъ кривъ. (Т. е. Предъ людьми просты-

ми и недалыпяго ума не выказывай своихъ отличныхъ познаній и преимуществъ.)

Если бы верблюдъ видѣлъ свой горбъ, то онъ бы упалъ и сломилъ себѣ шею.

Когда наполнишь свое брюхо, тогда глазу будетъ стыдно.

Купившіе дешево мясо, сваривъ оное будутъ раскаиваться.

Отдавай твой хлѣбъ печь хлѣбнику, хотя бы онъ съѣдалъ самъ половину.

Когда Богъ приводитъ народы въ смятеніе; тогда великихъ людей дѣлаетъ малыми.

Ночью горячій уголь, а утромъ искра.

Многіе руки поваровъ сожгли жаркое. (У семи нянекъ дитя криво.)

На злой вередъ нѣтъ лучшаго лѣкарства, какъ то, которое его злѣе.

Ничего не дѣлай, не помысливъ о цѣли.

Когда я буду и богатъ, то все буду подаркамъ радъ.

Заемъ займомъ, а подарокъ подаркомъ.

Кремень сдержитъ толчокъ отъ глинянаго сосуда (кувшина).

На семъ свѣтѣ нѣтъ безконечнаго несчастія.

АЗІЯТСКІЯ НОВОСТИ и СМѢСЬ.

I.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

О нынѣшнемъ состояніи нѣкоторыхъ областей и городовъ въ Средней Азіи.

(Продолженіе.)

Балкъ.

Сею областью недавно завладѣлъ *Миръ-Мурадъ-бей*. Она особенно изобильна шелкомъ, изъ коего выдѣлываются хорошія ткани. Жители оной суть Узбеки, которые весьма образованы, чѣмъ обязаны наиболѣе торговлѣ съ Персіянами. Они менѣе прочихъ тамошнихъ обитателей склонны къ хищничеству, во всемъ же прочемъ сходны съ ними. Сія область раздѣлена на многіе округи, изъ коихъ главнѣйшіе суть: *Катланъ*, *Токарестанъ* и *Бедакшанъ*; а лучшія города: Балкъ, Андерабъ и Бедакшанъ.

Балкъ лежитъ на предѣлахъ Персіи при р. Дехаскѣ, впадающей около 500 верстъ отъ него къ сѣверозападу въ рѣку Аму. Городъ сей великъ, красивъ и хорошо населенъ; большая

часть въ немъ зданій построена изъ камня или кирпича. Онъ укрѣпленъ земляными валами, снаружи одѣтыми каменною стѣною, довольно высокою и служащею для защиты валовъ. Дворецъ Шаха есть большое зданіе въ Восточномъ вкусѣ, который весь почти построенъ изъ мрамора, добываемаго въ ближайшихъ горахъ. Какъ иностранцы пользуются въ семъ городѣ совершенною свободой, то онъ содѣлался средоточіемъ всей торговли, производимой между Бухаріею и Индіею. Большая рѣка протекающая въ его предмѣстіи, также много къ тому способствуетъ, не говоря о пошлинѣ на товары, платимой не свыше 20%. Проѣзжающіе же безъ торгу чрезъ здѣшнюю область вовсе ничего не платятъ. Изъ Бухары въ Балкъ обыкновенной ѣздой можно прибыть въ 8, а съ караваномъ въ 12 дней.

Андерабъ, самый южный изъ городовъ нынѣ владѣемыхъ Узбеками, лежитъ при подошвѣ горъ раздѣляющихъ Персію отъ Индіи и Великой Бухаріи. За неимѣніемъ иной дороги чрезъ горы съ вьючнымъ скотомъ со стороны Индіи, какъ чрезъ сей городъ, всѣ путешественники и купцы, отправляясь сюда съ товарами изъ Великой Бухаріи, должны платить за переходъ по

4º. По сей причинѣ содержится здѣсь хорошая стража, которая тѣмъ нужнѣе, что самой городъ не очень укрѣпленъ. Въ смежныхъ горахъ есть богатыя ломки *лазуреваго камня* (lapis Lazuli), которымъ Бухарцы производятъ большой торгъ въ Персіи и Индіи.

Бедакшанъ, весьма древній и крѣпкій городъ, по своему мѣстоположенію на сѣверномъ берегу рѣки Аму, при подошвѣ высокихъ горъ, раздѣляющихъ Индостанъ съ Татаріею. Хотя оный не великъ, но хорошо выстроенъ и населенъ. Тамошніе жители обогащаются отъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, также отъ рубиновъ, находимыхъ не въ дальнемъ отъ него разстояніи. Горцы же собираютъ весьма много золота и серебрянаго песку, въ ручьяхъ скопляющихся отъ тающихъ снѣговъ на горахъ, называемыхъ по Монгольски *Белуръ-тагъ* (черныя горы), въ коихъ находится источникъ рѣки Аму, извѣстной жителямъ подъ именемъ *Гарратъ*. Здѣсь большая дорога для каравановъ идущихъ въ Малую Бухарію, или отправляющихся симъ же путемъ въ Китай. Бедакшанъ съ округомъ своимъ до покоренія Миръ-Мурадъ беемъ находился подъ независимымъ владѣніемъ Мирай-Келана, сына Миръ-Мурадъ Шаха. Жители

Кухистанцы, говорящіе по Персидски. Изъ Бухаріи въ Бедакшанъ должно ѣхать чрезъ Гисаръ.

Кокантъ.

Кокантское владѣніе прежде было необширно и граничило къ сѣверу съ такъ называемыми Каменными Киргизами или Бурутами, къ западу съ Бухаріею, а къ югу съ Персіею; но въ послѣдствіе предѣлы онаго весьма распространены присоединеніемъ Ташкента и Туркестана. Городъ Кокантъ расположенъ на обширной равнинѣ при Сыръ-дарьѣ. Укрѣпленій никакихъ около его нѣтъ, кромѣ дворца Владѣтеля, которой обнесенъ оградою. Въ окрестности земля солонцоватая, но есть также мѣста луговыя и пахотныя. Утверждаютъ, что въ Кокантѣ до четырехъ сотъ мечетей. Много также памятниковъ древности. Городъ сей обширенъ и многолюденъ. Улицы въ немъ узки; домы сдѣланы изъ глины (мазанки). Главную промышленность городскихъ и окружныхъ жителей составляютъ разведеніе хлопчатой бумаги и шелководство. Выдѣлываемыя здѣсь ткани промѣниваются болѣе Бухарцамъ на Россійскіе товары. Кокантцы производятъ так-

же торговлю съ Китаемъ, Хивою и Персіею.

(*Окончаніе впредь*).

Онкаръ-Мундаттская скала.

Сія скала находится въ Мальвской области Восточной Индіи (Central India). Она простирается въ вышину на 120 футовъ и имѣетъ видъ копья. Долго остающіяся бездѣтными Раджепутки дѣлаютъ обѣтъ, что первое рожденное дитя, будетъ свержено съ вершины оной въ жертву богамъ. Мать сообщаетъ о семъ первенцу своему въ самомъ еще дѣтскомъ возрастѣ и столько поражаетъ тѣмъ его воображеніе, что онъ почитаетъ свою судьбу неизбѣжною. Языческое суевѣріе внушаетъ, что таковая жертва возродится Раджею въ другомъ свѣтѣ, если же по низверженіи останется въ живыхъ, то сдѣлается Раджею (Княземъ) въ тамошней области; гдѣ вѣрятъ что и нынѣшніе Владѣтели оной происходятъ отъ одной изъ такихъ жертвъ. Иногда примѣшиваютъ въ пищу обреченнаго на жертву ядъ, чтобы смерть его была тѣмъ вѣрнѣе. Нѣкоторые приближаются къ скалѣ, какъ бы влекомые невидимою силою; другіе, кои не имѣютъ

столь живаго воображенія, ободряются къ тому возбудительными напитками. По достиженіи на край пропасти возвращеніе имъ уже не позволительно. Сіи жертвоприношенія и донынѣ еще часто случаются.

(Изъ N. An. des Voyages.)

Тхуги или давильщики, общество воровъ въ Восточной Индіи.

Воры, по презрительному промыслу своему, составляютъ въ Индіи цѣлыя общества, имѣющія свои обычаи и постановленія. Изъ числа сихъ воровскихъ обществъ отличаются такъ называемые *Тхуги* (Thugs), находящіеся въ области Мальвской. Это шайка бродягъ нищихъ, между коими много и Браминовъ. Они нападаютъ на богатыхъ путешественниковъ, прося у нихъ милостины или покровительства, а иногда берутся и провожать ихъ. Сіи бродяги принимаютъ разные виды и узнаютъ другъ друга по условнымъ знакамъ. Они подъ одеждою своей носятъ шелковой снурокъ, которой нечаянно накидываютъ на шею своей обреченной жертвы, и такимъ образомъ вдругъ задавивъ несчастнаго, грабятъ. Когда случится число путешественниковъ превосходное, то

они приглашаютъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, мѣшаютъ въ пищу усыпительные составы, и во время сна давятъ ихъ, но всегда своимъ снуркомъ (*).

(Изъ N. An. des Voyages.)

(*) Сія и предъидущая статьи свидѣтельствуютъ, сколь еще безчеловѣчны и невѣжественны языческіе народы въ Азіи.

II.

Восточная Библіографія.

Извѣстіе объ изданіи подлинника Исторіи Монголовъ и Татаръ Абулгаза Багадуръ Хана.

Abulgasi Bahadur Chani Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia illustrissimi Comitis Nicolai de Romanzoff Imperii Russici Cancellarii supremis. Casani MDCCCXXV ex Universitatis Imperialis Typographeo. (Абулгаза Багадуръ Хана Исторія Монголовъ и Татаръ, нынѣ въ первый разъ изданная по распоряженію и иждивеніемъ (покойнаго) Государственнаго Канцлера Графа Николая (Петровича) Румянцова въ Казани, въ Типографіи Императорскаго (Казанскаго) Университета. 1825. Въ поллиста; на Татарскомъ языкѣ 216 ф. 11 и на Латинскомъ въ Предисловіи къ ученому читателю Г. Академика Френа, IX стр.

Для поданія надлежащаго понятія о сей книгѣ, важной не только въ отношеніи къ Исторіи Монголовъ и Татаръ, но и нашей отечественной, приобщаю здѣсь переводъ Предисловія Г.

Френа, объясняющаго цѣль изданія оной въ подлинникѣ и другія любопытныя подробности.

„*Абулгази-Багадуръ-Ханъ*, сынъ Арабъ-Мугаммедъ-Хана, производящій свой родъ отъ знатной крови Джингисъ-Хана, родился въ 1605 году отъ Р. Х, а въ 1644, послѣ разныхъ приключеній, сдѣлался Ханомъ Хорезміи. Онъ незадолго предъ своею кончиною, послѣдовавшею въ 1664 году, сочинилъ описаніе о происхожденіи и дѣяніяхъ Монголовъ и Татаръ, а особливо о подвигахъ Джингисъ-Хана и потомковъ его въ разныхъ странахъ Азіи, также преимущественно о новѣйшихъ событіяхъ Хорезмскихъ (на природномъ своемъ Татарскомъ Хорезмскомъ языкѣ, или какъ самъ именуетъ на Восточномъ), которое частію совершилъ самъ, частію же, впавъ въ тяжкую болѣзнь, поручилъ другимъ писцамъ внесть въ книгу, названную имъ: *Родословная Турковъ* (Stemma Turcarum). По смерти его, сыновья, исполняя волю своего родителя, старались объ окончаніи сего творенія.

„Сія книга заслуживаетъ уже вниманіе и по изложенію событій Монгольскихъ и Татарскихъ до временъ сочинителя, почерпнутыхъ изъ Персидскаго временника *Фашлль-Уллахъ-Ра-*

шида (Fasl-Ullah-Raschidi); но она пѣмъ еще важнѣе, что сообщаетъ о дѣлахъ бывшихъ при жизни его, или въ ближайшее къ нему время, въ Хорезміи и Маваренагрѣ. Точное повѣствованіе объ оныхъ должно считать и нынѣ почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпается Исторія о сихъ странахъ, въ продолженіи означенаго времени. Сверхъ того она представляетъ особенный образецъ Татарскаго нарѣчія, который заслуживаетъ вниманіе всѣхъ прилежныхъ изслѣдователей свойства и духа Азіятскихъ языковъ. Сія книга въ первый разъ сдѣлалась извѣстною ученому свѣту въ 1726 году, по переводу ея на Французской языкъ, изданному въ Лейденѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Histoire généalogique des Tatars traduite du manuscript Tartare d'Abulgasi-Bagadur-Chan et enrichie d'uu grand nombre de remarques authentiques trés curieuses sur le véritable estat présent de l'Asie septentrionale avec les cartes géographiques nécessaires. Par D***. (Родословное повѣствованіе о Татаріи, переведенное съ Татарской рукописи Абулгази-Багадуръ-Хана и обогащенное многими подлинными весьма любопытными примѣчаніями, объ истинномъ нынѣшнемъ состояніи сѣверной Азіи, съ присо-

вокупленіемъ нужныхъ Географическихъ картъ Г. Д***). Хотя неоспоримо, что сей переводъ весьма много послужилъ къ объясненію Монгольской и Татарской Исторіи, которая сперва покрыта была густымъ мракомъ, однако же не льзя умолчать, что кто прилежно занимается Исторіею, найдетъ оной столь удаленнымъ отъ подлинника, что едва можно имъ пользоваться свѣдущимъ въ Исторіи и языкахъ Востока. Когда послѣ славной побѣды Полтавской въ 1709 году нѣкоторые плѣнные Шведы сосланы были въ Сибирь и въ числѣ сихъ военныхъ людей были ученые, любившіе заниматься встрѣчавшимися имъ на пути древними памятниками, то они узнавъ въ Тобольскѣ о существованіи книги Абулгаза Хана, тотчасъ побуждены были новостію и важностію содержанія, къ переложенію оной и изданію въ свѣтъ. Виновникомъ сего предпріятія наиболѣе почитается Фил. Іо. Табертъ де *Штраленбергъ*. (Phil. Io. Tabbert de Strahlenberg). Тамъ былъ одинъ Ахунъ (Могаммеданскій духовный), родомъ Бухарецъ, довольно знающій Русской языкъ, котораго видѣлъ еще Миллеръ во время путешествія своего по Сибири въ 1734 году, и котораго я

считаю за одного съ упомянутымъ въ оставшихся дневныхъ запискахъ Мессершмидта (diarii Messerchmidtiani) подъ именемъ Ахуна *Асбекевича*. Сей-то Ахунъ, по прозьбѣ Штраленберга, переводя по Русски Татарскій подлинникъ, сказывалъ Русскому писцу, а съ тѣмъ вмѣстѣ одинъ изъ Шведовъ (Schönström?) переводилъ то же на Нѣмецкій языкъ. Съ Нѣмецкаго же перевода, который у Штраленберга, по собственнымъ его словамъ, сохранялся еще въ 1730 году, и съ котораго списокъ, по моему мнѣнію, бывшій нѣкогда въ *Брюсовой* (Bruccanae) библіотекѣ, нынѣ находится въ Азіятскомъ Музеѣ Императорской С. П. б. Академіи Наукъ, сдѣланъ упомянутой переводъ Французской. Не извѣстно, кто былъ Французскій переводчикъ, можетъ быть не самъ ли издатель де Вареннъ или Вареннъ де Мондассъ (De-Varennes et Varenne de Mondasse). Прибавленныя къ оному ученымъ мужемъ Бентинкомъ (*Bentinkio* multiplicis lectionis viro) примѣчанія довольно уважительны. Самый же переводъ, будучи сдѣланъ такимъ образомъ, неудивительно (какъ мы уже выше сказали), что наполненъ всякаго рода погрѣшностями; но удивительно то, что книга сія, переведенная на Англійскій языкъ, въ

томъ же видѣ издана 1730 (если только вѣрно показаніе), а еще болѣе, что въ 1734 году Тредіаковскій вновь перевелъ се по Русски и издалъ въ С. П. б. 1770 г. съ Бентинковыми примѣчаніями, подъ заглавіемъ: *Родословная Исторія о Татарахъ, переведенная на Французскій языкъ съ рукописныя Татарскія книги, сочиненія Абулгачи-Баядуръ-Хана, и дополненная великимъ числомъ примѣчаній достовѣрныхъ и любопытственныхъ о прямомъ нынѣшнемъ состояніи Сѣверныя Азіи, съ потребными Географическими Ландкартами, а съ Французскаго на Россійскій въ Академіи Наукъ.* Т. 1 и 2. Печ. *при И. Академіи Наукъ.* Въ то время можно уже было и въ С. П. бургѣ сдѣлать новой и достойной переводъ съ вѣрнаго списка подлинника (*).

(*) Въ особенности нынѣ можно сего желать и надѣяться, когда мы имѣемъ Г. Френа и другихъ свѣдущихъ Оріенталистовъ, и когда подлинникъ Абулгазовой Исторіи находится уже печатной. Самое поверхностное сличеніе сего послѣдняго съ Русскимъ переводомъ Тредіаковскаго открываетъ уже въ ономъ многія недостатки и погрѣшности. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, во ожиданіи лучшаго разбора: 1) Главы подлинника въ семъ переводѣ названы книгами, а отдѣленія сдѣланы особыми главами; 2) Раздѣленный въ подлинникѣ текстъ часто соединенъ вмѣстѣ, или на оборотъ; 3) Большая часть собственныхъ именъ перепорчены и несогласны съ настоя-

„Желая отвратить столь великой вредъ для наукъ, и особенно по той части Исторіи, которая содержится въ сей книгѣ, Г. Гаттереръ, бывшій Профессоромъ въ Геттингенѣ, оный Нѣмецкій переводъ, списанной стараніемъ Доктора Медицины Дан. Теоф. Мессершмидта въ 1721 г., а въ 1778 вмѣстѣ со спискомъ Татарскаго подлинника неизвѣстно кѣмъ внесенный въ Библіотеку Геттингенскаго Университета, спустя два года помѣстилъ въ 12, 15 и 16 частяхъ *Историческихъ Записокъ* (Historisches Journal). Оттуда же помѣщенъ былъ оной въ VII Т. Всеобщей Исторіи морскихъ и сухопутныхъ странствованій (Allgem. Historie der Reisen zuwasser und zu Lande); а потомъ изданъ особою книгою подъ заглавіемъ: Abulgazi Bagadur Chann's Geschlechtbuch der Mungalisch-Mogulischen oder Mogorischen Chanen. Aus einer Turkischen Handschriftins Teuctsche übersedzt v. Dr. D. J. Messerschmidt. (Абулгази - Багадуръ - Хана родословная книга Мунгало-Могульскихъ или Могорскихъ Хановъ, переведена на Нѣмецкой языкъ съ Турецкой рукописи Докторомъ Д. Т. *Мессершмид-*

щимъ произношеніемъ; 4) Многіе сдѣланы пропуски, какъ то на пр. на стр. 17, 18, 19 и проч. Не льзя не пожалѣть, что до сихъ поръ руководствовались столь невѣрными переводами сей нужной и можно сказать классической книги. *Изд.*

томѣ (въ Геттингенѣ 1780). Но при семъ должно замѣтить, что и самъ Мессершмидтъ, при многихъ своихъ впрочемъ достоинствахъ, не былъ свѣдущъ ни въ языкахъ, ни въ Исторіи Азіятскихъ народовъ (что здѣсь должно составлять главное) и не зналъ Татарскаго языка, а посему не могъ онъ переводить и Абулгаза самъ, но только съ чужимъ пособіемъ, и слѣдовательно, безъ сомнѣнія должно заключить, что переводъ почитаемый его собственнымъ, сдѣланъ тѣми же переводчиками Татарскимъ и Русскимъ, въ то же самое время и съ того же списка, какъ и Штраленберговъ, коему одолженъ Французскій. Если же вникнуть въ сіе дѣло со вниманіемъ, то и сей Нѣмецкій переводъ, который можно предпочесть Французскому, развѣ только потому, что сдѣланъ съ Татарскаго посредствомъ языка Русскаго, хотя и въ семъ послѣднемъ Мессершмидтъ мало былъ свѣдущъ, должно считать товарищемъ Французскому переводу. Изъ сихъ обстоятельствъ явствуетъ, что Нѣмецкій Мессершмидтовъ переводъ тѣмъ же подверженъ почти порокамъ, какъ и Французскій (1). Дѣй-

(1) Но это однѣ только догадки. Надобно свѣрить оба перевода, чтобы можно судить объ нихъ основательно. *Изд.*

ствительно оной содержитъ въ себѣ столько явныхъ ошибокъ, что и въ прочихъ мѣстахъ не заслуживаетъ вѣры. И потому знатоки употребляютъ сей переводъ не иначе, какъ сличая и сравнивая съ самымъ подлинникомъ. То же самое можно было бы сказать, еслибъ изданы были въ свѣтъ, какъ нѣкогда предполагалось, и другіе два перевода: *Латинскій*, начатый Ѳеоѳ. Сигфр. *Байеромъ*, по словамъ его, для собственнаго своего употребленія, и для образца помѣщенной въ *Новыхъ ученыхъ сочиненіяхъ* (Novis actis eruditorum) 1722 г. и *Нѣмецкій*, составленный Георг. Як. Керомъ (Kehrio), при концѣ 1736 г. Императорской Академіи Наукъ поднесенный, нынѣ же сохраняемый въ Азіятскомъ ея Музеѣ, съ недостающими въ немъ нѣсколькими листами. Изъ нихъ Байеръ, хотя свѣдущій мужъ въ Словесныхъ наукахъ, но Могаммеданскіе языки знавшій гораздо менѣе, нежели какъ объ немъ вообще думали, а Татарскій очень слабо (non nisi alimene salutaverat); а потому въ семъ своемъ переводѣ, сколько можно видѣть изъ упомянутаго образца, принужденъ былъ руководствоваться опытъ Штраленберговымъ, который до сего былъ вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ. Керъ, начавшій свой трудъ

по совѣту Байера, устрашенный впрочемъ, какъ самъ признается въ письмахъ къ *Гобилю* (Gaubilius), великою для него трудностію Татарскаго языка, хотя въ знаніи Могаммеданскихъ языковъ гораздо превосходилъ Байера, и Татарскимъ занимался преимущественно предъ бывшими тогда въ Россіи учеными иностранцами; однако же онъ не имѣлъ въ немъ достаточныхъ свѣдѣній и произвольно поступалъ въ такомъ дѣлѣ, для котораго не только тогда, но къ сожалѣнію и нынѣ еще не всѣ находятся учебныя пособія; притомъ же онъ вовсе не имѣлъ дара тонкой и смѣтливой разборчивости, почему иначе быть не могло, какъ только вездѣ въ темныхъ для него мѣстахъ сочинять переводъ, который по истинѣ можно назвать чудовищемъ безобразнымъ, ужаснымъ, огромнымъ и слѣпымъ, и который, къ счастію, остался не изданнымъ; ибо оный будучи буквально сдѣланъ, подъ видомъ точности, приводилъ бы читателей въ обманъ и грубѣйшія заблужденія.

(Окончаніе впредь.)

АЗІЯТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

МАЙ, 1826.

НАУКИ и ИСКУСТВА.

О началѣ и распространеніи Монгольскихъ народовъ.

(*Продолженіе.*)

Халха-Монголы подвластны тремъ Ханамъ, которые владѣютъ: Тушету Ханъ, ордою кочующею въ сѣверной сторонѣ отъ большой Монгольской дороги и составляющею 26 знаменъ; Сасакту Ханъ, кочующими по западную сторону той дороги 11 знаменами; а Цеценъ Ханъ, на восточной сторонѣ, той же дороги 17 знаменами (1).

Сверхъ сихъ еще три знамя составляютъ Зюнгарскіе, Елетскіе, Хоитскіе и Хамильскіе Монголы; всѣ же пятдесятъ семь знаменъ на-

(1) Нынѣ существуетъ то же раздѣленіе. *О.*

зываются Халхасскими. Подлѣ нихъ на большой степи Гоби (1) и около Китайской стѣны до самаго Тибета, кочуютъ орды, имѣющіе только Князей, а не Хановъ. Оные состоятъ изъ 49 знаменъ; Зюнгарскіе же Елеты раздѣляются на 8 знаменъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ Цохаръ-Монгольскимъ округамъ. Всѣ сіи орды почитаются военнослужащими, и для того подать платятъ единственно своимъ Ханамъ, Хунтайджамъ, Тайджамъ, и Ноіонамъ, а не Китайскому Двору. Кромѣ сихъ есть еще орда называемая Елетъ-Зюнгарская; владѣющіе ею девять Князей, во время Бушукту-Хана добровольно покорились Китайцамъ и за то отъ воинской службы и дѣленія на знамена освобождены; а должны только каждой годъ присылать въ Пекинъ посланниковъ съ ясакомъ. Чингисовъ тронъ съ принадлежностями и оружіе его, хранятся шестью родами называемыми *Ортосъ-Монголъ*, между коими, какъ сказываютъ, сей Ханъ пребываніе имѣлъ. Оные свято ими соблюдаются. При вступленіи же во владѣніе каждаго новаго Богдо-Хана, коверъ

---

(1) Хотя сіе имя принадлежитъ всякой безплодной степи, песчаной или каменистой; но мы обыкновенно подъ нимъ разумѣемъ только одну, иначе называемую еще *Шамо*. С.

съ трона отвозится въ Пекинъ, для возложенія на Китайской тронъ, а вмѣсто онаго всегда присылается въ Монголію другой. Ортосъ-Монголы также отъ службы и податей уволены, и состоятъ только подъ вѣдомствомъ Китайскаго Двора. Главный начальникъ Монголіи называется *Узантшунгъ*, которому подчинены всѣ *Зантшунги* (Дивизіонные Генералы), а въ слѣдствіе того и всѣ Монгольскія войска.

Для лучшаго понятія о состояніи Монголіи приложена (Лангансомъ) карта, сочиненная по достовѣрнымъ извѣстіямъ, сообщеннымъ отъ Ламы Джанбы Гармаева, которой былъ природной Монголъ, перешедшій въ Россійские предѣлы въ 1766 году (1).

Оная содержитъ только одну часть Халха-Монгольскихъ владѣній (по тогдашнимъ свѣдѣніямъ), а именно: Сасакту-Хана и его Хутухты станъ при рѣкѣ Улаcту-голѣ, въ коемъ хранится Китайская казна, оружіе и провіантъ, и гдѣ собираются Монгольскіе Чины на сеймъ. Монголы Сасакту-Хановой орды живутъ по рѣкамъ: Забханъ-голѣ, Уласту-голѣ, Делгеръ-ме-

(1) Карта сія, по причинѣ многихъ явныхъ противорѣчій съ изданными картами и новѣйшими о Монголіи свѣдѣніями, здѣсь не помѣщается. *O.*

рену, Харѣ, Усу, тремъ Тамирамъ и вдо
по Орхону до Ерденизо, въ степяхъ Шаргаин
и Галбаинъ-гоби, а къ западу по рѣкамъ Кем
Кемчикъ и Хобдо, до Калмыцкихъ границъ. В
большомъ городѣ Хара-Усунъ-хото, построе
номъ при рѣкѣ Хара-Усунѣ и почитающемо
столицею всей Монголіи, жительствуетъ то
же орды Князь, произходящій отъ Саинъ-Ной
на, которой во время войны съ славнымъ Б
шукту, за оказанныя Китайскому Двору в
жныя услуги, сдѣланъ наслѣдственнымъ пр
вителемъ всей Монголіи, съ чиномъ Узандшу
га, и родственница Богдо-Хана въ замужеств
за него отдана; потомки коей и донынѣ в
то правленіе наслѣдственно вступаютъ. В
семъ же столичномъ городѣ пребываніе им
етъ Хутухта Заія Бандида съ своими дух
вными и большимъ при капищахъ училищем
Орда Тушету Хана кочуетъ по рѣкамъ Селе
гѣ, Гее-голу, Четъ-кету, Орхону, Толѣ, въ сте
пяхъ Номіенъ и Шамханнъ-гоби, къ сѣверу д
Россійскихъ, а къ востоку до Цеценъ-Хано
выхъ границъ. Въ оной знатнѣйшее мѣсто
Кюре (Урга) при рѣкѣ Толѣ, составляетъ не
премѣнный станъ и столицу Хутухты Дзэ
зенъ-Дамбы съ его духовными и Ламайским

училищемъ, въ коемъ, какъ говорятъ, до десяти тысячъ учениковъ. Тамъ имѣетъ пребываніе Китайскій Вангъ или Генералъ, которой съ однимъ изъ Монгольскихъ Князей вѣдаетъ дѣла до правленія и границы касающіяся. Неподвижныхъ домовъ здѣсь нѣтъ, но всѣ сдѣланы на образецъ Калмыцкихъ юртъ изъ войлоковъ. Ханской дворцовой станъ находится недалеко отъ Урги, также при рѣкѣ Толѣ. Въ восьми дняхъ пути отъ Кяхты, въ верхъ по рѣкѣ Орхону Городъ Ердснизо, обитаемой Ламами и состоящій изъ каменныхъ и деревянныхъ строеній. Нынѣ оной не такъ многолюденъ, какъ прежде былъ (1). Принадлежащій сему же Хану монастырь находится при рѣчкѣ Гиванѣ. Оной называется Амуръ-Баясъ-Гзолонгту и содержитъ въ себѣ великое множество Ламъ; строенія въ немъ всѣ каменныя. Есть еще весьма знатной монастырь на Ханъ-олѣ, недалеку отъ большей степи Шангшаинъ-гоби. Тамъ столица Хутухты Манзушери-Номинъ-Хана, которой также имѣетъ большое училище и великое множество въ капищахъ жре-

---

(1) Вѣроятно сей городъ или монастырь и совсѣмъ уже запустѣлъ; ибо оной былъ назначенъ Хутухтою для жительства Ламъ, только на сто лѣтъ, которыя давно минули. *С.*

цовъ. Сверхъ того въ семъ владѣніи множество монастырей и скитовъ по горамъ и въ пещерахъ, гдѣ труженики проводятъ жизнь свою, питаясь одними растѣніями. Пространство земли, представленное на картѣ, означить можно было только по днямъ верховой ѣзды. Монголы считаютъ въ одномъ днѣ ѣзды по ровнымъ мѣстамъ отъ 50 до 60, въ гористыхъ же отъ 20 до 30 и до 40 верстъ; а по сему полагаютъ они отъ Урги до Ердснизо отъ 7 до 8, отъ Ердснизо до Хара-Усунъ-хото также отъ 7 до 8, а отъ Хангейскихъ до Алтайскихъ горъ 15 дней верховой ѣзды. Почта же отъ Урги до Пекина доходитъ въ девятеро сутокъ.

Вскорѣ послѣ бывшаго Монгольскаго сейма, на которомъ 27 главныхъ Владѣтелей всѣхъ 44 Монгольскихъ и Елетскихъ родовъ, установивъ общія для всѣхъ узаконенія и права, вѣчный между собою союзъ заключили. Въ то же время Торготской Ханъ, увѣдомясь отъ Бухарскихъ купцовъ, что Татарскія Царства Казанское и Астраханское разрушены, и всѣ тамошнія земли остались безъ защиты, пошелъ съ подвластнымъ ему народомъ отъ Коко-нора (Синяго озера.), Тибетскихъ и

Малой Бухаріи границъ, къ сѣверозападу; въ 1608 году расположился онъ кочевьемъ около рѣки Урала. Сосѣдственной Сибири причиняемы были отъ него многія безпокойства. Когда же онъ убитъ на бывшемъ въ 1644 году съ Россійскими войсками сраженіи, то сынъ его Лобзангъ съ 4000 сѣмей проникъ за Уралъ до Волги, куда въ 1646 году и большой братъ его Дайчшингъ Хунтайджа съ достальною Калмыцкою ордою отъ Урала прибылъ. Тамъ сія орда кочевала 14 лѣтъ; по прошествіи коихъ Дайчшингъ, не видя къ завоеваніямъ довольно удобности, вознамѣрился на прежнее мѣсто возвратиться, подъ видомъ сохраненія заключеннаго между Монгольскими Владѣтелями союза, отбытіемъ отца его нарушеннаго. Между тѣмъ какъ онъ въ путь готовился, пріѣхала въ Торготскую орду, будто бы для посѣщенія своего родственника, жена Дербетскаго Князя Дайчшингъ Хошоотши; а вскорѣ послѣ того прибылъ и мужъ ея съ войскомъ, также съ притворнымъ намѣреніемъ ея обратно къ себѣ взять; но кочевавшій въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ кои ему проходить должно было, братъ Дайчшингъ Хунтайджи, Торготской Князь Елденгъ, не пропуская его далѣе, напалъ на него и захвативъ

въ плѣнъ велѣлъ умертвить. По сему нечаянному произшествію, Дайчшингъ Хунтайджа, опасаясь себѣ за смерть Хошоотши отмщенія, вознамѣрился остаться въ Россіи, и обладая разсѣянными малыми ордами Татаръ, быть ея союзникомъ. Во время пребыванія его въ Россіи, произшествія Калмыковъ или Торготовъ и присоединенныхъ къ нимъ другихъ Елетскихъ родовъ, обстоятельно описаны уже Г. Палласомъ.

Извѣстно, что Калмыцкая орда, кочевавшая 126 лѣтъ около рѣки Волги, выступила для обратнаго удаленія оттуда за нѣсколько дней предъ началомъ 1771 года (1). Сказываютъ сіи Калмыки, что Намѣстникъ Ханства Убаши, остановясь тогда у Горы *Богдо-олы*, находящейся въ степи на восточной сторонѣ Волги, за 100 верстъ отъ города Чернаго-яра, торжественно прощался съ тамошнею землею, а Ламы ихъ на той же горѣ, воображаемымъ ими богамъ хранителямъ оной земли, за дарованныя въ прошедшія времена блага, приносили жертвы.

---

(1) Обстоятельное извѣстіе: *О переходѣ Тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарію*, переведенное съ Манжурскаго (а не съ Китайскаго) языка О. В. Липовцовымъ, напечатано въ XII Ч. Спб. Вѣст. 1820 г. *О.*

Прежде еще отправленія ихъ посланы были гонцы, къ Аблаю Хану Киргизской орды съ требованіемъ свободнаго пропуска и обѣщаніемъ, что отъ Калмыкъ Киргизамъ никакого вреда причинено не будетъ. Какъ на сіе послѣдовало согласіе, то Калмыки и прошли безъ всякаго урона до конца Киргизскаго владѣнія, гдѣ нѣкоторыя только воровскія шайки Киргизовъ дѣлали на нихъ нападенія, однако же по большой части счастливо были отражаемы (1).

Прибывъ на Зюнгарскую границу послали они къ Китайскому Двору съ прошеніемъ о принятіи ихъ въ подданство, почему и было дозволено имъ вступить въ Монголію; а какъ проходили они Алтайскія горы зимою, то людей и скота множество у нихъ погибло. Въ слѣдствіе сего на первой случай, какъ скоро они прибыли въ Монголію, роздано имъ на пропитаніе нѣсколько скота; потомъ получили всѣ ихъ начальники дозволеніе быть на приемную аудіенцію къ Богдо-Хану, въ увеселительной его замокъ *Яхо-хото*, гдѣ находился онъ тогда

(1) Напротивъ того по вышеприведенному извѣстію, Тургуты или Торгоуты претерпѣли столь великія бѣдствія и пораженія отъ Киргизовъ, что по достиженіи на Китайскую границу, осталось ихъ не болѣе половины; при чемъ лишились почти всего имущества и скота. *С.*

съ Ургинскимъ Хутухтою для освященія идольскаго капища *Будалы*. Убаши явился съ 70 человѣками, которые всѣ вдругъ и были на аудіенцію допущены. Богдо-Ханъ сидѣлъ на тронѣ, а по обѣимъ сторонамъ его помѣщались Пекинской и Ургинской Хутухты. Послѣ привѣтствія Калмыцкимъ начальникамъ освѣдомлялся онъ о причинахъ и обстоятельствахъ ихъ перехода изъ Россіи и о претерпѣнной ими въ пути нуждѣ, потомъ приказалъ каждому обѣднѣвшему изъ государственныхъ табуновъ роздать по три скотины (1), и во всемъ, въ чемъ они нужду имѣютъ, сдѣлать имъ скорое вспоможеніе. Сказываютъ, что и обѣимъ Хутухтамъ предложилъ онъ свое желаніе, чтобы и со своей стороны помощь имъ подали, которые и роздали каждой по двѣ тысячи скотинъ.

При разговорѣ съ Китайскимъ Богдо-Ханомъ, нѣкоторые изъ Калмыцкихъ начальниковъ, честь удачнаго отбытія изъ Россіи старались себѣ присвоить. Князь *Шеренгъ* утверждалъ, что

(1) Государственныя Китайскіе табуны, называемые по Монгольски *Тюмеръ-вала* составляютъ Китайскіе запасные магазины для Монгольскихъ войскъ. Они содержатся въ Монголіи по многимъ мѣстамъ и въ случаѣ убыли всегда вновь дополняются. *С.*

онъ будучи изъ Зюнгаріи выходцемъ, лучше другихъ могъ показывать обратную туда дорогу. Напротивъ *Бамбарб* съ своими братьями, дѣйствительно впереди оную дорогу очищавшій, ему уступить не хотѣлъ. *Лобзангъ-Дзалганъ-Арандъ-Зиба*, бывшій во всей Калмыцкой ордѣ главнымъ Ламою, въ заслугу себѣ вмѣнялъ, что онъ въ то время, когда Ханъ изъ похода въ Кубань еще не возвратился чрезъ ложное извѣстіе, что будто бы вся Киргизская орда на Россійскія границы и на Калмыковъ нападенія учинить намѣрена, выходилъ дозволеніе приближиться къ рѣкѣ Уралу, въ чемъ прежде было отказываемо. Сей Лама, вѣроятно для того, чтобы впредь въ Калмыцкой ордѣ такихъ дѣлъ производить не могъ, оставленъ въ Китаѣ, и пожалованъ Китайскимъ *Даа-Ламою* или главнымъ начальникомъ духовенства. Намѣстникъ Ханства Убаши произведенъ въ дѣйствительные Ханы; прочіе же Князья въ Ванги и другіе Китайскіе чины, а дворяне, числомъ 40 человѣкъ, въ Гуны. Орда сія присоединена къ Монгольскимъ народамъ, и подобно имъ раздѣлена на полки или знамена; пребываніе же свое имѣетъ она на степи Гоби и около Алтайскихъ горъ. Кал-

мыки оказывают, что оная от претерпѣннаго ею въ пути великаго урона оправилась, и чрезъ великое умноженіе скота пришла въ хорошее состояніе.

(Окончаніе впредь.)

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Воспоминаніе о Кавказѣ.

(*Отрывокъ изъ Записокъ одного Путешественника.*)

Какъ восхищался я нѣкогда мыслію, желая изобразить Кавказскіе виды. Въ воображеніи бросалъ я на полотно краски, и оно казалось трепетало подъ живыми прикосновеніями пера. Удивительный видъ *Бештовыхъ горъ*, на чистой плоскости воздвигнутыхъ, мечтался портикомъ, который природа свыше образца поставила въ предверіи огромныхъ зданій Кавказа. Одна изъ сихъ горъ, на 270 саженъ возвышающаяся, больше другихъ занимала меня потому, что въ ней больше красотъ.

Когда съ восточной стороны версты за три, обращаешься къ ней, она представляется храмомъ куполовиднымъ, къ которому съ обѣихъ сторонъ еще примыкаетъ по одному, какъ бы придѣлу.

Когда солнце сядетъ вечерять и преломленными лучами догараетъ въ вышинѣ небесной, гора облекается въ чудесную ризу, на которой струятся то фіолетовые, то палевые съ розовыми узоры. Переливъ трепещущаго свѣта, и смѣшеніе тонкой тѣни, дѣлаютъ зрѣлище самое привлекательное.

Когда она обовьетъ вершину свою въ дымчатое покрывало изъ облаковъ, тѣмъ заранѣе возвѣщаетъ перемѣну въ атмосферѣ, не взирая на ясность и тишину неба. Кабарда изъ заграницы смотритъ не ето явленіе, какъ на вѣрной барометръ, и за день читаетъ будущее время.

Для изображенія сего вида я хотѣлъ на подошвѣ горы разставить въ одномъ мѣстѣ крѣпость, въ другомъ луга, тамъ Черкесовъ подъ сѣнь Россіи уклонившихся, а тамъ селеніе Шотландцевъ, пришедшихъ туда благовѣстить Евангеліе.

Другая Бештовая гора достопамятна водометами цѣлебными. Сіи благотворныя воды, катясь сверху горы, образовали скаты, известковою осадкою устланные, которые издалека мечутся въ глаза своею краской. На сiю гору, сходь скоро небесный женихъ возсiпаетъ съ

свѣтозарнаго ложа, я бывало спѣшилъ по утру насладиться зрѣлищемъ самаго Кавказа.

Кто не утренноетъ, условіе примѣчательное даже въ бытіяхъ вещества! кто не утренюетъ, не увидитъ етого неизреченнаго зрѣлища. Нагорные льды съ дневнымъ зноемъ таютъ, и густѣютъ надъ вершинами, прежде, нежели солнце вступитъ въ меридіанъ, занавѣсъ облачной развивается, и закрываетъ чудесную оптическую картину.

Какой занавѣсъ и какая картина! Отъ глаза до послѣдней видимой горы, верстъ на сто, настяпы поперегъ хребты, а въ длину простираясь (такъ привыкаетъ видѣть и самой глазъ) до Каспійскаго моря, они представляются по законамъ перспективы на одной безконечной и очаровательной линіи. Надъ етою линіей, въ такой же перспективѣ, занавѣсъ облачный колеблется, поминутно равивается и опускается, тогда какъ несытые глаза, оставаясь и послѣ туда же вперенными, ищутъ просвѣтовъ сквозь покровъ, къ сожалѣнію ранній, на которой бывало досадуешь.

Ета линія горъ, посеребренныхъ снѣгами, индѣ чернѣющихъ отъ проталинъ, горъ слагающихъ въ одну связь разныя вышины, и

разныя величины различнаго образованія, представляетъ необъятную цѣпь видовъ. Индѣ рисуются храмы и замки, индѣ висящіе переходы между зданіями, тутъ пронувшіеся бельведеры, тамъ падающіе куполы, индѣ обширные слѣды землетрясенія, индѣ горѣлые остатки пожарища, далѣе громады развалинъ, продолжающихся туда, туда.... Туда, гдѣ усталый глазъ не примѣтно смѣняется воображеніемъ, туда все кажется простирается незнакомый рядъ разрушенныхъ фасадовъ, и весь по всей длинѣ отъ солнечнаго зарева пылаетъ горящимъ серебромъ. Не видъ ли это Едема, въ восхищеніи спрашивалъ я себя? Не аллегорической ли видъ Едема, опустошеннаго и потоптаннаго на землѣ?

Вовращаясь тѣмъ же порядкомъ видовъ къ правой сторонѣ, я успокоивалъ и глаза и воображеніе на лучезарномъ *Ельборусѣ*, на сей горѣ сіяющей свѣтовидными льдами. Цвѣтъ ея есть цвѣтъ сплошнаго золота, а образъ ея точный образъ великаго шатра, какъ бы раскинутаго для нѣсколькихъ племенъ народа.

Величественныя мечтанія! вы восхищали и потрясали способности души, и я преклонялъ колѣна на подошвѣ Бештовыхъ горъ предъ

Всемогущимъ, и равнялъ себя съ ихъ прахомъ и пылiю. Я въ самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ пыль, движимая страстями; и сiя одушевленная пыль, воскрыляясь можетъ возноситься, бесѣдовать съ Творцемъ велелѣпнаго Кавказа, съ Творцемъ природы. О! если бы она, разъ поднявшись на высоту, не падала на землю.

ВОСТОЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Краткой разборъ Персидской Поэмы: Юсуфъ и Зулейха.

Юсуфъ и Зулейха, Лейла и Меджнунъ, Хозрой и Ширинна суть три предмета романтической Восточной Поэзіи, разнообразно обработанные, изъ коихъ каждый имѣетъ особенной характеръ, совершенно различный, какъ по народности дѣйствующихъ лицъ, такъ и по свойству ихъ чувствъ. Въ отношеніи къ народности Хозрой и Ширинна есть Поема Персидская, Лейла и Меджнунъ Арабская, а Юсуфъ и Зулейха собственно рилигіозная, основанная на Коранѣ Могаммедовомъ (1). Юсуфъ и Зулейха, равно принадлежатъ всѣмъ Восточнымъ и Западнымъ народамъ. Существенное же различіе сихъ трехъ произведеній заключается въ образѣ изложенія: Хозрой и Ширинна представляетъ картину счастливѣй-

(1) Приведенныя здѣсь стихотворенія, по плану и содержанію ихъ, приличнѣе бы, кажется, называть повѣстями, а не Поэмами. *Изд.*

шей любви, Лейла и Меджнунъ любви несчастной, и отсюда произтекающей вѣтрености, которой Меджнунъ совершенно преданъ, тогда какъ Лейла обладаетъ постоянствомъ высшей степени. Въ первой Поемѣ главное дѣйствующее лице Ширинна, идеалъ женской красоты; а во второй Меджнунъ. Наконецъ Юсуфъ и Зулейха заключаетъ въ себѣ идеалъ и красоты и пламенной любви. Въ ней начертаны въ самыхъ точныхъ оттѣнкахъ, сила оныхъ, владычество ума и чувствъ, и колеблющаяся слабость женщины, оставленной самой себѣ. Юсуфъ и Зулейха есть повѣсть аллегорическая, въ понятіи Могаммеданъ, какъ замѣтилъ Гербелотъ, освященная Кораномъ, коей характеристическія черты заимствованы только изъ сего источника, а не изъ какой-нибудь языческой любовной повѣсти. Она и въ самомъ Коранѣ называется *Ахсануль-Кисасси*, т. е. прекраснѣйшею повѣстію. Могаммедъ посвятилъ ей всю двѣнадцатую Сурату своего Корана, по слѣдамъ коей съ точностію идетъ и Поема. Ходъ оной есть слѣдующій (1): Зу-

(1) Стихотвореніе сіе переведено Г. Розенцвейгомъ на Нѣмецкій языкъ и издано, подъ заглавіемъ: Ioseph und Suleicha,

*

лейха дочь Мавританскаго Царя Теймуса, увидѣвъ во снѣ прекраснаго Юсуфа, почувствовала влеченіе къ сему предначертанному и незнаемому идеалу. Три раза онъ являлся ей во снѣ, и при третьемъ явленіи наименовалъ своимъ отечествомъ Египетъ. Преданная мечтамъ Зулейха, не смотря на горесть ее поразившую, при видѣ посольства Египетскаго Азиса, искавшаго ея руки, принуждена была согласиться на сей бракъ, противный тайному ея чувству. Обольстительная надежда, обрѣсть въ Азисѣ драгоцѣнный предметъ своихъ сновидѣній, облегчилъ ея горесть. Она отправилась въ Египетъ въ сопровожденіи знаменитыхъ сановниковъ, и имѣла торжественный въѣздъ въ столицу сего Государства. Увидѣвъ же чрезъ отверстіе шатра, вмѣсто идеала своего, Путифара, предалась она горестнымъ жалобамъ и воплямъ, проклинала обольстительную мечту и скорбѣла о вѣчномъ однечестіи, на которое осуждена несчастною любовію. Отсюда начинается исторія Юсуфа, его сновидѣнія, зависть и предательство братьевъ, повергнувшихъ его въ ровъ, и потомъ продавшихъ Египетскимъ куп-

---

historisch-romantisches Gedicht, aus dem Persischen des Mewlana, Abdurrahman Dschami etc. Rosenzweig. Віна. 1824.

цамъ (1). Начальникъ купеческаго каравана Малекъ продаетъ Юсуфа на публичномъ торгу, гдѣ Зулейха покупаетъ его за великую цѣну, къ неудовольствію ея соперницъ, между коими находилась и Княгиня Назиса изъ поколѣнія Ади. Зулейха принимаетъ прекраснаго Юсуфа въ свои услуги, и когда онъ пожелалъ избрать пастырское состояніе, то она исполнила его желаніе, въ надеждѣ, что онъ будучи пастухомъ съ большею готовностію исполнитъ ея желанія. Но тщетны были замыслы ея противъ Юсуфа, исполняемые чрезъ кормилицу и частію самою. Кармилица представила ей вѣрнымъ средствомъ къ достиженію своей цѣли, чтобы поставить въ саду бесѣдку, гдѣ во всѣхъ мѣстахъ изобразить себя и прекраснаго Юсуфа въ разныхъ видахъ счастливой любви. Бесѣдка была построена съ седьмью отдѣленіями, изъ коихъ въ послѣднемъ, можетъ быть, палъ бы Юсуфъ (взоры коего всюду видѣли

(1) Она какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ послѣдующихъ представляетъ нѣкоторое сходство съ Библейскою Исторіею объ Іосифѣ цѣломудренномъ; ибо извѣстно, что Лжепророкъ Могаммедъ для составленія своего Корана, на которомъ основана Поэма Юсуфъ и Зулейха, многое почерпалъ изъ Христіанскихъ источниковъ, обезобразивъ ихъ своими вымыслами и заблужденіями язычниковъ. *Изд.*

могущественную прелесть обольщенія), если бы въ минуту величайшей опасности, не явился предъ нимъ отецъ его Іаковъ съ увѣщаніями (1). Онъ убѣжалъ отъ Зулейхи съ раздранною одеждою, и при дверяхъ встрѣтилъ супруга ея. Она обвиняла Юсуфа предъ нимъ въ собственномъ своемъ преступленіи. Тогда одинъ младенецъ, получившій внезапно дѣйствіемъ Божественнаго вдохновенія способность изъясняться, представилъ достовѣрное свидѣтельство невинности Юсуфа, который по причинѣ сего свидѣтельства и справедливо истолкованныхъ сновидѣній, названъ былъ *Садикъ*, т. е. справедливый (Волтеръ перемѣнилъ сіе слово въ Задига).

Происшествіе Зулейхи съ Юсуфомъ огласилось во всемъ городѣ, и она содѣлалась предметомъ злобныхъ насмѣшекъ женщинъ. Желая показать несправедливость нареканія и утѣшить себя легкимъ отмщеніемъ, она подъ ви-

(1) Это вымыселъ Магометанъ, которые, будучи слишкомъ прилѣплены къ чувственности, не способны почитать высоты цѣломудрія, которымъ украшенъ юный Іосифъ: въ сіе время не было съ нимъ добродѣтельнаго отца его Іакова, которой пріѣхалъ въ Египетъ гораздо послѣ того, какъ сынъ его явилъ незабвенные подвиги двухъ добродѣтелей: дѣвства въ мѣстѣ обольщенія, и терпѣнія въ темницѣ и узахъ.

домъ угощенія, приглашаетъ ихъ въ свой домъ. Принесены были плоды, каждая изъ женщинъ взяла по персику; ножи заблистали въ рукахъ ихъ, и лишь только хотѣли онѣ чистить кожу съ персиковъ, какъ вдругъ явился прекрасный Юсуфъ. Женщины сіи пришли въ такое смятеніе, при видѣ столь рѣдкой красоты, что вмѣсто персиковъ обрѣзывали себѣ пальцы, и вмѣсто сока оныхъ, изъ рукъ ихъ потекла кровь. Это происшествіе сдѣлало ихъ снисходительнѣе къ Зулейхѣ; онѣ даже приняли въ ней участіе и совѣтовали ей заключить прекраснаго Юсуфа въ темницу, когда не осталось ни малой надежды преклонить его на свою сторону. Она послѣдовала сему совѣту, но вскорѣ раскаялась; ей казалось величайшимъ несчастіемъ разстаться съ нимъ. Она, то посылала къ нему свою кормилицу, то всходила сама на террасу кровли, дабы оттуда видѣть, по крайнѣй мѣрѣ, кровлю темницы, въ которую былъ онъ заключенъ. Въ сей-то темницѣ изъяснилъ онъ хлѣбодару Кравилу, послѣ же и самому Царю, призвавшему его къ себѣ, извѣстный сонъ. По смерти мужа, Зулейха стала жить въ уединеніи. Юсуфъ сдѣлался Правителемъ Египта, коего обитателей своими мудрыми распоряже-

ніями онъ избавилъ отъ голода, свирѣпствовавшаго въ продолженіи семи безплодныхъ годовъ. Зулейха, не могшая сносить разлуки съ Юсуфомъ, построила себѣ въ городѣ домъ, мимо коего, онъ долженъ былъ всякій день проѣзжать верхомъ, гдѣ она могла бы по крайнѣй мѣрѣ слышать стукъ отъ копытъ его коня.

Напослѣдокъ Зулейха отреклась отъ язычества и обратилась къ истинной вѣрѣ. Будучи правовѣрною предстала она предъ Юсуфомъ и была имъ принята благосклонно; потомъ чрезъ молитвы его возвратились ей первые юность и красота (1), и онъ соединился съ нею бракомъ. Юсуфъ построилъ храмъ, гдѣ Зулейха свободно могла поклоняться истинному Богу. Вскорѣ потомъ Юсуфъ умеръ, а за нимъ последовала отъ печали и Зулейха. Конецъ Поемы заключаетъ въ себѣ нравственныя разсужденія и поученія сочинителя своему сыну.

И. Ботьяновъ.

---

(1) Странныя понятія Могаммеданъ о предметахъ молитвы: у нихъ все дышетъ чувственностію.

Аравскія пословицы.

Кто не помышляетъ о послѣдствіи вещей, падетъ, и никогда не будетъ имѣть друга.

Безразщетный ни въ чемъ не успѣваетъ.

Когда два Капитана на кораблѣ, то корабль пропалъ.

Когда ты сталъ Капитаномъ корабля, то сдѣлай вѣтеръ хоть въ рожокъ.

Бѣдной спокойнѣе въ караванѣ.

За воробья далъ въ залогъ скворца, и они оба улетѣли.

Богъ посылаетъ скорбь оскорбляющему ближняго.

Верблюда спросили, какое твое ремесло? Онъ отвѣчалъ: играть на волынкѣ. Да! сказали ему, это видно по твоимъ копытцамъ и по рыльцу.

Верблюда спросили, сколько ты хочешь самъ, чтобы на тебя навьючили? — Одно зернушко овсяное безъ шелухи; а когда съ побоями объ етомъ же спросили, то онъ согласил-

ся, чтобы на него навьючили, сколько угодно хозяину.

Верблюдъ хромалъ отъ своей губы.

Кто владѣетъ ухомъ верблюда, тотъ заставитъ его припадать на колѣни.

У верблюда свой нравъ, а у погонщика его свой.

У кого чистое сердце, тотъ уснетъ и на чистомъ полѣ.

Не проси ханжу молиться, а пѣвца пѣть.

Моя хозяйка научила меня только ѣсть уголья и мыть тарѣлки.

Помоги навьючивать тому, кто тебѣ не помогъ.

Собака, которую принуждаютъ итти на охоту, безполезна для себя и для охоты.

Птица чиститъ свои перья (ощипывается), а охотникъ грѣется на солнцѣ.

Кому жаль содержать кошку, тотъ береги свои уши отъ крысъ.

Кошки и мыши въ согласіи, когда захотятъ раззорить домъ.

Нельзя имѣть лѣсной кошки, чтобы ходила на волѣ и не ѣла сама.

Взятое въ займы платье не грѣетъ, а если и грѣетъ, то не надолго.

Лысина и длинная борода есть только размѣнъ.

Занимай свою собаку костьми.

Слѣдуй за совою: она доведетъ тебя до пропасти.

Кто (дитя) часто падаетъ и отъ того научается хорошо ходить.

Нѣкто гуляя по кладбищу сказалъ: всѣ здѣсь лежащіе были рабы моего отца; ему отвѣчали: это вѣрно—ни одинъ изъ нихъ не поспоритъ съ тобою.

Арабская загадка.

Кто такой слуга безъ костей и безъ души, которой высоко стоитъ между людьми, вокругъ его сидятъ судьи, и котораго нельзя иначе исправить, какъ снявъ ему голову?

Нагорѣвшая свѣча, которую надобно поправить щипцами.

АЗІЯТСКІЯ НОВОСТИ и СМѢСЬ.

I.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

О нынѣшнемъ состояніи нѣкоторыхъ областей и городовъ въ Средней Азіи.

(Окончаніе.)

Караванные пути.

Путь изъ Бухаріи въ Кабулъ чрезъ Гульмъ (Houlm).

Первый отъ Гульма день слѣдуютъ до крѣпости Акбека. Дорога идетъ по берегу рѣки *Гулумъ*, текущей къ городу сего же имени. Она вытекаетъ изъ урочища *Дуабъ*, въ разстояніи на 4 дни отъ Гульма. Отъ Бедакшана, который отстоитъ на 15 дней верблюжьяго хода отъ Акбека, течетъ рѣчка, впадающая въ Гулумъ, близь сей же крѣпости, отъ коей путь до Бедакшана лежитъ по берегу той же рѣчки. Пять рѣчекъ стекаются въ Гулумѣ, и низвергаются чрезъ пороги къ подножію горы. Въ 4 верстахъ отъ Акбека проходятъ долину

Ариэлидонъ, изобильную садами; въ 15 верстахъ находится Сербазъ. Въ 12 верстахъ отсюда земля Хурремъ, весьма населенная. Здѣсь продолжается путь по берегу Гулума, и надобно переходить долину, которая суживается въ Рюи, за 15 верстъ отъ Хуррема. Выходя изъ ущелья Рюйскаго поворачиваютъ на лѣво, и перейдя 14 верстъ достигаютъ до *Дуаба*. Потомъ переходятъ высокую гору *Каракуталь*; чтобы взойти на нее и спуститься внизъ, нужно полдня времени. При подошвѣ оной находятся шесть укрѣпленій, называемыхъ *Мадеръ*. Онѣ расположены по долинѣ въ разстояніи на версту одно отъ другаго. Жители оныхъ снабжаютъ караваны съѣстными припасами. Отсюда достигаютъ до укрѣпленій называемыхъ *Камедръ*. Съ правой стороны видны поля и виноградники. Поворотивъ дорогою на лѣво, надобно подниматься на высокую гору *Нисифоръ*. При подошвѣ оной находится мѣсто *Сайканъ*, на полдня пути отъ Камедра. По здѣшнюю сторону горы Нисифора видны источники (ключи) Анденскіе, изъ коихъ въ помянутыя укрѣпленія берутъ воду. Въ 20 верстахъ отъ Сайкана находится гора *Арабадъ*, при подошвѣ коей лежитъ крѣпость того же имени. Тамош-

няя страна обработана и весьма изобилуетъ рудами: золотою, серебряною и мѣдною. Здѣсь пастухи содержатъ стражу. Крѣпость Аграбадъ, хотя и независима, но попеременно бываетъ покоряема Кабулу или Гульму. Тамъ всякъ думаетъ только о самомъ себѣ.

На 20 верстахъ, перейдя небольшія возвышенности, достигаютъ до *Баміана*, древнихъ развалинъ, окруженныхъ селеніями. Здѣсь-то на вершинѣ одной изъ ближнихъ горъ, видна огромная статуя дракона, коего глаза источаютъ воду, орошающую Баміанскія поля; а на другой горѣ находятся статуи Царя *Салсаля* и его супруги, вышиною до 70 аршинъ (?). Въ окрестностяхъ Баміана есть 56 крѣпостей, коихъ часть уже въ развалинахъ. Въ Баміанѣ около 20 тысячъ жителей. Въ 5 верстахъ отъ онаго, переѣздъ чрезъ рѣку сего же имени, текущую на западъ, а въ 2 верстахъ крѣпость *Топци*, близъ коей переходъ чрезъ гору того же имени, или иначе *Сулумъ-Гизданъ*. Она высотою превосходитъ всѣ горы, встрѣчающіяся на пути до Кабула. Въ 20 верстахъ при подошвѣ оной крѣпость *Калу*, окруженная горами, гдѣ около 200 домовъ. Въ 5 верстахъ другая крѣпость *Хаджабъ*, а потомъ гора и крѣпостца,

Фуллахъ-Векиль съ жителями. Далѣе еще одна крѣпость посреди горъ, а въ 20-24 верстахъ 3 крѣпости, называемыя *Секала* или *Кгерданъ-Диванъ*. Оныя окружены горами. Оттуда около полдня пути, перешедъ небольшія возвышенности, достигаютъ до ключей, составляющихъ большое озеро (водоемъ), въ которомъ, по простонародному преданію, находятся будто бы рѣдкія рыбы, имѣющія въ ноздряхъ жемчужины, коихъ если бы кто захотѣлъ изловить, то подвергся бы болѣзни. Сіи ключи называются *Серъ-Чесме* или источники. Здѣсь начинаются предѣлы Кабульскіе. Отсюда до самой столицы 9 парасанговъ. Земля сія воздѣлана. Отъ Дари-Зенданъ до Гезданъ-Дивана живутъ Мезары, а' далѣе Афганы. Пространство всей етой земли около 380 верстъ.

Путь отъ Кабула до Кашемира.

Отъ Кабула первая станція (1) *Будканъ*, 2 *Журдъ-Кабулъ* (деревни), 3 *Тази*, 4 *Джевделинъ*, 6 *Сергабъ*, 6 *Джюндуме*, 7 *Балабанъ*, 8 *Тіадъ-безъ*, 9 *Емебуганъ*, 10 *Идгіазъ*, 11 *Бассаулъ*, 12 *Деке*, 13 *Ленди-Гане*, 14 *Геди-*

(1) Каждая станція полагается въ 6 парасанговъ, а каждый парасангъ равняется 5¼ Русскимъ верстамъ. *С.*

Гилбей, 15 *Джиларудъ-Такая*. Ето большею частію деревни, лежащія на равнинахъ или между горами. Отсюда начинается область Пишавуръ, которая находясь подъ владѣніемъ Афгановъ, недавно сдѣлалась данницею *Раджи-Сенга*.

Города: 1 *Тикавуръ*, 2 *Тсемкенсъ*, 3 *Невшеркъ*, 4 *Аккурегъ* (деревня), 5 *Атакъ* крѣпость при рѣкѣ сего же имени (отсюда до *Лагура* и *Анберсаля* вся земля называется *Пенджабъ*), 6 *Мингери*, 7 *Хеидзу*, 8 *Гази*, 9 *Торбели*, 10 *Биръ* (деревня), 11 *Белхакъ* (повсюду равнины или горы), 12 *Цертрене* (долина), 13 *Гази-Скадетъ* (крѣпость), 14 Музаферъ-абадъ (малой городъ), 15 *Гита*, 16 *Калай*, 17 *Пакили*, 18 *Шалдери*, 19 *Ури*, 20 *Нувкіухъ*, 21 *Басмула*, 22 *Атверъ*, 23 *Хазвиръ*, 24 *Тацебель*, (деревня), 25 *Дервазей-Шехри-Кашемиръ*.

За 2 или 3 дни пути отъ Кашемира считаютъ болѣе 30 разныхъ городовъ. Когда *Могаммедъ-Азимъ-Ханъ* (1), оставилъ сей городъ, слѣдуя для отмщенія за брата своего *Латихъ-Хана*, то жители онаго оставленные безъ начальника, огорченные тѣмъ, что сей

(1) Подробности о семъ помѣщены въ 3 кн. Азіатскаго Вѣстника 1825 г.

Ханъ предалъ смерти сына одного изъ вельможъ, отдались Хану области *Сейкской*, который не упустилъ сего случая къ завладѣнію ими.

Изъ Бухаріи же въ Кашемиръ можно слѣдовать чрезъ *Балкъ* или *Бедакщанъ*.

Путь отъ Семипалатинска въ Кашемиръ лежитъ сначала чрезъ *Кашгаръ*, укрѣпленный городъ, но терпящій недостатокъ въ чистой водѣ.—Отъ Кашгара чрезъ укрѣпленный городъ *Яни-Гиссаръ*, зависящій отъ него и разстояніемъ только на 2 дни. Отсюда чрезъ *Яркендъ*, большой городъ, весьма населенный и также зависящій отъ Кашгара. Отъ Яркенда, считая 8 парасанговъ на день, 40 дней пути до Тибета. Дорога сія, хотя лежитъ чрезъ степь, но надежна, и вездѣ по ней есть вода. На пути чрезъ Яркендъ къ Тибету въ 4 дняхъ отъ перваго, оставляютъ въ правой сторонѣ *Ладахскую* дорогу. Отъ Тибета же до Кашемира 15 дней пути, на которомъ надобно переправляться чрезъ высокія горы; воды вездѣ изобильно. На семъ пути кочуютъ народы, которые промышляютъ доставкою хлѣба на продовольствіе каравановъ, идущихъ чрезъ здѣшнюю страну изъ Кашгара, Китая и другихъ мѣстъ. Они очень достаточны.

История сношений иностранныхъ народовъ съ Китаемъ.

Сію исторію представляетъ одинъ Китайскій писатель слѣдующимъ страннымъ образомъ (1):

Въ царствованіе *Гуань-те* (династіи Танъ около 2200 до Р. Х.) одинъ иностранецъ, прибывшій отъ юга, принесъ въ дань *чашу* и *кожи.*

При *Геъ* (Ди-Гуи династіи Ся) островитяне принесли *золотомъ шитую одежду.*

При Шангѣ (Тай-У династіи Шанъ за 1700 лѣтъ до Р. Х.) Гегоуйцы, имѣющіе остриженные волосы, принесли съ востока ящички, сдѣланные изъ рыбьей чешуи (кости?), шпаги и щиты; а отъ юга жемчугъ, слоновые зубы, черепаху, павлинныя перья, птицъ и малыхъ собачекъ.

Въ царствованіе Шуя (Джау-Ванъ династіи Джеу за 1000 лѣтъ до Р. Х.) многіе пришли изъ Кантона Луванъ-ше (Lou whang-che) и другихъ южныхъ странъ. Первые были за 10 дней пути отъ Имперіи, вторые за 5 мѣся-

(1) Годы царствованія Хановъ назначены здѣсь съ Франц. подлинника, а династіи сообразно оному показаны и другія примѣчанія сдѣланы Изд. Аз. Вѣстн.

цевъ. Земли ихъ были значительны и очень населенны. У нихъ было много дорогихъ товаровъ.

Императоръ Ву-те (У-Ди за 120 лѣтъ до Р. Х.) отправилъ пословъ своихъ въ разныя страны, гдѣ они достали жемчугъ, дорогіе камни, разнаго рода рѣдкости, золото и проч. Они вездѣ, гдѣ только появлялись, принимаемы были хорошо. Съ того времени и помянутыя вещи начали быть въ Китаѣ въ изобиліи.

При *Кангъ-ву* (Гуанъ-Ди 100 лѣтъ послѣ Р. Х.) варвары привели лошадей. Мо-Юенъ (Mau-yuen) поставилъ желѣзные частоколы (палисады) для защиты отъ нападенія иностранцевъ съ юга и запада.

При *Сунѣ* (во время династіи Су 600 лѣтъ послѣ Р. Х.) отправлены были послы ко всѣмъ сосѣдственнымъ народамъ.

Въ царствованіе *Тангъ* (династіи 700 лѣтъ послѣ Р. Х.) учреждено было одно порядочное торжище въ Кантонѣ, и Государь посылалъ туда чиновника для сбора пошлинъ въ казну. Иностранцы пріѣзжавшіе въ Кантонъ, получали отъ Китайцевъ золото, шелкъ, и проч., отдавая взаимно за оные рога носороговъ, слоновую кость, кораллы, жемчугъ, дорогіе

камни, кристаллъ и разныя мелочи. Съ сихъ товаровъ платилась десятая доля по цѣнѣ.

Въ 12 году (1550) царствованія Шингъ-ти (1) иностранцы называемые *фа-ланъ-те* (Французы) прибыли отъ запада и объявили, что они привезли дань; потомъ вдругъ вошли безъ спросу въ пристань, и какъ скоро они туда вошли, то начали стрѣлять изъ пушекъ, отъ которыхъ потрясся весь городъ. О чемъ писано было ко Двору, и Государь велѣлъ немедленно выслать ихъ и прекратить торгъ съ варварами. Но жители Кантона писали потомъ ко Двору, прося возстановить сей торгъ; что имъ и было дозволено.

Се-йянь-куо (2) есть знаменитая страна во 100 миляхъ (ли) отъ Китая (вѣроятно Португальскія владѣнія близь Китая), производящая благовонныя деревья, ткани разнаго рода и проч.

Въ 1 году царствованія Юнгъ-ло (3) Порту-

(1) Вѣроятно Шунь-ди, коего царствованіе однако же продолжалось съ 1338—1373 годъ.

(2) Во Французскомъ подлинникѣ поставлена здѣсь Португаллія, но подъ именемъ Си-янь-го разумѣются вообще Европейцы или жители западнаго Океана.

(3) Во Франц. подлинникѣ въ 1588 году; но Юнъ-Ло, иначе Минъ-Ванъ, царствовалъ съ 1408 г. Онъ перенесъ столицу изъ Нань-Дзина (Нанкина) въ Пекинъ.

гальскій Король прислалъ посла. Спустя годъ онъ прислалъ и другаго съ данью. Императоръ написалъ къ нему, наименовавъ его Царемъ *Ку-ли* и подарилъ ему серебряную печать. Въ 5 лѣто царствованія повелѣлъ онъ своему свнуху отправить къ нему же нѣкоторое количество шелковыхъ тканей на одежду для его чиновниковъ.

Въ 6 лѣто царствованія *Канъ-хи* (Канси), одинъ посолъ доставилъ ему письмо отъ Португальскаго Короля, писанное на золотыхъ листахъ, портретъ сего Государя, шпагу оправленную въ золото, коралловое дерево, коралловыя зерна, куски янтаря, два куска сукна, 10 слоновыхъ зубовъ, 4 рога носороговыхъ, благовоннаго дерева, розоваго масла и проч. Императрицѣ же поднесены были: коралловое ожерелье, большое зеркало, янтарь въ зернахъ, розовая вода и другія благовонія. Государь благосклонно принялъ всѣхъ составлявшихъ сіе посольство. Онъ подарилъ послу 66 кусковъ шелковыхъ тканей и 100 таелей (около 100 унцій серебра); слѣдовавшему за нимъ 18 кусковъ шелковой ткани и 50 таелей; а каждому изъ 19 служителей по 10 кусковъ шелковой ткани

и по 20 пшелей. Въ 20 лѣто того же царствованія Португальскій Король прислалъ въ качествѣ посла одного *Та-кео-ше* (Ясіоши) съ данью и съ нимъ свиты 20 человѣкъ.

Въ 3 лѣто царствованія Юнъ-шинга (Юнъ-Джэна) Царь церкви, подъ каковымъ названіемъ разумѣется Папа (Дзіовъ-Гуанъ) присылалъ посла со многими подарками, состоявшими въ глобусахъ, жемчугѣ, янтарѣ, чашахъ и проч. Въ 4 лѣто было и второе посольство. Императоръ писалъ Царю церкви своею рукою; а сей отвѣчалъ письмомъ, присланнымъ въ золотомъ ящичкѣ.

Го-ланы (Голландцы) прежде не пріѣзжали въ Китай. Зимою въ 29 году царствованія *Ванъ-ли* (1600 г.) 2 или 3 большіе корабля прибыли въ Макао. Одежда на сихъ людахъ была красная, ростомъ были они высоки, а цвѣтъ волосъ имѣли русый (рыжій), глаза голубые, ноги очень длинныя. Они испугали народъ своимъ появленіемъ. Когда спрошены были, кто они, то отвѣчали, что они не пираты (морскіе разбойники), но добрые люди и привезли дань; но какъ ихъ прежде не видали, и писемъ они не имѣли, то и не хотѣли ихъ принять.

Въ 10 лѣто царствованія *Шуншія* (Шунъ-Джи) сіи иноземцы прислали посольства. Императоръ во уваженіе трудности ихъ путешествія благоволилъ принять ихъ. Во 2 лѣто царствованія *Канъ-хи* они прислали Царя Оксапа (Адмирала) въ помощь Китайцамъ для истребленія Фокинскихъ (Фудзянскихъ) морскихъ разбойниковъ и просили дозволенія торговать съ Китаемъ. Государь повелѣлъ имъ пріѣзжать въ Китай для торгу однажды чрезъ каждые два года. Въ 3 году они опять прислали Царя Оксапа, для разсѣянія тѣхъ же разбойниковъ. Въ 5 году они не были приняты; ибо въ теченіи 8 лѣтъ лишь однажды заплатили дань. Въ 25 году просили позволенія доставлять дань чрезъ каждыя 5 лѣтъ. Прежде они доставляли серебряную посуду, сѣдла и проч. Согласились принимать ихъ, но съ тѣмъ, чтобы они доставляли только кораллы, камфору, одежду (сукна), янтарь и ружья.

Изъ Jour. de S. Petersb. A.

II.

Восточная Библіографія.

Извѣстіе объ изданіи подлинника Исторіи Монголовъ и Татаръ Абулгаза Багадуръ-Хана.

(Окончаніе.)

„Такимъ образомъ въ теченіи почти цѣлаго вѣка, всѣ желавшіе точнѣе знать древнюю Исторію Монголовъ и Татаръ, принуждены были довольствоваться сказанными переводами, сколь ни были они исполнены важныхъ погрѣшностей. Пользующіеся ими находятся въ такомъ же состояніи, какъ тѣ, кои не зная Арабскаго и Сирійскаго языка, читаютъ *Елмацина* и *Баргебрея*, только въ Латинскихъ переводахъ *Ерпенія* (Erpenii), *Брунсія* (Brunsii) и *Киршія* (Kirschii); но по крайнѣй мѣрѣ сихъ обоихъ важнѣйшихъ писателей изданы и самые тексты съ тѣмъ, чтобы неискусные въ помянутыхъ языкахъ, не могли приведены быть такими переводами въ заблужденіе.

„Не уже ли твореніе Абулгаза должно быть лишено и такого благодѣянія? Развѣ тѣ событія, кои въономъ описаны, не заслуживаютъ воспоминанія? Развѣ ученый и рачительный из-

слѣдователь Исторіи осужденъ почерпать свѣдѣнія изъ мутныхъ и нечистыхъ источниковъ? Такъ, должно было дать ему способъ, пользоваться самымъ чистымъ источникомъ и обратить почерпнутое въ пользу свою и другихъ. Дѣйствительно давно уже требовалось самой подлинникъ Абулгаза, на Татарскомъ языкѣ писанной, издать въ свѣтъ для общаго употребленія.—Но кто донынѣ осмѣлился принять на себя такой подвигъ? не говоря уже о великой рѣдкости рукописей сей книги въ Европейскихъ книгохранилищахъ. Сколько мнѣ извѣстно, ихъ находилось только три: одна въ Берлинѣ, другая въ Геттингенѣ, а третья въ Москвѣ. Къ симъ присовокупить можно четвертую, оказавшуюся въ Уфѣ. Умолчу о томъ, что изъ числа ученыхъ не было ни одного, столько посвятившаго себя Татарской Словесности, чтобы оная совершенно ему была извѣстна.—Но гдѣ можно было найти такого книгопродавца, которой бы рѣшился собственнымъ иждивеніемъ издать книгу на Татарскомъ языкѣ?

„Изъ сего уже очевидно, сколь величайшею мы обязаны признательностію тому мужу, который доставилъ намъ такое пособіе, коего

ожидали бы мы безъ него напрасно. Государственный Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ, открывшій уже свѣту многія древности, сокровенныя въ разныхъ хранилищахъ, и чрезъ то какъ своему отечеству, такъ и вообще всѣмъ ученымъ доставившій пользу, равнымъ образомъ извлекъ изъ мрака и сіе твореніе. Сей знаменитый мужъ, какъ скоро удостовѣрился, сколь нужно оно, не только для Азіятской Исторіи и Географіи, но и для точнѣйшаго познанія одной отрасли Татарскаго языка, которою уже занимались ученые съ помощію самаго подлинника Абулгаза, тотчасъ поручилъ приготовить оный къ изданію въ свѣтъ.

„При семъ случаѣ, къ несчастію, оказалось, что бывшіе нѣкогда въ Библіотекѣ Императорской С. Петебургской Академіи два списка Абулгаза, изъ коихъ одинъ присланъ былъ отъ Мессершмидта 1720 года изъ Тобольска, на имя Блументроста (перваго сей Академіи Предсѣдателя), давно уже утрачены. И такъ за неимѣніемъ оныхъ, должно было ограничиться однимъ Московскимъ спискомъ, который въ 1735 году списанъ былъ рукою Кера (Kehrii), съ рукописи Академіи наукъ (той самой, которая прислана изъ Тобольска), и въ

слѣдующемъ 1734 году свѣренъ Мурзазою *Тевкелiемъ*. Сей-то самый списокъ, будучи доставленъ сюда (въ С. П. бургъ) изъ Архива Государственной Коллегiи Иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ онъ и донынѣ хранится, списанъ былъ рукою (Надвор. Совѣт. Януарiя Осиповича) *Ярцова*, весьма хорошо знающаго Татарскiй языкъ, а съ его уже списка напечатана сiя книга въ Типографiи И. Казанскаго Университета, подъ моимъ распоряженiемъ. Для точнѣйшаго же исполненiя воли знаменитаго Издателя, препоручено было Адъюнкту Татарскаго языка въ помянутомъ Университетѣ Г. *Халфину* наблюдать слѣдующее: чтобы Татарскiй текстъ сохраненъ былъ въ цѣлости, и все что собственно относится къ правописанiю, языку или слогу сей книги оставалось неприкосновеннымъ, также чтобы Г. Халфинъ ничего напрасно не перемѣнялъ, не прибавлялъ и не пропускалъ, по свойству Казанскаго Татарскаго нарѣчiя; но если встрѣтится какая-либо неважная, но явная описка, то бы самъ исправилъ; равнымъ образомъ, если какое слово, также по ошибкѣ переписчика пропущено, или напрасно включено и повторено, какъ замѣтить можно по смыслу, то

означалъ бы въ скобкахъ (пропущено, лишнее). Когда же встрѣтится гдѣ-либо, что рѣчь, по прилежномъ разсужденіи, не имѣетъ смысла, или кажется испорченною, и можетъ исправлена быть легкою отмѣною, то такое исправленное слово помѣстить въ текстѣ, но отличить оное на полѣ знакомъ (1). Если же случится, что хотя и явны ошибки, или испорченное слово; но съ нѣкоторою отмѣною не удобно возстановить точный смыслъ рѣчи, таковыя мѣста печатать, какъ онѣ есть въ рукописи, также съ нѣкоторымъ знакомъ (2), чтобы читатель могъ видѣть, гдѣ по такому сомнѣнію сдѣлана поправка. Наконецъ, если въ какомъ мѣстѣ переписчикъ, что-либо пропустилъ или не дописалъ, и сіе очень замѣтно будетъ, какъ по теченію рѣчи, такъ и по самому подлинному списку, тамъ поставить особый знакъ (——). Хотя я старался, чтобы сіе твореніе Абулгаза не лишено было и критическихъ сего рода замѣчаній; но Г.

(1) Г. Халфинъ означалъ такія поправки числами 1, 2 и проч. въ концѣ страницъ.

(2) Г. Халфинъ слова дикія и явно испорченныя, которыхъ нельзя было исправить по догадкѣ, означалъ точками (.....)

Халфинъ, едва ли съ точностію то соблюлъ, ибо, по видимому, не очень постигалъ свойство оныхъ и необходимость, а потому оставилъ еще не мало къ исправленію ученымъ критикамъ. Что касается до приобщенной росписи собственныхъ именъ всѣхъ лицъ, народовъ, областей, городовъ, рѣкъ, горъ и проч. о коихъ въ сей книгѣ упомянуто, то я надѣюсь, что за сей трудъ, препорученный отъ меня Г. Халфину, поблагодарятъ его вмѣстѣ со мною, всѣ читатели. Сверхъ того Г. Халфинъ, при концѣ книги присовокупилъ *разности* (варіанты) со спискомъ 1772 года, съ котораго Никметъ-Уллахъ-бенъ-Максудъ, *Имамъ* Уфимскаго села Куккуяна, дѣлалъ списокъ въ то самое время, когда уже книга сія оканчивалась тисненіемъ. Въ числѣ оныхъ разностей, хотя сей и Московской списокъ весьма согласны между собою (1), встрѣчаются однако же нѣкоторыя, могущія послужить къ исправленію ошибокъ въ послѣднемъ спискѣ.

---

(1) Происхожденіе обоихъ списковъ отъ одного видно и изъ Персидскаго замѣчанія Ахундъ-Ходжи (родомъ изъ Бухаріи и бывшаго нѣкогда Ректоромъ Татарскаго училища въ Астрахани), находящагося при концѣ Уфимскаго списка, ибо точно такое же приписано и въ Московскомъ спискѣ.

„Сіи не многія слова почелъ я нужнымъ сказать о семъ изданіи, для ученыхъ читателей. И на сей разъ довольно; ибо что можно болѣе сказать о семъ твореніи. Оно не требуетъ моихъ похвалъ, удостоясь особеннаго покровительства и щедротъ знаменитаго Россійскаго Мецената, не только всякаго рода наукъ и художествъ, но и Восточной учености. Сей прекрасный памятникъ пребудетъ по истеченіи многихъ вѣковъ и передастъ имя Румянцова, давно славимое Христіанскимъ свѣтомъ, даже и во уста Татарскихъ народовъ, которымъ доставлено теперь давно желанное ими средство къ удобнѣйшему познанію происхожденія предковъ ихъ и относящихся къ нимъ произшествій. Мы же воспользуемся съ благодарностію симъ важнымъ даромъ, пріобрѣтеннымъ Восточною Словесностію, за которымъ вскорѣ, надѣюсь, послѣдуетъ другой отъ щедротъ сего же знаменитаго наукъ покровителя (1), т. е. новой (Россійской) вѣрнѣйшій переводъ Абулгаза. Тогда, если благоволитъ Всевышній, я пространнѣе скажу и

(1) Не уже ли съ кончиною сего незабвеннаго для наукъ мужа, мы надолго лишились исполненія столь пріятной надежды? *Изд.*

о томъ, что относится къ роду и достоинству самаго сочинителя. Писано въ С. Петербургѣ неблагополучнаго (1) мѣсяца въ 18 день 1824 года." *В. А.*

---

(1) Сочинитель вѣроятно разумѣетъ здѣсь Ноябрь, названной имъ неблагополучнымъ (infausto), отъ случившагося 7 числа сего мѣсяца 1824 г. въ С. П. бургѣ великаго наводненія, причинившаго столь много несчастія. *Изд.*

III.

Критика.

Разсмотрѣніе мелкихъ сочиненій Юлія Клапрота объ Азіятской Исторіи. (Изъ Heidelberger Jahrbücher der Litteratur. Oct. 1825.)

Г. Клапротъ въ послѣдніе годы пріобрѣлъ себѣ столько чести услугами своими по части Азіятской Исторіи, что я считая себя обязаннымъ сказать здѣсь о томъ, опасаюсь, чтобы не остаться въ общемъ мнѣніи несправедливымъ и принявшимся не за свое дѣло. Это кажется мнѣ тѣмъ нужнѣе и полезнѣе, когда сочиненія Г. Клапрота, преисполненныя учености, можетъ быть мало уважаются Публикою, и потому не могутъ, въ глазахъ ея приносить ему никакой славы. Упражненія мои въ предшествовавшіе годы весьма часто касались древнѣйшей Исторіи; при чемъ я опять, обратясь къ Китайской и Индійской Исторіи, обязанъ былъ учености, логической методѣ и и основательному порядку Г. Клапрота, столь многими указаніями и заключеніями, что считаю долгомъ познакомить и другихъ изслѣдо-

вателей съ сочиненіями, изъ которыхъ самъ почерпалъ наставленія. Я умалчиваю о *Многоязычной Азіи* (Asia polyglotta), *о Запискахъ относящихся къ Азіи* (Mèmoires rélatifs à l'Asie) *и объ Историческихъ Картинахъ Азіи* (Tableaux historiques de l'Asie), думая, что они не требуютъ моего указанія, и что свѣдущіе мужи сыщутъ ихъ по однимъ названіямъ. Но другое дѣло касательно мелкихъ статей; а потому я на нихъ и останавливаюсь. Чувствуя въ полной мѣрѣ, какую важность составляетъ въ семъ случаѣ знаніе Восточныхъ языковъ, я намѣренъ ограничить сужденіе объ нихъ единственно въ историческомъ отношеніи; при чемъ желаю указать читателямъ на содержаніе оныхъ статей и представить, сколько они относятся къ познанію языковъ, и въ какомъ кажутся мнѣ отношеніи къ тому, что доселѣ извѣстно по сему предмету.

Поясненіе и опроверженіе изслѣдованій Г. Шмидта объ Исторіи народовъ Средней Азіи. Соч. Клапрота. Парижъ, 1824 стр. 115.

Сія статья собственно составляетъ спорное дѣло и нѣсколько въ суровомъ тонѣ; о

чемъ сожалѣю, видя какъ Г. Клапротъ посягаетъ на умаленіе цѣны заслугамъ Г. Шмидта. Признаюсь, что я очень много обязанъ изслѣдованіямъ сего послѣдняго, важными наставленіями по многимъ предметамъ, касательно вѣроисповѣданій и Исторіи народовъ Средней Азіи. Г. Шмидтъ можетъ быть погрѣшилъ въ томъ, что онъ слѣдовалъ духу времени и господствующему порядку вещей, болѣе нежели надлежало основательно ученому мужу. Однако же всегда должна быть величайшая разность въ тонѣ отзыва о такомъ мужѣ, каковъ Г. Шмидтъ, и какой можно употребить противъ надмѣнныхъ и высокомѣрныхъ вводителей системъ, которые видятъ во всемъ только самихъ себя, свои открытія и свои системы; измѣряютъ все по своимъ понятіямъ и всѣхъ прочихъ людей ставятъ ниже себя. Впрочемъ такое зло не относится къ Г. Клапроту; онъ никогда не нападаетъ на лицо, и вся суровость его видна болѣе въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Здѣсь собственно предлежитъ вопросъ объ языкѣ и происхожденіи Уйгуровъ, которыхъ Г. Шмидтъ относитъ къ роду Тибетцевъ, а Г. Клапротъ, кажется и справедливѣе, производитъ ихъ отъ Турковъ. Многимъ изъ нашихъ читателей,

конечно покажется сей споръ весьма не значущимъ, и мы имъ съ своей стороны также не вмѣнимъ того въ вину; но да позволятъ они намъ увѣрить ихъ въ томъ, что отъ сего единственно предмета зависитъ очень много другихъ. Здѣсь не мѣсто объяснять, сколь важенъ вопросъ о происхожденіи Тангутовъ и Уйгуровъ для Исторіи всей Верхней Азіи. Мы замѣтимъ только, что Г. Клапротъ, дабы отвѣчать на оный, справлялся съ многими мѣстами въ книгахъ и рукописяхъ намъ, по многимъ причинамъ, неприступныхъ. При семъ случаѣ онъ, оказавъ недавно особенныя услуги для Землеописанія Восточной Азіи, по Китайскимъ источникамъ (стр. 75-82), старался опредѣлить мѣстоположеніе *Бишбалика* и *Алмалиха*. Въ сочиненіи безспорно составляетъ лучшее достоинство, спокойный, основательный и разсудительный способъ разысканія и доказательства. Г. *Шмидтъ* въ своихъ свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ Монгольскихъ источниковъ, съ коими онъ одинъ могъ насъ познакомить, столь необыкновенныя, важныя и настоятельныя изслѣдованія относитъ къ новымъ мечтамъ, происшествіямъ и мыслямъ, и иногда весьма явно на етомъ основываетъ оныя,

какъ будто на доказанныхъ событіяхъ. Я не хочу утверждать вмѣстѣ съ Г. Клапротомъ, хотя бы Г. Шмидтъ ссылался только на переводъ съ Монгольскаго; но также думаю, что онъ въ изслѣдованіяхъ весьма часто сбивается съ пути, основывается на недостаточныхъ доводахъ, и ссылается на поверхностныя сочиненія, которыя для читателей вообще хороши, и много употребляются, будучи неудовлетворительными для изслѣдователя. Г. Клапротъ вовсе отъ сего уклонился, однако же онъ долженъ былъ также согласиться, что Г. Шмидтъ между прочимъ въ словопроизводствѣ довольно страннымъ, и которое Г. Клапротъ (стр. 87-88) разбираетъ весьма строго, а равно въ ложныхъ понятіяхъ объ отношеніи Монгольской образованности къ Кавказской, Индійской, Китайской и т. д., показалъ изъ Монгольскихъ же источниковъ, весьма достопримѣчательнымъ образомъ, согласіе понятій о вѣрѣ грубѣйшей части Монгольскаго племени съ тѣмъ, которое мы будемъ называть общимъ понятіемъ о вѣрѣ народовъ Верхней Азіи, и даже Гетовъ и прочихъ. Г. Клапротъ вездѣ согласенъ съ методою, которая не загадочна, или возразительна и надменна мыслями, или утвер-

жденная непремѣнною необходимостію, или нуждою цадить въ Исторіи піитическую часть, не вводитъ метафизическихъ или піитическихъ доказательствъ въ историческія. Онъ не желаетъ терять основанія, на которомъ одномъ стоитъ безопасно проза сего свѣта; и въ етомъ я съ нимъ согласенъ.

Такъ Г. Шмидтъ неуважительно отзывается о *Рашидъ-еддинѣ*, очемъ я очень сожалѣю, совершенно удостовѣрясь по случаю изслѣдованій для послѣдней части своей *Всемірной Исторіи*, о важности писателя Монголо-Персидской Исторіи. Я сожалѣю о томъ, какъ Г. Клапротъ, и по доводамъ найденнымъ въ бумагахъ Г. Стефани Катремера (Quatre-mere), что сей писатель не совсѣмъ переведенъ, и знаю навѣрно, что Г. Профессоръ Риттеръ въ Берлинѣ, котораго изслѣдованія при новомъ изданіи его Землеописанія, опять обратили къ Монголамъ, будетъ такого же мнѣнія. Въ бытность мою въ Парижѣ Г. Стефани Катремеръ сказывалъ мнѣ, что онъ имѣетъ въ виду предпринять сей переводъ; но ему встрѣтилось какое-то препятствіе въ изданіи онаго. Въ самомъ дѣлѣ сожалѣетъ и Г. Клапротъ, что донынѣ не появился оной. При семъ я не хочу

умолчать, что и у меня есть многія статьи о Монголахъ среднихъ вѣковъ, извлеченныя изъ Парижскихъ рукописей и бумагъ Г. Катремера, которыя, не имѣя времени скоро окончить моего труда о Монголахъ, могъ бы я охотно сообщить другимъ ученымъ. Г. Клапротъ желалъ бы видѣть переводъ сдѣланный Нѣмцемъ, и побуждаетъ къ сему труду (нѣсколько жестко) Г. *Гаммера*. Читатели знающіе Г. Гаммера могутъ разсудить сами, можетъ ли его побудить къ тому слѣдующій способъ убѣжденія. Г. *Клапротъ* (стр. 68-69) пишетъ: „Если какой-либо Азіятскій Историкъ заслуживалъ быть переведенъ, то конечно сей, и многіе Оріенталисты гораздо бы лучше поступили, предпринявъ такой трудъ, приносящій честь, нежели прелагая Персидско-Арабскую высокопарность отъ Фердевези до Монтенебби на топорные стихи.“ Г. Клапротъ обьяснилъ уже на картѣ приложенной къ его *Многоязычной Азіи*, свое понятіе о мѣстахъ занимаемыхъ Монгольскимъ и Турецкимъ племенемъ. При семъ сочиненіи приложена также не большая карта. Я замѣчаю при семъ случаѣ, что онъ употребилъ Турецкое выраженіе; ибо у него для сей отрасли Кавказскаго народа цѣлъ дру-

таго имени, хотя сіе же имя всегда существовало за 500 лѣтъ до Р. Х. На сей картѣ древніе мѣста Уйгуровъ, и ихъ жилища означены по первому переселенію; тамъ же находятся Тангуты и Качкары. Г. Клапротъ обратилъ особенное вниманіе на путь, по которому шелъ *Земаркъ* около 569, отъ Алтая по ту сторону Иртыша, чрезъ землю Алановъ и чрезъ Малую Азію въ Царьградъ. Это дѣло весьма важно, а потому я о семъ упомянулъ, но не могу здѣсь войти въ подробное изслѣдованіе, дабы слишкомъ не распространиться. Однако же я не упущу главнѣйшаго въ сочиненіи, надѣясь, что читавшіе съ *безпристрастіемъ* объясненіе Г. Клапрота противъ новаго положенія Г. Шмидта о сродствѣ Индійцевъ и Китайцевъ, разсудятъ, что сіе положеніе въ самомъ началѣ своемъ изчезаетъ; я говорю именно съ *безпристрастіемъ*, ибо толпа мало заботится о томъ, что какое-либо изобрѣтеніе оспоривается, когда оно согласно съ ея предубѣжденіемъ, съ ея мечтами, которыя называетъ она *мыслями*, или съ модою. Но Профессоръ, или и не Профессоръ, но имѣющій въ готовности свою систему, удобно находитъ Прокрустову кровать, во всякомъ случаѣ, чтобы сдѣлать

истиною то, что его столь же много утѣшаетъ, какъ самая истина. Желающихъ имѣть доказательства, основанныя на логической или математической строгости Г. Клапротъ конечно удовлетворитъ, и противорѣчіе было тѣмъ необходимѣе, когда желаніе сказать, что-либо новое или сочинить книгу, легко могло доставить друзей и сему положенію. Объ етомъ должно сожалѣть тѣмъ болѣе, что (какъ справедливо замѣчаетъ Г. Клапротъ стр. 94) величайшая польза, которую бы Публика могла извлечь изъ основательныхъ свѣдѣній ученаго Дегиня о Китайскихъ дѣлахъ потеряна отъ того, что онъ основался на несчастномъ положеніи сродства Китайцевъ съ Египтянами. Я надѣюсь оказать услугу читателямъ, когда сообщу имъ краткое, но ясное изображеніе разности признаковъ сихъ обоихъ народовъ, послѣдуя въ семъ Г. Клапроту, какъ я недавно воспользовался тѣмъ въ другомъ мѣстѣ, будучи весьма удаленъ отъ того, чтобы безусловно согласиться со всѣми его строгими сужденіями. „Дабы въ немногихъ словахъ, пишетъ Г. Клапротъ, опять сказать о разности происхожденія Китайцевъ и Индійцевъ, и изъ того видѣть, что для подтвержденія сего мнѣнія

нѣтъ никакихъ историческихъ оснований, я прошу Г. Шмидта рассудить о совершенной физической и нравственной разности между сими обоими народами. Пусть противоположитъ онъ Китайца съ его свиными (узкими) глазами, выдавшимися впередъ скулами, сплюснутымъ носомъ и плоскимъ лицемъ, хорошо образованному Индійцу, близко на Европейца похожему, даже цвѣтомъ лица; пусть изслѣдываетъ безконечную систему вѣры Браминовъ и сравниваетъ съ простою на страхѣ основанною вѣрою древняго жителя Китая, которую едва ли можно назвать вѣрою; пусть разсуждаетъ о строгомъ раздѣленіи Индійцевъ на *Касты* (породы), разряды и отличія, для которыхъ житель *Срединнаго Царства* (Китая) не имѣетъ даже и словъ на своемъ языкѣ; пусть сравниваетъ сухое прозаическое воображеніе Китайцевъ, съ высокими пиитическими мыслями обитателей Гангеса и Джумнана; пусть слушаетъ до высочайшей степени цвѣтущаго состоянія доведенный Санскритскій и недоброгласный Китайскій языкъ, и въ заключеніе сличитъ Словесность Китайскую, исполненную дѣяній и достопамятныхъ вещей съ неосновательными и мнимыми философско - духовными (аскетиче-

скими) бумагомараніями Индійцевъ, которые даже высочайшую Поезію чрезъ безконечность умѣли сдѣлать скучною."—Въ семъ нѣсколько строгомъ изображеніи, конечно нельзя будетъ довольно распознать основныя черты сихъ обоихъ народовъ; но должно согласиться, что въ пользу предположенія Г. Шмидта еще меньше можно сказать, нежели о славной системѣ Детиня, которую онъ размѣстилъ въ столь многихъ книгахъ Записокъ Французской Академіи надписей (Mémoires de l'Acad. des Jnscriptions). Такимъ же образомъ Г. Клапротъ опровергъ возраженіе Г. Шмидта противъ свидѣтельства О. Рюйсбрека (Ruisbroek) (1), и при случаяхъ выставилъ нѣкоторыя достопамятныя мѣста Восточныхъ писателей. Г. Шмидтъ мало заботится о томъ Сартакѣ, который въ путешествіи Рюйсбрека представлялъ столь знатное лицо. Онъ заключаетъ, что сей путешественникъ могъ достигнуть лишь до Волги, а прочія свои извѣстія записывалъ по разсказамъ знавшихъ по наслышкѣ. Какъ это Г. Шмидтъ могъ сказать, если онъ чи-

(1) Извѣстный Монахъ Доминиканскаго чина (ордена) Римской церкви, который въ царствованіе Французскаго Короля Людовика (названное Святымъ) путешествовалъ къ Монгольскому Хану.

шалъ извѣстія въ *Пурхасъ* и *Бержеронъ*, или сравнивалъ другія путешествія того же времени, я не понимаю. Что касается до Сартака, то Г. Клапротъ въ сочиненіи своемъ (стр. 100, 101) сообщилъ полное объ немъ заключеніе, и объяснилъ его родословіе изъ жизни Чингисъ-Хана и Тимура, а потомъ изъ Персидскаго историческаго сочиненія *Тарихъ Гайдери*, изданныхъ Ибрагимомъ Халфинымъ 1822 въ Казани.

(Продолженіе впредь.)

АЗІЯТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ІЮНЬ, 1826.

НАУКИ и ИСКУСТВА.

О началѣ и распространеніи Монгольскихъ народовъ.

(Окончаніе.)

Въ началѣ 17 столѣтія Зюнгарская орда имѣла многихъ самовластныхъ Князей; но сильнѣйшимъ изъ нихъ былъ Тайджа Каракула, коему однако же не удалось всѣхъ ихъ совершенно поработить, сколько онъ, домогаясь того, ни причинялъ кровопролитія. Намѣренія сего достигъ уже сынъ его Батуръ Хунтайджа, которой не только Зюнгаровъ, но и Бурутовъ (Большую Киргизскую орду), также многіе Бухарскіе (Малой Бухаріи) города въ подданство привелъ. Завоеванія сіи сохранены Зюнгарскою ордою до самой кончины Хана ея Галданъ-Черена, оставившаго послѣ себя двухъ за-

конноржденныхъ сыновей: Бишшанъ - Цагана 15 лѣтъ, Мекюша 7 лѣтъ и одного побочнаго сына Хамо-Дорджу 19 лѣтъ; сверхъ того пять дочерей, по именамъ Бюшюшъ (выданную за Князя Ишедсензенъ), Оллонъ-Баяръ (выданную также за Князя Батура Убаши), Зюлзегу, Ише-Суммунъ и Дондукъ-Балзенгъ. Бишшанъ-Цаганъ назначенъ былъ отъ отца наслѣдникомъ, а для правленія, по малолѣтству его, придавъ ему былъ совѣтъ, состоявшій изъ четырехъ дворянъ; а Хамо-Дорджѣ отведена земля на Буругской границѣ, и подарено сто семействъ, съ возложеніемъ на попеченіе его, чтобы Бишшанъ-Цаганъ на вступленіе его въ правленіе, никакого не встрѣтилъ препятствія. Въ 1646 году назначенной Галданъ - Череномъ наслѣдникъ, во всей ордѣ единодушно Ханомъ признанъ, подъ именемъ Адшанъ-Хана. Вскорѣ послѣ того духовенство и нѣкоторые дворяне, согласясь съ сестрою Хана, потребовали отъ Хамо-Дорджи, чтобы онъ надъ малолѣтнымъ Ханомъ принялъ опекунство; но онъ отъ сего притворно отрекался. Когда же Ханъ, требованныхъ отъ него четырехъ его совѣтниковъ, не смотря на то, что ихъ въ измѣнѣ противъ него обвиняли, выдать не хотѣлъ,

что Хамо-Доржа, напавъ на его станъ силою ихъ вытащить велѣлъ: двое изъ нихъ, вѣроятно болѣе противившіеся, тогда же умерщвлены, а прочіе и именно: Гумма Зайсангъ и Намдэилъ - Черенъ Зайсангъ, ослѣплены, и въ Бухарію (Малую) сосланы, гдѣ вскорѣ сами себя ядомъ отравили. Такимъ же образомъ Хамо-Доржа и его сообщники хотѣли Хана лишить жизни и владѣнія. Они подкупили любовниковъ его незамужней сестры, которые прислали къ Хану съ извѣстіемъ, что она скоропостижно занемогла, и находясь въ великой опасности, желаетъ его передъ смертію своею увидѣть. Адшанъ Ханъ тотчасъ пошелъ къ ней, и какъ скоро вступилъ въ юрту ея, то одинъ изъ притаившихся за дверью, бросился на него съ ножемъ, однако же промахнулся, и онъ успѣлъ скрыться въ кумирню, гдѣ подъ идолами спрятался. Какъ никто за нимъ гнаться не смѣлъ, то сей Ханъ, оправясь отъ страха, пришелъ въ такую ярость, что всѣхъ любимцевъ сестры его, и прочихъ знатныхъ людей, которые ему помощи не дали, велѣлъ умертвить. Симъ возбудилъ онъ противъ себя еще болѣе ненависти. Многія коварства употребляемы были къ уловленію его, но тщетно. Напо-

слѣдокъ въ народѣ произошло возмущеніе; напали на его дворцовой станъ, и взявъ оной приступомъ, всѣхъ сопротивлявшихся рубили. Хану удалось тогда же ускакать; но нѣкто, недавно произведенный имъ въ Зайсанги, на дорогѣ его настигши, остановилъ, и не смотря на жалостную просьбу его, отдалъ въ руки бунтовщикамъ. При семъ случаѣ убита Ханская сестра, которая за него вступиться хотѣла, а самъ онъ съ роднымъ дядею, братомъ отца его, Баарангомъ, ослѣпленъ, и сосланъ въ Бухарію. Говорятъ, что захваченной съ нимъ малолѣтной его братъ Мекюшъ, при томъ сказалъ: „ахъ! молодость моя причиною, что я пособить теперь не могу, не такъ какъ Даваджи, которой на бодрой своей лошади всюду поспѣваешъ.“ За сіи слова хотѣли было его тотчасъ наказать, но Хамо-Дорджа, вступясь за него, осудилъ только къ ссылкѣ въ Бухарію. Хамо-Дорджа въ 1748 году, всѣми преклонившимися на его сторону народами, объявленъ Хунтайджею. Но прочіе Зюнгары не хотѣли его за своего Владѣльца признавать, хотя ему на сіе достоинство, съ названіемъ Ердени-Хамо-Батуръ-Хунтайджи, скоро изъ Тибета и подтвержденіе прислано было.

Въ 1751 году сей Ханъ, по полученіи извѣстія, что Князья Даваджи и Амурсананъ согласились между собою, при удобномъ случаѣ на него напасть, вознамѣрился ихъ за то наказать. Они узнавъ о томъ, въ сопровожденіи десяти человѣкъ своихъ подданныхъ, ушли къ сосѣдственнымъ съ ними Киргизамъ, гдѣ пробывъ цѣлой годъ, употребили сіе время на приуготовленіе себѣ сообщниковъ; а когда услышали, что улусы ихъ Хамо-Дорджею въ раздачу другимъ Князьямъ назначены, нечаянно туда возвратились, и приняты были подданными ихъ съ великою радостію. Послѣ того собравъ войска, напали они соединенными силами на дворцовой станъ съ такою скоростію, что Хамо-Дорджа, не только не успѣлъ противопоставить войска своего, но самъ переодѣвшись въ худое платье, хотѣлъ было спастись бѣгствомъ. Между тѣмъ одинъ Гоцулъ его увидѣлъ, и донесъ Амурсанану, которой догнавъ велѣлъ его изрубить. Войско его, состоявшее изъ 10,000, человѣкъ, подъ предводительствомъ Саинъ-Белека обращено въ бѣгство; при чемъ также и Саинъ-Белека адьютантомъ его заколотъ, которой съ извѣстіемъ о семъ прибывъ къ Даваджѣ и Амурсанану, думалъ получить

отъ нихъ награжденіе, но вмѣсто того по ихъ повелѣнію, за умерщвленіе начальника своего, былъ изрубленъ. Сіе происходило и Даваджи объявленъ Ханомъ въ 1752 году.

По прошествіи около двухъ лѣтъ согласились между собою Князья Немке-Дзиргель, Батуръ-Убаша и Шеренгъ, лишить Даваджи владѣнія, и дѣйствительно на кровопролитномъ сраженіи такую одержали надъ нимъ побѣду, что онъ долго въ прежнюю силу притти не могъ. Напослѣдокъ же съ помощію Амурсанана, разбившаго бунтовщиковъ, самовластно ханствовать началъ, и столь безчеловѣчно неприятелямъ своимъ истилъ, что и младенцы безъ всякой пощады умерщвляемы были. При испрошеніи у Амурсанана помощи, обѣщалъ онъ ему уступить часть владѣнія Зюнгарскаго до самаго Иртыша; а когда получилъ желаемое, то не смотря на требованія Амурсанана, не хотѣлъ о томъ и думать. Сей послѣдній, не привыкшій къ таковымъ отказамъ, началъ съ нимъ войну, и хотя силами несравненно былъ его слабѣе, но одержалъ надъ нимъ верхъ. Какъ къ бѣгущему Даваджи прибылъ на помощь съ свѣжимъ войскомъ Князь Норбо, то онъ напротивъ того на утомившагося уже Амурсанана, не-

нально съ тылу напалъ, и съ великимъ урономъ бѣжать его принудилъ. Амурсананъ удалился сперьва въ Киргизскую орду, а оттуда пробравшись въ Монголію, напослѣдокъ прибылъ въ Пекинъ. Тамъ принятъ онъ съ великимъ почтеніемъ и ласкою, и по прозбѣ его о помощи противъ Даваджи, дано ему изъ 49 Монгольскихъ знаменъ 90,000 конницы, надъ которою онъ опредѣленъ Китайскимъ военачальникомъ. Съ такою силою легко ему было разсѣлнную и отъ безпрестанныхъ сраженій ослабѣвшую Зюнгарскую орду покорить, что имъ и исполнено почти безъ всякаго сопротивленія, и Даваджи съ сыномъ его Лубашею взяты въ плѣнъ и отвезены въ Пекинъ. Амурсананъ Китайскимъ Богдо-Ханомъ принятъ былъ со всевозможною честію, и произведенъ Здиньшунгъ-Вангомъ; а по прошествіи нѣкотораго времени, по желанію его отпущенъ въ приведенную въ Халха-Монголію собственную его орду. Даваджи съ сыномъ также приняты милостиво, пожалованы Вангами и опредѣлена имъ пенсія.

Амурсананъ, пробывъ въ Монголіи около двухъ лѣтъ, началъ помышлять, какимъ бы образомъ себя и отечество свое изъ подъ власти

обманувшихъ его хитрыхъ Китайцевъ, освободить; а какъ изъ Зюнгаріи о не удовольствіи тамошняго народа частыя извѣстія получались, то командовавшему близь Кяхты пограничному Генералу Еренценъ—Заншшунгъ Вангу, тогдашняго Хутухты родному брату, далъ онъ знать, что прислано къ нему отъ Китайскаго Государя повелѣніе, чтобы итти въ Зюнгарію, для установленія тамъ совершеннаго спокойствія. Сей военачальникъ, не имѣя никакой причины къ подозрѣнію, не препятствовалъ Амурсанану выступить въ походъ съ своими Зюнгарцами, коихъ было около 300 человѣкъ. Но чтобы болѣе скрыть свои замыслы, то оставилъ запечатанное письмо, для отсылки въ Пекинъ, назвавъ оное донесеніемъ ко Двору о его выступленіи; вмѣсто того въ немъ написалъ, что отправилъ его тотъ Генералъ. Чрезъ нѣсколько недѣль прислано изъ Пекина повелѣніе, гнаться за Амурсанацомъ, и употребить всевозможныя средства къ удержанію его отъ ухода въ Зюнгарію. Потомъ посланы были за нимъ многія команды, которыя дѣйствительно настигли его на границѣ, но онъ хотя ими со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ; однако же съ малымъ числомъ Зюнгарцевъ

пробился, и до рѣки *Или* дошелъ. Тамъ старался онъ собрать разсѣянную Зюнгарскую орду, но не могши въ скорости многихъ на свою сторону преклонить, и съ малымъ своимъ отрядомъ, будучи разбитъ многочисленнымъ Китайскимъ войскомъ, ушелъ къ Киргизъ-Кайсакамъ, гдѣ не нашедъ себѣ безопасности, въ разныхъ мѣстахъ странствовалъ, а въ 1757 году прибылъ въ Сибирь и тамъ отъ оспы умеръ. По смерти его около 20,000 Зюнгаровъ, подъ предводительствомъ своихъ Князей, изъ коихъ знатнѣйшій имяновался *Шереигъ* перешли въ Сибирь, а оттуда на Волгу, и вступя въ подданство Россіи, соединились съ прочими обитавшими тамъ Калмыками. Монгольскіе начальники, имѣвшіе съ Амурсаномъ знакомство, по уходѣ его, въ Пекинъ забраны, и многіе изъ нихъ тамошнимъ Трибуналомъ къ смерти приговорены, которой приговоръ, хотя Монголы ихъ всѣхъ невинными щитали, весьма скоро и столь скрытно надъ ними исполненъ, что вызванный предъ тѣмъ въ Пекинъ изъ Урги Хутухта, для освященія вновь построеннаго Ламайскаго капища, о нещастіи брата своего Еренценъ-Заншпунгъ Ванга не прежде узналъ, какъ когда уже голова

была отрублена. По узнаніи же о семъ тотъ часъ отправился въ Монголію, не простясь съ Богдо-Ханомъ, которой потомъ изъявлялъ публично свое крайнее сожалѣніе, что Трибуналъ поторопился исполнить по заключенному имъ приговору; однако же ни сожалѣніе, ни казни не имѣли такихъ слѣдствій, какихъ Китайцы ожидали. Всѣ правители Монгольскіе, вознегодовавъ на Китайцевъ, согласились собраться на Сеймъ въ главной Монгольской городъ Уланту-Хото; куда и дѣйствительно Занпшунги, Ванги и прочіе начальники Халха-Монгольскаго народа собрались. На Сеймѣ единогласно положили они и къ утвержденію своего договора и обѣщанія, по рукамъ ударили, чтобы уклониться изъ подданства Китайскаго, и приближась къ Сибирскимъ границамъ отдаться въ покровительство Россіи; все же принадлежащее Китайцамъ, какъ то людей, и вещи, между собою раздѣлить. Въ слѣдствіе сего начали было всѣ орды къ походу готовиться; но въ самое то время, какъ уже нѣкоторые около Кяхты находились, нечаянно разнесся повсюду слухъ, что заключенной ими между собою договоръ нарушенъ, и въ дѣйство произведенъ не будетъ; устрашась сего и при-

шедъ въ недоумѣніе, они остановились. Сказываютъ, что при окончаніи Сейма, нѣкоторой восначальникъ, по имени *Шидаръ-Вангъ*, пріятелямъ своимъ сказалъ, что примѣченная имъ въ глазахъ Узаншунга, при удареніи по рукамъ, нечувствительность, въ сомнѣніи его привела; которой съ нѣсколькими своими сообщниками, въ самомъ дѣлѣ тогда же о всемъ на Сеймѣ происходившемъ увѣдомилъ Китайской Дворъ, и оной пришедъ въ великой страхъ, разослалъ повелѣнія къ Узаншунгу и обоимъ Хутухтамъ, Пекинскому и Ургинскому, чтобы ласкою и обѣщаніемъ прощенія и всякихъ награжденій, постарались возмутившійся народъ успокоить. Янтзе Хутухта изъ Пекина уже до Монгольскихъ воротъ (*Халгана*) доѣхалъ, какъ извѣстіе получено, что Узаншунгъ безъ всякихъ обѣщаній спокойствіе возстановилъ, и какъ Шидаръ-Ванга, бывшаго начиньщикомъ заговора, такъ и еще многихъ другихъ подъ стражу взялъ. Что и было справедливо; ибо выступившія орды, по захваченіи ихъ предводителей, всѣ остановились. Шидаръ-Вангъ, находившійся также въ походѣ, ночью одинъ съ женою и дѣтьми, нечаяцно между горами всѣми его подданными

оставленъ. Въ сей крайности послалъ было онъ двухъ своихъ сыновей въ Ургу, просить у Хутухты совѣта, однако они тамошнимъ Шанбазою до Хутухты допущены не были, а взяты подъ стражу и отосланы въ Пекинъ. Самъ Шидаръ-Вангъ посланными командами найденъ и съ женою и дочерьми также въ Пекинъ отвезенъ. Тамъ казненъ онъ жесточайшею смертію. Сказываютъ, что производимыя надъ нимъ мученія сносилъ онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и твердостію, говоря, что охотно страждетъ за отечество свое. Обоимъ его сыновьямъ тогда же головы отрублены, а жена и дочери на волю отпущены. Изъ прочихъ членовъ заговора большая часть также казнены, а нѣкоторые сосланы въ юговосточныя Китайскія области. Хотя Монголія сими средствами совершенно успокоена; но Китайской Дворъ все еще себя со стороны Амурсанана не почиталъ безопаснымъ; разосланые за нимъ отряды искали его, освѣдомляясь объ немъ въ Зюнгаріи, Бухаріи, и Киргизскихъ ордахъ, пока не получили извѣстія, что онъ въ Сибири укрывается, куда послано было требованіе о его выдачѣ; а какъ онъ уже до того времени умеръ, то требовано было мертвое

его тѣло для осмотру, которое въ угодность Китайскому Двору, по способному тогда зимнему времени и было привезено на границу въ Кяхту, гдѣ осмотрѣвъ его присланные Монгольскіе чиновники, требовали, чтобы выдать, но имъ въ томъ отказано, и тѣло тогда же погребено въ Троицкой крѣпости. По окончаніи всѣхъ сихъ дѣлъ Китайскій Дворъ для сохраненія впредь спокойствія, къ каждому Заппшунгу и главному Монгольскому начальнику, опредѣлилъ по одному Манжурскому чиновнику, которые бы наблюдали за исполненіемъ узаконеній, и во всемъ о пользѣ Китайскаго Государства старались.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествие на Востокъ Г. Рихтера въ 1815 и 1816 годахъ.

(Изъ N. Annales des Voyages T. XXI, 1824.)

Отто Фридерикъ *Рихтеръ* родился въ Лифляндіи близь Дерпта, 6 Августа 1792 года. Окончивъ первоначальное ученіе въ родительскомъ домѣ, онъ въ 1808 году отправился въ Москву и занялся тамъ изученіемъ Ново-Греческаго языка. Въ слѣдующемъ году желаніе научиться по Персидски и Арабски привлекло его къ Г. *Вилькену*, Профессору Восточныхъ языковъ въ Гейдельбергѣ. Объѣхавъ Италію и Швейцарію, онъ избралъ пребываніемъ своимъ Вѣну, гдѣ всегдашнее обращеніе съ *Гаммеромъ* и *Шлегелемъ* доставило ему случай удовлетворить своей склонности къ наукамъ. Въ 1813 году онъ возвратился на свою родину; а въ 1814 году сильное желаніе посѣтить Восточныя страны переселило его въ столицу Оттоманской Имперіи. Тамъ онъ, кромѣ усовершенствованія себя въ Персидскомъ и Араб-

скомъ языкахъ, бралъ уроки Турецкаго у одного Моллы.

Въ 1815 году Рихтеръ вмѣстѣ съ Г. Линдманомъ, Секретаремъ Шведскаго Посольства въ Константинополѣ, отправился въ Египетъ и достигъ даже до Ибрима въ Нубіи. Возвратясь 20 Августа въ Александрію, путешественники прибыли моремъ въ Яффу, на берегахъ Палестины. Спустя нѣсколько времени Г. Линдманъ отозванъ былъ въ Константинополь; Рихтеръ одинъ продолжалъ свой путь, и обозрѣвъ Малую Азію, наконецъ прибылъ туда же. Потомъ онъ предпринималъ путь въ Троаду и въ Смирну. Во время отсутствія его изъ отечества Профессоръ Дерптскаго Университета (нынѣ Ректоръ онаго) Г. Еверсъ, старался доставить средство, сему бывшему ученику своему, къ обозрѣнію Персіи и даже къ дальнѣйшему путешествію на материкѣ Азіи. Тогда Россійское посольство отправлялось въ Тегеранъ. Просьба Г. Еверса по сему предмету, къ (покойному) Государственному Канцлеру Графу Н. П. Румянцову, благосклонно была принята, какъ сего слѣдовало и ожидать; ибо дѣло шло о содѣйствіи успѣхамъ наукъ. Рихтеръ, по представленію Канцлера, получилъ

чинъ Коллежскаго Ассссора, съ значительнымъ жалованьемъ; а притомъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы дать ему всѣ способы для продолженія ученыхъ его изслѣдованій. Къ несчастію, всѣ сіи знаки милостей и щедротъ остались тщетными. Предписанія Министра, содержавшія въ себѣ столь лестныя для молодаго Рихтера награды, застали его въ Смирнѣ, борющимся со смертію. Онъ успѣлъ однако же изъявить благодарность къ Августѣйшему своему Благотворителю, и намѣревался отправиться въ Тегеранъ, какъ скоро позволитъ его здоровье, но Провидѣнію угодно было устроить иначе. Онъ скончался 30 Августа 1816 года, 24 лѣтъ отъ роду. Оставшіяся послѣ него рукописи и книги на Восточныхъ языкахъ, равно какъ и другіе любопытные предметы, отправлены въ Дерптъ, и помѣщены въ Музеумѣ тамошняго Университета. Г. Еверсъ извлекъ изъ рукописей и писемъ покойнаго къ его роднымъ, все относящееся до Сиріи, острова Кипра и Малой Азіи. Соединивъ сіи матеріялы вмѣстѣ, онъ составилъ книгу (O. Fr. v. Richter Wallfahrten etc.) въ 8. д. л. напечатанную въ Берлинѣ 1822. „Нигдѣ, говоритъ сей ученый, истина повѣствованія не была пожерт-

швована слогу; я не хошѣлъ дополнять трудъ моего ученика изъ другихъ источниковъ. Сей трудъ его безъ сомнѣнія былъ бы совершеннѣе и важнѣе, если бы трудившійся могъ обработать свои бѣглыя записки, писанныя для собственной памяти. Я разсудилъ, что онѣ заслуживаютъ быть изданы въ томъ видѣ какъ есть.“—Р. *Линдманъ* спутникъ Рихтера, занимающій нынѣ (въ Мартѣ 1824) Профессорскую каѳедру въ *Линкепингѣ*, намѣренъ издать описаніе путешествія своего по Египету и Нубіи.

Здѣсь предлагаются выписки изъ ихъ путешествія.

Рихтеръ и *Линдманъ* 11 Августа (1815 г.) отплыли изъ *Булака*, чтобы войти въ рѣку Нилъ. 13 Августа были они въ *Даміетѣ*. В. *Факрѣ* (Fakhr) Шведско-Прусскій Агентъ, принявшій ихъ у себя, отсовѣтовалъ имъ отправляться въ Санъ и на озеро *Мензалегѣ*, по причинѣ возмущенія вспыхнувшаго тогда въ Каирѣ и потрясшаго до такой степени всю страну, что не было средствъ удержать въ порядкѣ Бедуиновъ Нижняго Египта; а потому сіи путешественники сѣли на корабль, отправлявшійся въ Яффу. Августа 22 увидѣли они берега Палестины, покрытые масличными

деревьями, а вдали представлялись Іудейскія горы. Въ полдень прибыли они къ пристани. Видъ Яффы не принесъ имъ большаго удовольствія. Они поспѣшили оставить сей городъ. Имъ показали то мѣсто, откуда Французы взяли его приступомъ. 24 Августа они прибыли въ *Іерусалимъ*, и поспѣшили посѣтить Святыя Мѣста. „12 Октября 1807 года, пишетъ Рихтеръ, большая часть Храма Гроба Господня сгорѣла. Придѣлъ Гроба Господня, которой поддерживали мраморные и порфировые столбы, равно какъ и столбы поддерживавшіе куполъ, содѣлались жертвою пламени. Свинецъ растопляясь умножалъ силу огня, пожиравшаго удобосгараемое дерево. По справедливости считали чудеснымъ сохраненіе самаго Гроба Господня и деревянныхъ вратъ, коими оный затворяется, хотя горящій куполъ, упавшій на сей памятникъ, разрушилъ придѣлъ онаго. Придѣлъ заключающій то мѣсто, съ котораго Пресвятая Дѣва взирала на распятаго Спасителя, гораздо болѣе сохранился. Оной нѣсколько удаленъ. Греки возобновили Церковь по рисункамъ *Комеано-Калфа*, Константинопольскаго зодчаго. Сіе произведеніе не ознаменовано хорошимъ вкусомъ. Куполъ низокъ и видъ бѣденъ.

Столбы замѣнены толстыми и тяжелыми пилястрами. Все раскрашено двуцвѣтною живописью (camaieu) Турецкаго вкуса; но столь же дурно, какъ расписываются бѣдные сельскіе домы въ Константинополѣ. Видя сію скудную работу желалъ бы, кажется, все передѣлать."— По описаніи всего примѣчательнаго въ церкви, Рихтеръ присовокупляетъ: „Мечь *Годефруа Булонскаго* хранится въ старомъ сундукѣ, въ ризницѣ, гдѣ онъ снѣдается ржавчиною. Гробы *Годефруа* и *Бодоена*, сихъ двухъ истинныхъ рыцарей Христіанскихъ, разрушены."

Наши путешественники предъ выѣздомъ изъ Святаго града одарили монаховъ, у которыхъ гостили. Такіе дары, получаемые ими отъ богатыхъ, употребляютъ они для вспомоществованія бѣднымъ поклонникамъ. *Киркоръ*, Армянинъ служитель Рихтера, оставилъ монастырю весьма дорогой подарокъ: нѣкоторое количество земляныхъ яблоковъ (картофелей), вывезенныхъ изъ Нижняго Египта, для разведенія на монастырской землѣ, чему доселѣ не было еще сдѣлано опыта.

Августа 28 въ 5 часовъ вечера оба путешественника выѣхали изъ Іерусалима верькомъ чрезъ Могребинскія ворота; они проѣзжали

плодоноснымъ полемъ, на которомъ былъ станъ (лагерь) Крестовыхъ воиновъ, и которое нынѣ покрыто масличинами. „Вскорѣ, говоритъ Рихтеръ, мы вступили на древнюю дорогу (шоссе), которая вела на каменистые холмы; сверху оныхъ Іерусалимъ казался намъ построеннымъ среди садовъ, и мы на каждомъ шагу поднимались на высшія горы; съ правой стороны широкая равнина отдѣляла насъ отъ цѣпи зеленѣющихся высотъ. На самой вершинѣ ихъ блистаетъ минаретъ одной мечети. Наружный видъ сего зданія показываетъ, что оно было Христіанскимъ храмомъ; нынѣ же принадлежитъ къ селенію *Неби Самихули*, которое находится на мѣстѣ древней Рамы (Аримаѳеи). Сказываютъ, что здѣсь погребенъ Самуилъ. На каменистомъ холму, круглаго вида, находится малое излучистое селеніе *Шорефатъ*. Дорога простирается мимо пещеръ, высѣченныхъ въ скалахъ, вѣроятно, для сторожей садовъ, полей и стадъ: повсюду видны оставшіяся деревья и разрушенные водоемы, свидѣтели высокой степени земледѣлія, до которой доведено было оно здѣсь въ древнія времена. По обѣимъ сторонамъ дороги находятся развалины, коихъ я не могъ узнать названія."

„Вся сія страна до *Наплузы* представляетъ взору путешественника попеременно картину или каменистыхъ, голыхъ и крутыхъ горъ, или долинъ, усѣянныхъ масличными деревьями и смоковницами; часто встрѣчаются развалины каменныхъ стѣнъ и плотинъ, также пещеры, высѣченныя на скатѣ горъ. Всѣ селенія имѣютъ живописный видъ, будучи разположены на вершинахъ скалъ, или на крутыхъ покатостяхъ". Рихтеръ желалъ посѣтить предметы, казавшіеся ему наиболѣе достойными вниманія; но трусливые проводники его не позволяли ему удовлетворить сего желанія. Они сказывали, что въ оныхъ селеніяхъ живутъ одни бродяги и разбойники, а путешественники не имѣли при себѣ Янычаровъ. „И потому, замѣчаетъ Рихтеръ, мы не могли увѣрить нашихъ трусливыхъ проводниковъ, что ругательства и каменья, коими дѣти Арабовъ встрѣчали насъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ не доказывали еще, чтобъ мы могли быть тамъ убиты или ограблены.—При входѣ въ узкую долину, гдѣ лежитъ Наплуза, видно множество колодезей, между коими полагаютъ и колодезь Іакова. Въ семъ городѣ живетъ еще около 15 сѣмействъ Самаританскихъ. Мы не

могли похвалиться жителями: ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ принять насъ къ себѣ въ домъ; на насъ смотрѣли съ досадою и говорили намъ грубости. Напрасно мы искали себѣ ночлега въ *ханѣ* (гостинницѣ); наконецъ мы расположились на дворѣ. Киркоръ отправленъ былъ къ Агѣ (градоначальнику) съ рекомендательнымъ письмомъ, взятымъ нами къ нему изъ Іерусалима. Вскорѣ послѣдовалъ приказъ на имя ружейнаго мастера Христіанина, чтобы уступилъ намъ свой покой для ночлега. Лишь только мы расположились, какъ толпа любопытныхъ вошла и усѣлась безъ просьбы; всѣ глядѣли на насъ, куря трубки. Не легко было избавиться сихъ незваныхъ гостей, которые были изъ Самаритянъ. Они охотно приближались къ Франкамъ, съ того времени, какъ нѣкто увѣрилъ ихъ, что и въ Европѣ есть также Самаритяне. Наружной видъ ихъ не представлялъ намъ ничего замѣчательнаго."

„Наплуза, имѣющая разительное сходство съ Гейдельбергомъ, примыкаетъ къ горѣ Гаризимъ (Garizim), коей южный бокъ покрытъ садами, возвышающимися одинъ надъ другимъ въ видѣ площадокъ (террасъ); а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бока горы совершенно отвѣсны.

Окрестности города равномѣрно наполнены садами и колодезями. Первые представляютъ густой лѣсъ плодовитыхъ деревьевъ. Съ противоположной стороны возвышается обнаженная гора Гебаль, утѣсистая и съ задняго бока круглая. При подошвѣ, какъ и съ обѣихъ ея сторонъ, я замѣтилъ довольно пещеръ, изъ коихъ многія, кажется, рачительно выкопаны. Онѣ служатъ нынѣ для погребенія Наплузцевъ, а можетъ быть таково было и первоначальное ихъ назначеніе.“

„На другой день, какъ скоро городскія ворота были отворены, мы выѣхали. За нами остался *Джеретъ*, вдали на горахъ. Поднявшись на Гебаль и оставивъ въ лѣвѣ Ассиру, мы прибыли въ Сеннуръ, деревню, укрѣпленную и лежащую на отдѣльной круглой горѣ. Она примѣчательна тѣмъ, что *Джеззаръ-Паша* никогда не могъ ее покорить. Дѣти, находившіеся въ садахъ, бросали въ насъ каменьями.—*Беленъ* лежитъ въ плодоносной долинѣ. Около мили оттуда находится *Джеранъ*. Здѣсь входъ въ зеленѣющуюся долину Ездрелонскую, окруженную горами, изъ коихъ замѣчательны Джебельтуръ (Ѳаворъ) и *Дааи* (Ермонъ). Сія прелестная долина худо обработана. Въ ней видны слѣды

многихъ оставленныхъ мѣстъ. Мы прошли по ней вдоль, и потомъ опять взбирались на горы, покрытые перелѣсками. По наступленіи ночи миновали превосходной колодезь и прибыли очень поздо въ *Назру* (Назаретъ), построенный въ каменистой впадинѣ. Здѣшній Францисканскій монастырь, подлинно лучшій въ Палестинѣ, и особенно богатствомъ своимъ споритъ съ бѣдностію сей деревни. Однѣ ворота, украшенныя гранитными разрушившимися столбами, ведутъ на первой дворъ, а другія большія со сводомъ, окованныя желѣзомъ, закрываютъ внутренность монастыря, гдѣ я замѣтилъ отверстія трехъ водоемовъ.!"

„На другой день, 31 Августа, весьма рано мы были уже на мулахъ, и въ сопровожденіи нѣкоторыхъ монастырскихъ слугъ, посѣтили мѣста, въ коихъ Спаситель провелъ дни своего младенчества. Сперва мы осмотрѣли въ Назаретѣ, такъ называемый колодезь Пресвятой Дѣвы Маріи, потомъ обратясь на сѣверовостокъ и проходя мимо деревни *Рануа*, отправились въ *Кану*. Нѣтъ уже и слѣда сего селенія. Не доходя онаго показываютъ колодезь, изъ коего почерпнутую воду І. Христосъ претворилъ въ вино, и домъ Варѳоломея, гдѣ про-

исходилъ бракъ, подавшій случай къ сему первому чуду Спасителя. Потомъ мы вышли на то поле, на которомъ онъ сорвалъ три колоса. Отъ сего воспоминанія давно протекшихъ временъ, мы перенеслись въ настоящее, къ событію въ наши дни случившемуся. Близъ деревни *Лубіи* мы видѣли то мѣсто, гдѣ въ 1799 году Генералъ *Клеберъ*, начальствуя надъ 1500 Французовъ защищался противъ 4000 Турковъ, наконецъ обратившихся въ бѣгство; когда Бонапарте, прибывъ изъ *Сенъ-Жанъ д'Акра* на помощь ему, велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ.— Въ лѣвой сторонѣ отъ дороги возвышается продолговатая и плоская гора, сопровождаемая съ востока и запада утесистыми холмами, называемыми: *Гутеневы рога*. Деревня сего же имени лежитъ на западъ при подошвѣ горы, Христіанами называемой *Благословенною* потому, что тамъ Спаситель произнесъ первую свою проповѣдь. Вскорѣ представились горы, казавшіяся желтыми отъ изсохшей соломы и репейника. Сіе послѣднее растѣніе обыкновенно сожигаютъ тамъ на мѣстѣ для удобренія земли, отъ чего еще видны были черныя полосы. Съ вершины горы примѣтны стѣны *Тибаріяга* (Тиверіады), озеро онаго, называемое

также моремъ Галилейскимъ, и высокія *Гавранскія* горы (Hauran). Влѣвѣ открывается издали *Бетунійскій* замокъ.“

„Тиверіада, бывшая по разрушеніи Іерусалима главнымъ мѣстопребываніемъ Іудейскихъ первосвященниковъ и столицею ихъ Словесности (ибо сочинители *Мишны* были членами великой ея Синагоги), походитъ на городъ однѣми своими стѣнами. Внутренность же ея вся деревянная; она населена Арабами и Жидами. Зданіе Францисканскихъ монаховъ не имѣетъ ничего особеннаго.“

„Почти въ 40 шагахъ отъ озера близъ подошвы черной базальтовой скалы, находится ключь (родникъ) теплой воды, имѣющей горькой вкусъ и сѣрной запахъ. Водоемъ, въ который она стекаетъ, изъ помянутой черной скалы, содержащей въ составѣ своемъ, можетъ быть, сѣрныя частицы, сдѣланной, какъ говорятъ, по повелѣнію славнаго *Джеззаръ - Паши*, нынѣ уже отчасти разрушился.—На озерѣ изобилующемъ рыбою, не видно ни одной лодки. Рыбаки входя по поясъ въ воду закидываютъ малыя ручныя сѣти, кои наполняются рыбою. Мы также сдѣлали попытку, и наша ловля была столь счастлива, что не только полу-

чили довольно рыбы для нашего ужина, но еще остатками подарили добрыхъ Отцовъ. На возвратномъ пути мимоходомъ осматривали мы развалины древняго города и плотины, или стѣны вдоль озера. Всѣ камни были базальтовые. Можетъ быть сіи работы относятся ко времени Іустиніана, которой возобновилъ-было Тиверіаду. Намъ хотѣлось достигнуть даже до источниковъ *Іордана*; но должно было отказаться отъ сего предпріятія, основываясь на увѣреніи нашихъ проводниковъ, что берега сей рѣки покрыты Бедуинами, и что даже солдаты Паши, не смѣли бы насъ туда провожать. Поздо уже мы узнали, что это была одна выдумка. Назаретяне были въ войнѣ съ Арабами, и никто, кромѣ какъ во время путешествія поклонниковъ къ Святымъ Мѣстамъ, не смѣлъ туда отправлятся."

„Большой укрѣпленной ханъ, почти въ 5 миляхъ отъ Тиверіады, при подошвѣ горы Ѳавора, указанъ намъ, подъ названіемъ *сукель-хана*; а прежде оной именовался *Аинъ ел' Туджаръ*. 1 Сентября мы увидѣли тамъ расположенный станомъ многочисленный караванъ на верблюдахъ и ослахъ, слѣдовавшій въ Дамаскъ. Отлогости Ѳавора не вездѣ круты; дорога чрезъ

него дурна только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Чрезъ часъ мы достигли дубовымъ лѣсомъ вершины сей горы, съ коей видъ великолѣпный: на югъ открывается обширная долина Ездрелонская, на востокъ высокія горы, опоясывающія берега Іордана и озеро Тиверіадское; на сѣверъ *Ливанъ* (Antiliban); а на западъ Кармельскія горы и Средиземное море. Сія возвышенность составляетъ площадь, на коей нѣкогда существовалъ большой городъ съ церквами и монастырями, который, какъ кажется, окруженъ былъ стѣнами и рвами. Еще и теперь остаются каменныя стѣны и своды многихъ церквей и водоемовъ; послѣдніе отчасти высѣчены въ скалѣ, а отчасти построены; вода въ нихъ отмѣнно хороша. Въ день Преображенія Господня, совершившагося на сей горѣ, отправляется божественная Литургія въ подземельномъ храмѣ."

Рихтеръ замѣчаетъ, что церковь Францисканская украшена самыми лучшими Иконами, изъ всѣхъ находящихся въ Палестинѣ. Въ ризницѣ ея хранятся между прочими два весьма дорогіе Образа одинъ Благовѣщенія Пресвятыя Дѣвы, а другой Богоматери всѣхъ скорбящихъ радости. „Съ удовольствіемъ видишь, говоритъ онъ, что здѣсь

монахи довольны своимъ состояніемъ. Турки притѣсняютъ ихъ гораздо меньше, нежели обитающихъ въ другихъ мѣстахъ. Мы искренно пожелали имъ продолженія такого, впрочемъ не совсѣмъ надежнаго благополучія, и простились съ ними 2 Сентября въ 2 часа по утру."

(Продолженіе впредь.)

ВОСТОЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Взглядъ на древнее и нынѣшнее состояніе Словесности и Искуствъ въ Персіи.

(Продолженіе.)

Въ послѣдствіи Хозрой Парвисъ построилъ для любимой супруги своей дворецъ *Мушгу*, извѣстный въ Исторіи только по одному имени. Но *Комрб - Шириннб* было превосходнѣйшее зданіе. На мѣстѣ, получившемъ отъ него имя, донынѣ видны еще остатки дворцовъ, садовъ и каналовъ. Такъ называемый *Хозрой-Тибаркб*, особенно отличался здѣсь необыкновенною обширностію и красотою мѣстоположенія.

Утесы горы Бизуты, по близости *Керманшагана*, представляютъ различныя начертанія, относящіяся къ сей, или еще отдаленнѣйшей епохѣ. Хотя Персидскіе писатели всѣ согласно признаютъ *Фердадо* ваятелемъ сихъ начертаній, изображающихъ приключенія несчастнаго любовника Ширинны, который будучи изгнанъ сюда Хозроемъ, вознамѣрился увѣковѣчить по-

средствомъ сего памятника свое имя и свою страсть; но изъ надписей найденныхъ тамъ и съ рѣдкою проницательностію разсмотрѣнныхъ Сильвестромъ де Саси видно, что по крайнѣй мѣрѣ часть сихъ изображеній принадлежитъ времени первыхъ Сассанидовъ.

Живопись не менѣе оказала въ семъ случаѣ успѣховъ, какъ и Ваяніе. *Шабурга*, придворный живописецъ, долженъ былъ изобразить красками образъ Ширинны, вырѣзанный Фергадомъ на камнѣ. Славнѣе Шабурги, не только какъ живописецъ, но и какъ основатель религіи, былъ Мани или Манесъ, жившій въ первую епоху Сассанидовъ, и заслуживающій отличное мѣсто въ Исторіи Искуствъ. Сія живопись не уступала въ превосходствѣ картинамъ *Зихага*, кои очень уважаемы были даже и тогда, когда сіе художество достигло въ Персіи возможнаго совершенства. Будучи увѣренъ, что великое свойственно только Божеству, онъ употребилъ всѣ усилія, дабы чрезъ произведенія своего генія представить въ себѣ небеснаго посланника. Люди, по мнѣнію его, всегда повинуются съ покорностію Божеству, хотя бы оно выражало себя въ словахъ или въ *краскахъ*. Такимъ образомъ картины свои представлялъ онъ до-

казательствомъ вдохновенія, употребляя въ нихъ вмѣсто словъ и письменъ, кисть и палитру. Онъ есть единственный живописецъ, по крайней мѣрѣ сколько мы знаемъ, который чрезъ свое искусство сдѣлался наставникомъ народа и образователемъ религіи. Обстоятельство, о которомъ Восточныя Историки весьма подробно говорятъ. Собраніе его картинъ, имѣвшее силу привлекать сердца, и располагать умы къ послѣдованію его ученію, по выраженію сихъ писателей, подобную магической, называлось *Ертенгъ*.

Въ царствованіе Хозроя Парвиса и музыка достигла высокой степени совершенства. Персы въ семъ отношеніи презирали всѣ прочіе народы Востока. *Нагассанъ* и *Барбедъ* почитались величайшими музыкантами при его Дворѣ, изъ коихъ послѣднему приписываютъ изобрѣтеніе *Мотны* и многихъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Вѣроятно, что онъ познакомилъ Персовъ съ Греческимъ *Барбитономъ* и Греческими пѣснями; ибо военныя и мирныя отношенія Хозроевъ съ Императорами Константинопольскими, имѣли слѣдствіемъ взаимное вліяніе Наукъ и Искусствъ на Персовъ и Грековъ. Въ царствованіе Хозроя Нушиварна вызваны были

въ Персію съ посланникомъ Ареобиндомъ седьмь философовъ, о коихъ въ особенномъ членѣ мирнаго трактата опредѣлено было, чтобы они имѣли свободу возвратиться въ свое отечество, и что никто изъ нихъ не будетъ принуждаемъ къ ученію песогласному съ своими мыслями. Въ сословіи ихъ находился нѣкто *Ураній*, Сирійскій врачь, который имѣлъ обыкновеніе, сидя при вратахъ дворца, разсуждать съ проходящими о различныхъ религіозныхъ предметахъ. Хотя философы скоро возвратились изъ Персіи, но пребываніе ихъ имѣло полезное слѣдствіе для Наукъ и Искуствъ; ибо вскорѣ послѣ того Греческое просвѣщеніе сдѣлалось замѣтнымъ въ Мидіи, такъ какъ Персидская роскошь у Грековъ.

Около сего времени древняя Персидская Музыка и Зодчество соединились съ Греческими, и отъ сего соединенія ихъ произошли Сарацинское Зодчество и Новогреческая Музыка. Хотя оныя образовались гораздо позже; ибо первые, извѣстные намъ изъ Исторіи памятники Сарацинскаго Зодчества, относятся ко времени первыхъ Калифовъ изъ дома Оммія. Но первоначальное соединеніе сихъ двухъ, весьма различныхъ между собою Зодчествъ, т. е. Пер-

сидскаго и Греческаго, случилось гораздо ранѣе. Вообще Зодчество процвѣтало въ первыхъ временахъ царствованія; ибо Персепольской дворецъ построенъ былъ Бактріянскими зодчими. Хотя Исторія и не сохранила намъ именъ строителей дворцовъ Хозроя и Ширины; но она передала потомству имена двухъ гораздо древнѣйшихъ зодчихъ, изъ коихъ первый былъ родомъ Аравитянинъ, а другой Персіянинъ, жившихъ во время Берамгура. Въ угодность малолѣтнаго сына Берамгурова, Аравитянинъ *Нааманъ* построилъ дворецъ *Седидъ* и *Хавернакъ*, а Персіянинъ *Шида* построилъ другой дворецъ, состоявшій изъ седьми павильоновъ, назначенныхъ для пребыванія седьми красавицъ его гарема.

Правленіе Берамгура и Парвиса, любовныя ихъ приключенія и пышность ихъ двора, подали случай позднѣйшимъ Персидскимъ Поэтамъ къ сочиненію романтическихъ Поэмъ, каковы на пр. Хозрой и Ширинна, или Поемы седьми преобразованій, сочиненныя *Низамомъ*. Персы издревле любили баснословныя повѣсти и сказки, и Могаммедъ, зная таковую склонность любопытнаго и празднаго Бедуина, запретилъ своимъ послѣдователямъ чтеніе оныхъ, изъ опасенія, чтобы они, по любви къ нимъ, не оставили

своего закона, или не *слышали* сихъ сказокъ съ *повѣствованіями находящимися въ Коранѣ*. И такъ теперь можно сказать утвердительно, что въ сіе время главнѣйшія Персидскія басни, также повѣсти о Синбадѣ и десяти Визиряхъ, равно тысяча и одна ночь, были извѣстны народу. Хотя и сомнительно, переводъ ли онѣ съ Индійскаго языка, или только простое подражаніе, или наконецъ оригинальныя произведенія Персидской Музы; большая часть оныхъ переведены и на Арабской языкъ *Мамуномъ*.

Мобеды, или служители Мани, преимущественно предъ всѣми занимались Исторіею и прочими Науками, составляя важное и страшное для правителей сословіе. Число ихъ по всѣмъ историческимъ извѣстіямъ простиралось до *ста тысячъ*; ибо когда Ардширъ *Бабеганъ*, основатель царства Сассанидовъ, рѣшился возстановить древній законъ, сохранившійся со временъ завоеваній Александра и собралъ разсѣянныхъ повсюду Мобедовъ, то ихъ нашлось сорокъ тысячъ предъ вратами храма Барна, посвященнаго огню. Они вскорѣ опять сдѣлались страшными своею властію такъ, что угрожали Хозрою Парвису низверженіемъ съ престола за то, что онъ въ противность зако-

ну, сочетался бракомъ съ Ширинною, исповѣдовавшею Христіанскую вѣру. Въ одномъ возмущеніи, возбужденномъ ими противъ Хозроя, убито ихъ тридцать пять тысячъ, прочіе же погибли послѣ сраженія. Когда Заарь Ибнъ Вакасъ, низвергнулъ тронъ и алтари Персіи, то они оставили свои жилища и переселились въ Керманъ. Сія была вторая несчастная епоха, которая угрожала Наукамъ совершеннымъ истребленіемъ; ибо если Мобеды были Александромъ разсѣяны и многія ихъ сочиненія утратились, то теперь они должны были оставить навсегда свое отечество. Когда Ибнъ Вакасъ испрашивалъ позволенія у Омара, спасти книги и перевести оныя, то сей приказалъ бросить ихъ въ воду или въ огонь. Повелѣніе его было исполнено; такимъ образомъ, говоритъ Историкъ-Философъ Ибнъ Халедунъ, Науки изчезли въ Персіи.

(Продолженіе впредь.)

Птица Титива и Море.

(Индійская басня, изъ Панча Тантры т. е. пяти хитростей.)

Титиба свила себѣ гнездо на морскомъ берегу и жила въ немъ спокойно съ своею подругою. У сей нѣжной четы долго не было дѣтей; наконецъ она получила и сію милость отъ боговъ, услышавшихъ теплую ея о томъ молитву. Лишь только вывелись ихъ птенцы, то мать сказала отцу, какъ сильно безпокоитъ ее страхъ, что дѣти ихъ подвержены большой опасности отъ моря; особливо же когда она замѣтила, что во время полнолунія сей ужасной ихъ сосѣдъ съ жестокостію выступалъ изъ своихъ предѣловъ и истреблялъ все встрѣчавшееся ему на пути, то будучи въ страхѣ, что дѣти ихъ погибнутъ отъ сей грозной стихіи, предлагала для избѣжанія такого несчастія, избрать надежнѣйшее убѣжище и переселиться съ ними туда. Но отецъ, смѣясь надъ робостію своей подруги, отвѣчалъ: есть ли что-нибудь общее между моремъ и нами, и будетъ ли заниматься сія мощная стихія, столь ничтожнымъ предме-

томъ, каковы наши птенцы? Жилище наше однажды здѣсь основанное, можетъ въ семъ мѣстѣ остаться и навсегда, не смотря на твой страхъ; ибо я не только не нахожу для пребыванія въ немъ никакой опасности, но напротивъ того, гораздо спокойнѣе подъ покровительствомъ сильнаго сосѣда.

(Съ Франц.)

АЗІЯТСКІЯ НОВОСТИ и СМѢСЬ.

I.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

О предпринятомъ Г. Клапротомъ изданіи Азіятскаго Магазина.

Юлій Клапротъ, извѣстный столь многими трудами по части Исторіи и Словесности Восточной, въ концѣ прошлаго 1825 года предпринялъ изданіе на Французскомъ языкѣ въ Парижѣ *Азіятскаго Магазина* (Magazin Asiatique). Въ программѣ своей о семъ изданіи онъ говоритъ: „Вообще ощутительна надобность въ такомъ изданіи, которое знакомило бы Европу съ географическими открытіями, дѣлаемыми въ наше время, въ менѣе извѣстныхъ частяхъ Азіи. Особенно же Россіяне съ давнихъ лѣтъ узнали важность изслѣдованія странъ сопредѣльныхъ съ ихъ пространнымъ Государствомъ, и издали уже въ свѣтъ многія весьма любопытныя сочиненія объ експедиціяхъ своихъ, отправляемыхъ во внутренность Азіи.

„Довольно намъ упомянуть о Путешествіяхъ Г. *Муравьева* въ Хиву чрезъ Каспійское море и Г. *Тимковскаго* въ Пекинъ чрезъ Монголію, также объ описаніи Россійскаго посольства въ Бухару, тщательно изданномъ Г. Барономъ *Мейендорфомъ*.

„Кромѣ сихъ сочиненій, довольно обширныхъ, въ Россіи безпрестанно издаются статьи меньшаго пространства, помѣщаемыя въ разныхъ Собраніяхъ (Журналахъ) на Россійскомъ языкѣ. Но какъ изученіе сего языка мало еще распространилось въ Европѣ, и очень трудно доставать во Франціи и Англіи книги и Журналы печатаемые за Двиною (отъ Парижа), то Издатель Азіятскаго Магазина надѣется оказать услугу переводами и извлеченіями изъ оныхъ, любопытнѣйшихъ географическихъ и историческихъ статей, помѣщаемыхъ въ помянутыхъ изданіяхъ и сочиненіяхъ. Сверхъ сихъ переводовъ, которые занимать будутъ часть каждой книжки Журнала, въ немъ найдутся и подлинныя статьи или изслѣдованія о разныхъ предметахъ Географіи и Исторіи, относящихся до Средней и Сѣверной Азіи. Наконецъ Издатель будетъ прибавлять иногда словари языковъ еще неизвѣстныхъ въ Европѣ,

за исключеніемъ однако же всякихъ филологическихъ изысканій, которыя онъ предоставляетъ себѣ помѣщать въ другихъ сочиненіяхъ."

Здѣсь (въ С. П. бургѣ) мы видѣли уже двѣ книжки сего изданія за Октябрь 1825 и Январь 1826 года. Въ сихъ книжкахъ напечатаны слѣдующія статьи:

Въ *первой:* 1. Путешествіе въ Кокандъ 1813 и 1814 г. Филипа *Назарова.* Перев. съ Россійскаго стр. 1.

2. Географическія и историческія замѣчанія о Кокандѣ, Андуджанѣ, Маргиланѣ и другихъ смежныхъ земляхъ. Перев. (съ Кит.) изъ новаго изданія Тай-цинга и Тунгъ-чи стр. 81.

3. Замѣчанія о народахъ обитающихъ на Китайскихъ границахъ, какъ то: о Татарахъ подданныхъ Россіи, Соіотахъ и Монголахъ данникахъ Китайскихъ, собранныя съ 1772 до 1781 г. Егоромъ *Пестеревымъ.* Перев. съ Рос. стр. 123.

Во *второй:* 1. Путешествіе изъ Бухтарминска (Бухтарм. крѣпости) въ Гульджу (Кульджу), иначе Или въ 1811 г. Г. *Путимцева* стр 173.

2. Примѣчанія объ Амазонкахъ Средней Азіи.

Перев. изъ Кит. Исторіи династіи Суи и Тангъ стр. 230.

3. О Вогуличахъ соч. Архимандрита *Платона.* Перев. съ Рос. стр. 236.

4. Описаніе Кавказа и земель смежныхъ съ Чернымъ моремъ. Соч. *Миссуди* (Писателя около 943 г. отъ Р. Х.). Перев. съ Арабскаго стр. 258.

5. Описаніе большой Тибетской рѣки Ярудцангбо-чу. Съ примѣчаніями о верховьѣ Буррампутера и съ картою стр. 302—329.

Въ *третьей* книжкѣ обѣщаны: Путешествіе въ 1812 г. Изземъ-Уллага на Гималаю и Дорожникъ Китайской границы до Тибетской столицы Лассы.

По случившемуся препятствію, говоритъ Г. Клапротъ во 2 книжкѣ, не могла оная издана быть въ Январѣ текущаго 1826 года (не у насъ однихъ бываютъ препятствія въ своевременномъ выходѣ книжекъ); но для бóльшей исправности рѣшился онъ издать въ семъ году только три книжки, чтобы оныя съ Октябрскою 1825 составили четыре книжки за 1826 годъ; такъ, что 3 и 4 выйдутъ въ свѣтъ въ Іюлѣ и Октябрѣ, ибо предназначено было издавать въ четверть года по одной книжкѣ.

Каждая книжка будетъ составлять около 20 печатныхъ листовъ одного формата съ Азіятскимъ Журналомъ (Journal Asiatique), съ приложеніемъ къ нимъ, въ случаѣ надобности, картъ и чертежей. Цѣна въ Парижѣ 25, а въ другихъ Государствахъ 29 франковъ (до 30 руб.).

О новыхъ ботаническихъ открытіяхъ Г. Ледебура въ Сибири.

Пишутъ изъ Барнаула, что путешествующій по тамошнимъ (Алтайскимъ) горамъ Дерптскій Профессоръ Ледебуръ, открылъ много новыхъ растѣній, не только по *видамъ*, но и по *родамъ*. Одинъ изъ спутниковъ его Докторъ Бунге, остался на службѣ въ Сибири при Колывановоскресенскихъ Горныхъ заводахъ.

Догадка о потомкахъ Мильтона, остающихся въ Восточной Индіи.

Есть поводъ думать, что въ Индіи можно былобъ отыскать послѣдняго потомка безсмертнаго пѣвца *Потеряннаго рая*. Дебора третья дочь сего знаменитаго Поэта, которую онъ особенно любилъ, осталась только одна изъ его дѣтей, бывшихъ отъ трехъ супружествъ. Она была за му-

жемъ за Кларкомъ Спиталь-Фильдскимъ ткачемъ и умерла въ 1727, на 76 году отъ рожденія. Г-жа Кларкъ отличалась разительнымъ сходствомъ съ отцомъ своимъ. Когда она пришла къ славному Алиссону, желавшему ее видѣть и имѣть доказательства, что она дѣйствительно дочь Мильтонова, то сей писатель тотчасъ сказалъ: „вы не имѣете болѣе нужды въ доказательствахъ; лицо ваше довольно удостовѣряетъ, кто вашъ отецъ". У нее было семь сыновей, изъ коихъ одинъ по имени Калебъ, переселился въ Мадрасъ и былъ тамъ клеркомъ при приходской церкви. Дѣти его, если онъ оставилъ ихъ по себѣ, былибъ послѣдними потомками Мильтона.

II.

Критика.

Разсмотрѣніе мелкихъ сочиненій Юлія Клапрота объ Азіятской Исторіи.

(Продолженіе.)

Замѣчанія на статью о Козарахъ, въ 15 кн. Азіят. Журн. 1827.

Эта статья извѣстнаго (Парижскаго) *Азіятскаго Журнала* (Journal Asiatique,) къ которому собственно относится и слѣдующая. Что касается до самаго сего Журнала, то польза онаго была бы ощутительнѣе, еслибъ такіе мужи, каковъ С. *де Саси* и другіе, не были нѣкотораго рода установленіемъ *Азіятскаго Общества* принуждены, какъ и вся Франція, основываться на *расказахъ въ залахъ*, какъ можно видѣть между прочимъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ Гг. *Шези* и *де ла Гранжа*, коихъ я впрочемъ лично весьма уважаю. Такъ на примѣръ и въ предъидущей книжкѣ (Сентябрской 1825) находится опытъ такого *Французскаго манера*, вмѣшивать большую Публику въ дѣла,

въ коихъ она вовсе не участвуетъ; отъ чего свободны только Французскіе Естествоиспытатели, Физики и Математики, какъ *де Саси Боассонадъ*, *Летронъ*. Г. *Френель* (Fresnel) предлагаетъ здѣсь образецъ Китайскаго романа, названнаго *Гоа - туа - Йюань*, въ которомъ однако же не оставилъ онъ ничего Китайскаго, кромѣ страннаго имени и скуки; изъ сего нельзя знать, что должно быть забавнѣе: способъ ли, какъ человѣкъ (стр. 129 - 133) обвиняетъ вкусъ уборныхъ Французскихъ въ нешуточныхъ дѣлахъ, или способъ, какъ онъ въ обработываніи своего предмета, сообразуется съ умозрѣніемъ уборныхъ комнатъ. Несправедливо былобъ винить въ томъ почтеннѣйшее Азіятское Общество; но таковъ образъ открытыхъ засѣданій и чтеній, какъ я замѣтилъ собственными глазами и ушами. Кто не въ состояніи произвесть дѣйствія (ефекта), особливо, если онъ еще не занимаетъ какого-либо значительнаго мѣста, тотъ не можетъ играть никакой роли; а кто сего охотно не желаетъ, особливо же въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, въ которомъ для умѣющаго произвесть дѣйствіе (ефектъ) всѣ двери растворены? Что касается до Китайскаго романа, то

оный легко было составить изъ Французскихъ стихій; Китайской былъ бы, какъ и сей, неменѣе скученъ; въ разсужденіи же употребленныхъ здѣсь названій Китайскихъ: *Мадамъ Йонгъ*, *Мамзель Ланъ-йя* и *Монсью Лью-Цзингъ*, можно сказать, что прочее еще смѣшнѣе; ибо не имѣетъ въ себѣ даже никакого слѣда Китайскаго. Но я оставляю сей предметъ, коснувшись онаго только случайно. Здѣсь собственно важно разсужденіе, или лучше сказать, достойно вниманія замѣчаніе Г. Клапрота о *Козарахъ*, напечатанное на стр. 153-160. Сей народъ, какъ извѣстно, занимаетъ значительное мѣсто въ Исторіи, и долженъ стать наряду съ Гуннами и Аварами. Владѣнія Козаровъ, какъ пишетъ весьма справедливо Г. Клапротъ, простирались чрезъ великую часть нынѣшней Россіи. Имъ подвластенъ былъ Крымъ и сѣверная часть Дагестана. Правленіе у нихъ было порядочное и твердое. Они вовсе не были грубыми варварами, какъ Гунны и Авары. Вліяніе многихъ вѣръ, какъ то: Іудейской и Христіанской, и вѣроятно также безчисленныхъ отраслей Индійской, весьма примѣтно содѣйствовало въ смягченію ихъ нравовъ; въ позднѣйшее время Исламизмъ, также имѣлъ между ними

приверженцевъ. Сей народъ донынѣ вообще почитался Турецкаго племени. Того же мнѣнія былъ и Г. Клапротъ; но онъ, какъ должно было и ожидать отъ истинно ученаго, довольно справедливо оставляетъ оное, и признается въ сей статьѣ, что ошибался, и послѣдуетъ новому ученію, почерпнутому имъ и Г. Френомъ въ Восточныхъ писателяхъ. Основанія, на коихъ утверждались въ Турецкомъ ихъ происхожденіи, были довольно правдоподобны: 1. Византійскіе Историки называютъ Козаровъ Турками; сіе основаніе всегда казалось намъ незначущимъ. Ибо сіи писатели не заботились объ Етнографіи (народознаніи). Они имѣли и передали удивительныя понятія о народахъ, которыхъ, по видимому, должны были знать наилучшимъ образомъ. 2) Цари (Владѣльцы) Козарскіе назывались *Каганами*, Князья ихъ *Пекхами* (бегъ), а Княгини *Хатунями*. Сіе казалось, и донынѣ кажется, довольно значущимъ основаніемъ; ибо сіи названія суть, какъ извѣстно, Турецкія, которыя мы находимъ и у Сельджуковъ. На сіе отвѣтствуетъ Г. Клапротъ, что Турки Козарамъ, вѣроятно какъ и другимъ племенамъ, дали своихъ Князей, едва только у нихъ утвердивши свое владычество.

Здѣсь, намъ кажется, какъ будто Г. Клапротъ измѣняетъ своей методѣ и предположеніемъ ослабляетъ вѣрное и точное дѣло (factum); что прилично однако же болѣе не ему, но систематикамъ. Не говоря впрочемъ о томъ, я полагаю, что Г. Клапротъ въ главномъ вопросѣ далъ намъ важное руководство въ разсужденіи Финскаго племени и разной судьбы онаго. Но прежде нежели онъ могъ утвердить сіе мнѣніе, чѣмъ совершенно новой видъ придалъ бы преселенію народовъ, если бы оно было принято, ему слѣдовало возразить противъ 5 пункта, служащаго къ доказанію Турецкаго происхожденія сего народа. Языкъ Козаровъ, какъ полагали прежде, былъ Турецкій, и сіе положеніе находится даже въ Восточной Географіи, которую *Узелей* (Ouseley), переведенную въ 1804 г. на Англійскій языкъ, издалъ за Географію *Ибнъ-Гаукаля*; но Г. Клапротъ возражаетъ, что сія Географія не твореніе Ибнъ-Гаукаля, противополагая ложному Ибнъ-Гаукалю свидѣтельство истиннаго, который именно говоритъ, что языкъ Козаровъ совсѣмъ различенъ отъ Турецкаго. Мѣсто, на коемъ основался Арабскій Географъ, находится въ одномъ Арабскомъ путешественникѣ, Ахмедъ-бенъ Фоцланѣ, кото-

раго повѣствованіе *Г. Френъ* сообщилъ въ своемъ сочиненіи о Козарахъ (Спб. 1822. 4°). Тамъ сродство Турецкаго и Козарскаго языковъ вовсе отвергается; и такъ ничего болѣе не остается, какъ отыскать имъ другое происхожденіе. Въ разсужденіи чего истинно не доставало Гг. Френу и Клапроту доказательствъ. Я могъ бы здѣсь всего лучше принять Финское происхожденіе, которое считаю весьма вѣроятнымъ на общемъ основаніи правдоподобія, нежели производить оное только отъ сходства съ названіемъ сопредѣльной Козарамъ крѣпости *Саркела*. Г. Лербергъ въ своемъ превосходномъ Изслѣдованіи, о коемъ я упомянулъ въ другомъ мѣстѣ, желалъ объяснить сіе имя съ Турецкаго языка, но онъ не согласился съ Константиномъ Багрянороднымъ, что впрочемъ нужно было. Г. Клапротъ ищетъ и находитъ оба слова въ нарѣчіи Вогульскомъ, на которомъ *саръ* значитъ бѣлой, а *келла*, домъ, селеніе (1); такъ сіе названіе *Саркелъ* перевелъ и Константинъ. Признаюсь, что сіе основаніе не убѣдило меня. Но заключеніе, что Козары не были Турками, кажется мнѣ весьма доказаннымъ, и

(1) Sere-Külla по Эстляндски значитъ бѣлая деревня, или бѣлой городъ.

всеобщая вѣроятность Финскаго ихъ происхожденія, по видимому, очень хорошо выведена въ изложеніи на стр. 160. Мы находимъ, что Тунманъ, Шлецеръ, какъ Френъ и Клапротъ, считаютъ бѣлыхъ Угровъ Несторовыхъ за одно съ Козарами. Намъ извѣстны изслѣдованія о поколѣніи Угровъ, Булгаръ, Вогуличей и проч. слѣдовательно мы имѣемъ достаточную причину принять назначеніе Лѣтописца въ отношеніи къ Козарамъ, за указаніе ихъ происхожденія. Далѣе Булгары, Вогуличи и проч. представляютъ отрасль восточныхъ Финновъ; Козары всегда состояли съ ними въ связи, и это новое убѣжденіе относитъ ихъ къ сему племени. Изъ сего явствуетъ, что когда это доказано, о чемъ я не присвоиваю себѣ никакого мнѣнія, то и въ разсужденіи преселенія народовъ, должно сдѣлать вовсе иную систему, нежели какая была доселѣ принимаема.

(Продолженіе впредь.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

Статей, содержащихся въ первыхъ шести мѣсяцахъ Азіятскаго Вѣстника 1826 года.

Стран.

Науки и Искуства.

Путешествія.

Стран.

II. Восточная Библіографія.

III. Критика.

ПОГРѢШНОСТИ и ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
22 —	4 свер.	Nouvelles	Nouvelles Annales
26 —	5 — —	ихъ сихъ	изъ сихъ
35 —	9 — —	вороша	ворота
39 —	9 — —	порвносимя	переносимя
46 —	12 — —	или	или
66 —	1 — —	Плано - Корнина	Плано - Карпини
98 —	12 — —	Гора	гора
— —	4 сниз.	присиупъ	приступа
102 —	13 свер.	гранитныя	гранитные
108 —	3 сниз.	другіе	другія
— —	11 — —	осины	оссины
109 —	9 — —	Сибрисской	Сибрихской
— —	6 свер.	осины	оссины
112 —	12 сниз.	обманчивыя	обманчивые
113 —	6 — —	пеперемѣнно	поперемѣнно
147 —	12 свер.	рѣщились	рѣшились
149 —	14 — —	плоскія	плоскіе
— —	16 — —	кругловатыя	кругловатые
152 —	4 — —	пуджагъ	пуджагъ.
159 —	3 — —	сдѣланные	сдѣланныя
161 —	3 — —	которыя	которые
164 —	4 — —	Ганстингсонъ	Гастингсонъ
— —	12 — —	Сами - то	Сими - то
174 —	2 сниз.	Сарембскихъ	Сарсибскихъ
180 —	12 — —	водворенів	водворенія
211 —	12 свер.	пальмовъ	пальмовыхъ
213 —	10 сниз.	Другахи	Другаха
226 —	8 свер.	огорестны!	о горестны!
222 —	7 — —	получить	получить
234 —	1 сниз.	Фашллъ	Фазлъ
235 —	8 свер.	означенаго	означеннаго
[illegible] —	9 — —	перя	пера
256 —	1 сниз.	скодь	сколь
262 —	12 свер.	облегчилъ	облегчила

Стран.	Строк.	Напечатано:	Читай:
304 —	12 сниз.	препятствія,	препятствія.
308 —	7 свер.	Убаша	Убаши
313 —	7 — —	нѣскольскими	нѣсколькими
319 —	8 — —	Р. Линдманъ	Г. Линдманъ
320 —	4 — —	Церковь	церковь
323 —	1 сниз.	Въ ней	На ней
326 —	3 свер.	покрытые	покрытыя
— —	7 сниз.	колодезъ	колодезь
330 —	3 — —	образа	Образа

Отъ Издателя.

По разнымъ препятствіямъ, болѣе важнымъ
ля меня, нежели для Публики, я не могъ въ
стекающемъ 1826 году выдать всѣхъ объ-
анныхъ мною книжекъ *Азіятскаго Вѣстника.*
жидая въ томъ благосклоннаго извиненія Особъ,
достоивших подписаться на сіе изданіе, дол-
омъ поставляю увѣрить ихъ, что обязан-
ость моя предъ ними будетъ выполнена въ
аступающемъ 1827 году, вмѣстѣ съ продол-
еніемъ на сей годъ *Азіятскаго Вѣстника,* ко-
ораго планъ и цѣна остаются безъ перемѣ-
ы, кромѣ того, что не будетъ уже прила-
емо къ книжкамъ отпечатанныхъ листовъ,
ставляемаго мною *Географическаго и Стати-
ическаго описанія Сибири и ея островов,* для
риобрѣтенія коего открыта особая подписка.

Г. Спасскій.